

Быстрые наездники

Рисунки И. Дунаевой

Быстрые наездники

Рассказы монгольских писателей

Москва «Детская литература» 1981

11 июля 1981 года Монгольская Народная Республика отмечает 60-летие победы Народной революции. Этот сборник мы подготовили к славному юбилею.

Составитель М. И. Гольман

Перевод с монгольского

Б95 **Быстрые наездники:** Рассказы монгольских писателей / Пер. с монг.; Состав. М. Гольмана, Предисл. Д. Гармаа; Рис. И. Дунаевой.— М.: Дет. лит., 1981.— 207 с., ил.

В пер.: 60 коп.

Сборник рассказов современных детских писателей МНР (Л. Тудэва, П. Хорлоо, С. Эрдэнэ, Д. Гармаа и др.). Монгольские писатели увлекательно рассказывают о жизни школьников своей страны, любознательных и находчивых, смелых и дружных. Вместе с героями этой книги читатель совершит интересное путешествие по Монголии, побывает в знаменитой нустыне Гоби, в столице МНР Улан-Баторе, в новых городах, в широких степях республики. Многие рассказы посвящены крепкой дружбе наших народов.

Б $\frac{70802-230}{М101(03)81}$ 372—81 И(Монг)

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Опускается вечер...
Взлетают цветные ракеты,
Пьют арабы кумыс,
Обнимаются крепко с друзьями,
И на площади людной,
Где танцы, и шутки, и игры,
Песнь о счастье слышна,
О расцвете Монголии новой!

И хотя эти строки первый монгольский революционный поэт Д. Нацагдорж написал сорок лет назад, сегодня они звучат так же громко и звонко, потому что 11 июля 1981 года Монгольская Народная Республика отмечает 60-летие победы Народной революции.

Друг и наставник всех монгольских ребят товарищ Ю. Цеденбал сказал: «Сегодняшняя Монголия — это процветающее социалистическое государство, равноправный член мирового социалистического содружества. Монголия совершила гигантский скачок вперёд от глубокого средневековья к социализму, минуя капитализм. ...В старой Монголии не было развито даже ремесленное производство, не говоря уже о современной промышленности. Основу экономики страны составляло экстенсивное кочевое животноводство... Маньчжуро-китайские колонизаторы, насильственно захватив Монголию, стремились добиться полного вымирания монголов. Важнейшим средством для этого служило широкое распространение ламаистской религии. Мальчики в 7—8 лет превращались в буддийских монахов — лам, на всю жизнь оставались в монастырях...»

Старая Монголия, о которой говорит товарищ Ю. Цеденбал, напомнила мне героя народной сказки, погибавшего от ран. К нему на помощь прилетел белый голубь и, превратившись в человека, напоил его живой водой. В сказке говорится, что, выпив живую воду, этот богатырь стал втрое сильнее и красивее... Белый голубь был мечтой о свободе, мечтой, которую Великая Октябрьская революция осуществила на русской земле.

Именно страна Великого Октября протянула руку дружбы монгольскому народу. Монголия и Советский Союз давние друзья. Основу нашей дружбе положили великий Ленин и вождь монгольской Народной революции Сухэ-Батор. Дружат и дети наших стран. Эта дружба началась тогда, когда первый детский писатель Д. Нацагдорж работал в Бюро

пионерской организации Монголии, тогда, когда советский писатель Аркадий Гайдар стал другом не только советских, но и монгольских ребят.

Эта дружба окрепла во время Великой Отечественной войны, когда монгольские ребята построили танк «Монгольский пионер», воевавший в танковой колонне «Революционная Монголия», когда монгольские пионеры приносили в «подарочную комиссию» для Красной Армии всё, что у них было: один нёс варежки, другой — тулуп, а третий вёл любимого коня.

Монголия — прекрасная страна. В широкой степи песчаной Гоби раскинулись новые посёлки скотоводческих кооперативов, скачут на быстроногих конях совсем маленькие ребята. Ведь дети скотоводов-аратов умеют ездить верхом с трёх лет, а с пяти лет участвуют в скачках.

Высокие снежные горы, зелёные долины, луга, быстрые горные ручьи... Там, где шестьдесят лет назад босоногая девочка-батрачка пасла господский скот, сегодня построен крупнейший в мире медно-молибденовый комбинат. Новый город Эрдэнэт строится руками советских и монгольских специалистов.

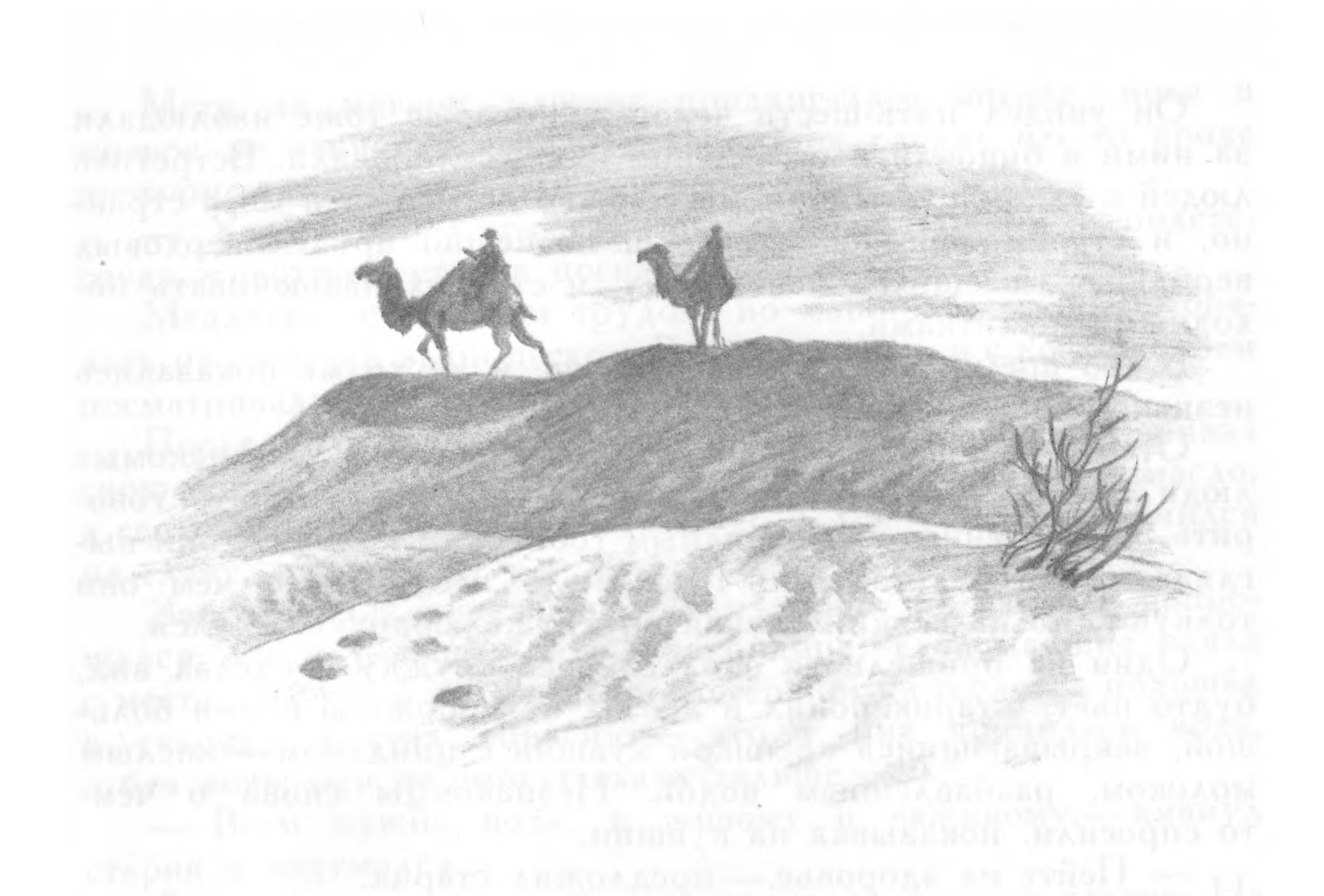
Вместо монастырей, державших в заточении тысячи маленьких послушников, будущих монахов, высятся сегодня заводы, электростанции, институты, театры, музеи, школы.

Сегодня монгольские школы ежегодно принимают около 45 тысяч юных граждан республики в первые классы. Монгольские дети любят книги советских писателей. Произведения А. Гайдара, С. Маршака, К. Чуковского, С. Михалкова, А. Барто, А. Алексина, В. Драгунского, В. Железникова, Ю. Сотника, В. Медведева стали настольными книгами наших ребят.

И советские ребята тоже давно и хорошо знакомы с монгольской детской литературой. Вот перед вами новая книга — сборник рассказов монгольских писателей. Она как бы приглашает вас к путешествию по Монголии и к путешествию в историю Монголии. Издание этой книги ещё один шаг для укрепления советско-монгольской дружбы.

Д. Гармаа,

секретарь Союза писателей МНР, детский писатель

Ч. Алагсай

«СПАСИБО — ИШПАШИЙВАА»

Рано утром старик Гава́ с сыном отправились искать своих верблюдов, оставленных в Гоби. Оставили их там, потому что на летних горных пастбищах для них ещё было маловато корму.

Летом верблюды редко пасутся на одном месте. Они постоянно кочуют в поисках зээрэ́н-унд — своего любимого кустарника. А он встречается не так уж часто. Поэтому ничего удивительного, что в первые сутки отец и сын так и не нашли своих животных.

Сидя на холме, араты по очереди разглядывали окрестность в старую подзорную трубу.

— Отец, взгляни-ка! Там люди.

— Кого это занесло в такую глушь? — удивился Гава и посмотрел в ту сторону, куда показывал сын.

Он увидел пять-шесть человек, которые тоже наблюдали за ними в бинокли и оживлённо жестикулировали. Встретить людей в таком пустынном месте было по меньшей мере странно, и старик забеспокоился. Он поспешно привёл верховых верблюдов, пасшихся неподалёку, и стал их навьючивать походными пожитками.

В это время послышались голоса, и на холме показались незнакомцы. Они направлялись прямо к ним.

Отец и сын в растерянности остановились. Незнакомые люди подошли и, перебивая друг друга, стали что-то говорить. Обожжённые беспощадным гобийским солнцем, они выглядели очень усталыми. Гаве было невдомёк, о чём они толкуют, но на всякий случай он дружелюбно улыбнулся.

Один из пришельцев снял с пояса кружку и сделал вид, будто пьёт. Старик понял и достал из дорожной сумки большой, закрывающийся крышкой кувшин с цийдэ́мом — кислым молоком, разбавленным водой. Незнакомцы снова о чём-то спросили, показывая на кувшин.

— Пейте на здоровье,— предложил старик.

Каждый из них сделал по нескольку глотков, а старший сказал:

— Спасибо.

Старик понял, что его благодарят, и про себя повторил незнакомое слово: «Ишпашийваа». Достав из дорожной сумки еду, он стал угощать пришельцев. Они отказались и снова принялись говорить. Отец и сын поняли только одно: эти люди просят пойти вместе с ними.

Старик ещё не знал, что встретил геологическую партию, которая исследовала бескрайние монгольские нагорья. Он догадался об этом, когда увидел застрявшую в песках машину. Она засела настолько глубоко, что колёс почти не было видно. Старик обошёл её вокруг и покачал головой.

— Откопать её будет непросто. Но мы что-нибудь придумаем.

И он показал, что надо делать. Через минуту все уже собирали сучья саксаула и караганы и подкладывали под колёса. Этими же сучьями загатили дорогу впереди, чтобы машина, вырвавшись из ямы, не забуксовала снова.

Метр за метром машина продвигалась вперёд, пока в моторе не закипела вода. Тогда старик сделал что-то вроде постромок и запряг в машину верблюдов.

— Хаа! Хож! Сог-сог! — подбадривая криком и подстёгивая животных, старик погнал их вперёд.

Медленно, с великим трудом, но машина всё-таки выбралась из сыпучей зыби песков. Все засмеялись и с восхищением посматривали на старика.

После полудня жара пошла на убыль. Старик развязал свою сумку, достал из неё цийдэм, сушёный творог и масло, а геологи принесли консервы и хлеб. Словом, обед получился на славу.

Затем старик показал геологам дорогу по карте и попрощался. Но тут вышла новая неурядица: едва машина взяла с места, как у неё заглох мотор. Старший из геологов подошёл к старику и стал объяснять, что у них кончилась вода, а без воды они не смогут ехать дальше.

— Всем нужна вода, и живому и неживому,— кивнул старик и задумался.

До колодца, если ехать на машине, не так уж далеко. На верблюдах добираться дольше, но другого выхода нет. Придётся поехать с сыном и привезти воду.

Когда старик уже сидел на верблюде, к нему подошёл молодой русский и знаками пояснил, что он хочет поехать вместо старика, так как старик и без того устал. Старик согласился, и русский неуклюже забрался на верблюда, да ещё не с той стороны, потому что у монголов принято садиться верхом только слева.

Сын старика и русский, прихватив канистры и другие пустые посудины, отправились в путь, туда, где синели далёкие горы.

Становилось прохладно, и теперь повсюду резвились антилопы-чернохвостки, пережидавшие дневной зной в тени саксаулов. Увидев людей, они шарахались в сторону.

Солнце село и стало темно. Чтобы уехавшие не заблудились, старик развёл большой костёр — в степи он виден за много километров. Целую ночь горел костёр, а на рассвете,

скоротав в дороге недолгую летнюю ночь, вернулись посланцы. Их встретили радостными возгласами. Во всех посудинах плескалась прозрачная студёная вода — ни с чем не сравнимое сокровище в неоглядных просторах Гоби.

Старик вызвался сварить чай, но никто не захотел ждать. Все наполнили свои кружки и жадно пили воду, пока не утихла жажда. А напившись, стали обнимать старикова сына.

Но вот наступило и утро. Небо было ясное, и это предвещало жаркий день. На прощание все сфотографировались, стоя у машины.

— Ну, ребятки, а теперь поезжайте, не теряя времени,— сказал старик, ещё раз отметив на карте дорогу до сомонного центра[1].

Старший геолог пожал руку старику и мальчику. Провожая русских до машины, старик говорил:

— До свидания, дети мои, счастливого вам пути. Приглашаю вас погостить в моей юрте.

— Да-да, спасибо,— отвечали ему.

— За-за, ишпашийваа,— повторял следом старик и улыбался.

Б. Бааст

СУХЭ

Над Ханга́ем ярко светило полуденное солнце. Обитатели двух юрт, разбитых в долине, были заняты работой — дубили кожу, ставили простоквашу. Пастухи пригнали скот.

У тарбаганьей норы сидел мальчуган. Это был Сухэ́. Засунув руку в нору, он изо всех сил пытался что-то вытащить оттуда. В один из его капканов, поставленных у входа в нору, попался тарбага́н. Жёлтый зверёк метался, пытаясь освободиться, и Сухэ никак не мог совладать с ним. «Ягнята!» —

---

[1] Сомо́нный центр. Сомо́н — низовая административно-территориальная единица в МНР, район.

вдруг вспомнил он: ведь ему поручили пасти ягнят и козлят. А тарбаган продолжал упираться. Приподнявшись с земли, мальчик оглядел окрестности. Стада не было видно. Выпрямившись, Сухэ ещё раз посмотрел по сторонам. Наверно, стадо ушло за гору Чингис, пока он возился с тарбаганом.

Небо на севере затянуло свинцовыми тучами, серая дымка окутала вершину горы. Надвигалась гроза. Быстро темнело. Чтобы не забыть место, Сухэ завалил вход в нору с тарбаганом большим плоским камнем. И отправился на поиски стада.

На горе Чингис Сухэ был в прошлом году, ходил туда на экскурсию из пионерского лагеря. Но тогда день стоял солнечный, ясный, и выбирать дорогу было нетрудно. А сейчас каждый шаг давался с трудом. Ноги запутывались в сухой траве, много лет не знавшей косы. Норы, ямы, расщелины...

Мальчик искал какую-нибудь тропинку, где бы не попадалось так много острых камней. С его лица градом катился пот, дышать было тяжело, хотелось пить. Сухэ сел, вытянул нывшие от усталости ноги. Ему была приятна идущая от земли прохлада. Отдохнув, мальчик снова пустился на поиски своего стада.

Тучи заволокли уже всё небо. Смеркалось. Сухэ осмотрелся. Кругом никого. Он думал о доме. Отец небось уже вернулся из сомона. Пока он напьётся чаю, сменит коня... Мама? Она нянчится с малышом. Что же делать? Возвращаться домой без стада? Нет, нельзя.

Наконец он взобрался на вершину горы. Сколько ни вглядывался, не увидел никаких признаков стада. Куда же делись козлята и ягнята? Сухэ стал спускаться к редкому лесочку, растущему у подножия соседней горы. Туда вела долина, занесённая песком и усеянная большими валунами. Ничто не говорило о том, что здесь прошло стадо. Вскоре Сухэ наткнулся на ручеёк, вытекавший из горы. Здесь он наконец напал на след стада — он вёл вниз, по течению ручейка.

Стало совсем темно. Сверкнула молния, и всё вокруг показалось Сухэ незнакомым и страшным. Он прислушался. С шумом пролетела вспугнутая кем-то утка. Вдалеке раздался волчий вой. А блеяния козлят не слышно. Не лучше ли вернуться? А как же стадо? Да и найдёт ли он дорогу домой?

Мать, видно, зовёт не дозовётся Сухэ. А отец, наверно, поехал его искать. Впрочем, о возвращении домой Сухэ тут же забывает. С нежностью думает он о своём любимце — пёстром козлёнке. Не заблудился ли малыш в горах, не отбился ли от стада?..

Мальчик и не заметил, как выбрался из леса. Когда вспыхивала молния, ему казалось, что из темноты на него глядят чудища, о которых говорится в преданиях и сказках. Преодолевая страх, мальчик продолжал идти. Шёл он долго, пока не набрёл на заброшенное стойбище. Сухэ повеселел — ни за что их стадо не прошло бы мимо хашана![1] Блеск молнии озарил стойбище, и мальчик увидел, что хашан пуст. «Может, заблеять по-овечьи, — подумал Сухэ, — и ягнята отзовутся? А вдруг волк услышит мой голос и бросится на меня?»

Послышался пронзительный крик. Сухэ догадался: кричала сова. Стал накрапывать мелкий дождик. И вдруг совсем рядом заблеял козлёнок. Сухэ узнал голос своего любимца и сразу же забыл о всех своих страхах. Снова блеснула молния, и он увидел ягнят и козлят, сбившихся в кучу. Он бросился к ним, схватил на руки маленького пёстрого козлёнка. Теперь мальчик чувствовал себя сильным и храбрым — настоящим героем.

Дождь лил вовсю. Сухэ гнал стадо по дороге, освещавшейся частыми вспышками молний. Крепко прижавшись к своему маленькому хозяину и высоко подобрав тоненькие ножки, пёстрый козлёнок мирно дремал на руках у Сухэ.

Изредка мальчик придерживал вожака, чтобы отставшие ягнята догнали остальных. Вдруг стадо шарахнулось в сторону. Мальчик растерялся, опустил руки, козлёнок упал, проснулся и заблеял. Сухэ заметил, что нескольких ягнят не хватает. Снова взяв на руки пёстрого козлёнка, он бросился разыскивать беглецов. Нашёл их среди камней. «Наверно, они подняли с лёжки зайца и сами же его испугались»,— подумал мальчик. Тэрлик[2] на нем весь промок, ноги щипало...

---

[1] Хаша́н — забор, двор, загон для скота.

[2] Тэ́рлик — лёгкий национальный халат.

Стадо двигалось по направлению к хашану, мимо которого недавно прошёл Сухэ. Дождь усиливался; как знать, может, он собирался идти всю ночь? А горная дорога нелёгкая. «Поспешишь — обморозишься»,— пришла на ум мальчику старая поговорка. Он загнал ягнят и козлят в хашан и несколько раз неторопливо обошёл вокруг него, пытаясь угадать, все ли животные тут. Потом встал у входа.

Летние ночи коротки. Присев на ко́рточки, Сухэ прислонился к стене хашана. Он был одет в тонкий тэрлик и дрожал от холода. Пёстрый козлёнок тоже дрожал. Прижавшись к своему любимцу щекой, Сухэ почувствовал приятное тепло. Тут бы и уснуть немного... Но спать Сухэ не мог — он стерёг стадо. Чутко прислушиваясь к каждому звуку, мальчик ждал, не раздастся ли где-нибудь голос отца. Но до ушей Сухэ доносились совсем другие звуки: стучал по земле частый дождик, где-то неподалёку ржали кони. Кто это оставил табун без присмотра? Дрожа, он натянул на ноги полы мокрого тэрлика. Онемела спина, и он встал, чтобы немного размяться. Да, дождь перестанет не скоро. Ягнята сбились в кучу и жевали жвачку. Было ещё темно, но уже чувствовалось приближение рассвета. Сильно клонило ко сну. «Только бы не заснуть! — думал Сухэ.— Нельзя спать пастуху. Я должен научиться мужественно переносить все невзгоды. Может быть, я когда-нибудь стану пограничником. На границе дремать не положено. Надо закаляться, ведь смелость — та же выносливость.

Но Сухэ — только мальчик. И незаметно сон сморил его. Ему снилось, будто он пришёл в школу, в свой четвёртый класс. Его обступили ребята. «Здравствуй, Сухэ,— сказали они.— Как ты отдохнул летом? Почему опоздал в школу? Что ты принёс для уголка натуралиста? А знаешь, мы тебя снова выбрали старостой. Подойди же к учителю и возьми у него наши учебники и тетради... Скоро урок начнётся».

Сухэ не знал, что им ответить. Ребята казались ему большими, а сам он был маленький-маленький.

Вот к нему подошла Лхама́. Эта девочка — его лучший друг. Она смотрит на него с тревогой и спрашивает: «Почему ты опоздал? Был болен? С тобой что-нибудь случилось

летом?» Сухэ сперва молчит, а потом быстро отвечает: «Когда весной мы разъезжались по домам, ты мне не пожелала счастливого пути. Почему?» Узкие чёрные бровки девочки недоуменно взметнулись вверх. Она ласково улыбнулась. «Ты меня обидел»,— проговорила она и легонько толкнула Сухэ. Он тоже подтолкнул её локтем и тут же проснулся. Вокруг попрежнему ни души. Но дождь прекратился, и забрезжил рассвет. Ягнята выходили из хашана. Один из них шаловливо ткнулся мордочкой в колени Сухэ, словно говоря: «Эх ты, соня, а не пастух. Вставай скорее, уже утро!»

Пёстрый козлёнок снова оказался на руках у своего маленького хозяина. Сухэ погнал стадо домой. Пропитанная ночным дождём земля была сыра. В лужи и озерки хмуро смотрелся лес. Вершины гор были скрыты густым туманом. Сухэ вспомнил свой сон. С чего это вдруг он опоздал в школу? Раньше он никогда не опаздывал. Когда это он обидел Лхаму? Сроду никого не обижал!

Сухэ поднялся на вершину горы. Навстречу ему спешило солнце. На одном из холмов мальчик заметил всадника. То был его отец. Завидев Сухэ, он пустил коня галопом.

Первого сентября, когда школа распахивает свои двери перед ребятами, по горам и плоскогорьям Хангая, по степям и полупустыням Гоби на лошадях и машинах едут десятки, сотни и тысячи школьников. Среди них и Сухэ.

Нынче дети съехались немного раньше, чем в прошлые годы: они собирались с помощью учителей пополнить школьный уголок натуралиста. Чего только нет в этом уголке! Гербарии и коллекции минералов, фигурки животных, искусно вылепленные из глины, вырезанные из дерева и камня,— и всё сделано самими ребятами. Коллекцию полевых вредителей собрал До́рджи, коллекцию бабочек и кузнечиков — Цог. А Сухэ привёз шкурку тарбагана.

Ребята разглядывали шкурку. Видно, зверёк был добыт без помощи ружья.

— Расскажи, Сухэ, как тебе удалось поймать его?

Лхама тоже попросила:

— Расскажи.

— А вы не станете смеяться надо мной? — спросил Сухэ.— Ведь этого тарбагана я поймал как раз перед тем, как заночевал в горах...

— Да это ещё интересней! — закричали ребята.— Скорее, Сухэ, рассказывай! Мы ждём.

Но тут весело прозвенел звонок. Он настойчиво звал учеников в класс. Ребята расселись по партам и раскрыли тетради. «1 сентября 19... года»,— написали они вверху первой страницы. Занятия начались.

Так Сухэ и не успел рассказать товарищам о грозовой ночи в горах, о тарбагане и ягнятах. Но это не так уж важно, ведь мы-то с вами знаем эту историю.

ДОЖДЬ

У скотоводов есть поговорка: «Пыль — к ворону, дождь — к волку». Ребёнком я не понимал её смысла, да и не предполагал, что он когда-нибудь станет мне ясен.

Наша коза окотилась летом. У козлят быстро появились рожки. Ночью козлят держали на привязи у юрты, а днём выгоняли на пастбище.

Я играл по очереди с каждым козлёнком, кормил их из своих рук, и на моих глазах они росли и крепли.

Всё шло, казалось бы, хорошо, но мне было грустно. Дело в том, что среди козлят — а их у нас было немного — я долго не мог выбрать любимца, чтобы взять его на своё полное попечение и делить с ним кров и пищу. Наконец мой выбор пал на комолого козлёнка, серенького и слабенького, но с капризным нравом. Первое время с ним сладу не было: он упорно не желал идти вместе с другими козлятами на пастбище, своевольничал, не поддавался уходу. Но потом пообвык, стал послушным и приветливым и вместе со всеми охотно шёл на лужайку пастись.

Вечером к возвращению козлят козу успевали обычно подоить и освободить от пут. У нас всегда перед дойкой связывают козам ноги, а козлят подпускают к матери только после того, как закончат доить и снимут путы. И тогда

беднякке комолому приходилось потрудиться, не переставая блеять, он то подбегал к матери и хватал её за соски, то прыгал ко мне за печеньем и сластями.

На ночь я укладывал козлёнка рядом с собой в юрте.

Вытянув ноги, он удобно устраивался на краешке моего тюфяка. И когда я во сне беспокойно ворочался с боку на бок, он сердился и, сурово глядя на меня, как бы укорял: «Перестань, спи спокойно».

— Смотри, будешь вертеться — он тебя забодает! — шутили родители.

Иногда я, ворочаясь, вытеснял козлёнка с его места, и тогда он вставал, осторожно перешагивал через меня и тихо ложился по другую сторону.

Шло время, козлёнок подрос, окреп, на лбу у него даже обозначились небольшие рожки. Теперь мне стоило немалого труда загнать его на ночь в юрту.

Правда, в непогоду он ещё сравнительно легко поддавался увещеваниям, но в хорошие дни предпочитал спать на воздухе.

Однажды вечером разыгралась настоящая буря, пошёл проливной дождь. Мы с матерью и отцом сидели в юрте, когда дверь неожиданно распахнулась и в юрту прыгнул козлёнок. Он промок до костей, съёжился, дрожал от холода и был похож на жалкого суслика.

— Ага, пришёл! — сказал я злорадно.— А я-то думал, что теперь тебе всё нипочём! Взрослым стал, да? На хозяина тебе наплевать, да?

— Ишь ты, сам с ноготок, а уже хозяином себя выставляет, козлёнку выговаривает! — рассмеялись родители.— Лучше помоги ему обогреться.

Скоро козлёнок обсох, оживился. Мы с ним стали играть: затеяли возню, боролись и бодались, как барашки. Потом я щекотал козлёнка, расчёсывал ему шерсть и в конце концов устал. Тогда я притворился спящим, но мой комолый ничего не хотел знать: он тыкался в меня мордочкой, бодался, тёрся об меня спиной и боками, ласкался и приставал без конца. Незаметно он умял целую тарелку борцогов[1].

---

[1] Бо́рцог — вид печенья; приготовляется в кипящем масле.

Родители, очень довольные неожиданным спектаклем, весело хохотали.

— Вот чудак твой комолый! Играет, словно что-то соображает! — вымолвил сквозь смех отец.

— Все они хороши, пока маленькие,— добавила мать.— А вырастет — и получится из него всего-навсего глупый козёл.

— Нет, мой козлёнок никогда не будет глупым! — обиделся я.— Разве он не прибежал сюда сам, чтобы укрыться от дождя? А как он слизнул борцоги во время игры!

Дождь усилился.

— Да, сегодня ночью надо быть начеку: могут волки пожаловать,— заметил отец.

— Дождь — дурная примета,— добавила мать.

Наступила ночь. За стеной потоком лила вода, лаяли собаки...

Родители несколько раз зажигали сальник и выходили из юрты. А я очень устал после возни с козлёнком и лежал не шевелясь.

Сквозь дождь слышались крики и блеяние козы и ягнят. Холодно им было снаружи. Особенно громко и истошно блеяла мать комолого. Её голос заставил моего козлёнка вскочить на ноги. Он заметался, заблеял и выскочил из юрты. Там он скоро затих — видно, нашёл мать.

— Как бы он не замёрз. Пойду приведу его назад,— сказал я, неохотно приподымаясь с постели.

— Ложись и никуда не ходи,— остановила меня мать.— В такой темноте искать комолого бесполезно. Сам придёт, если захочет.

Я послушался, тем более что идти под дождь мне совсем не хотелось, и снова улёгся в постель.

— А не кажется ли тебе теперь, что твой комолый козлёнок всё-таки довольно глупое животное? — спросил с усмешкой отец.

— Нет, папа, он не глупый, он очень умный: наигрался, наелся и, наверное, захотел пить. Вот и побежал к матери за молочком. Напьётся и обратно придёт, вот увидишь.

И я тотчас заснул.

— Вставай, сынок, вставай,— услышал я сквозь сон взволнованный голос мамы.

Мне показалось, она хочет сказать что-то важное, но глаза мои слипались от сладкой дремоты, и я никак не мог пробудиться.

— Проснись, сынок, скорее, с твоим комолым несчастье! — наконец услышал я и мгновенно открыл глаза.

— Мама, я вижу в темноте, как филин. Я сбегаю и приведу его в юрту!

— Сейчас уже утро, давно солнце взошло. Уже незачем бежать... Козлёнок твой... твоего козлёнка... волк...

Я вскочил с кровати:

— Что?! Что ты говоришь, мама? Волк? Где он?

— Волка давно уже и след простыл. И он унёс с собой твоего козлёнка...

— Волк утащил козлёнка? Как же это?! И вы не нашли его? — закричал я, ещё не веря, что произошло несчастье.

— Как это не нашли! Нашли, конечно. Только поздно...— Мать заплакала.— От комолого одна голова осталась, лежит у Жёлтой скалы, на том месте, где волк и задрал беднягу...

— Только голова...— До меня наконец дошёл зловещий смысл этих слов, и я выскочил из юрты.

Вдали, у Жёлтой скалы, виднелась фигура отца.

Я мчался так, как будто мог ещё спасти моего любимца...

В мёртвых глазах козлёнка застыли слёзы упрёка. Казалось, он говорил мне: «Ты плохой скотовод! Я тебя так звал, так звал на помощь, а ты не пришёл. Ты погубил меня».

Я не выдержал и заплакал навзрыд.

Вдоволь наплакавшись, я спросил отца, как это могло случиться.

— Недаром говорят, что дождь — к волку,— ответил он.— Вчера, сам знаешь, ночь была — хоть глаз выколи. Ничего кругом не видно. Да и дождь лил как из ведра. Такая погода для волка благодать. К тому же козлёнок устал, он слишком долго играл с тобой.

— Но вы с мамой сами не дали мне выйти и привести его в юрту! Вы сказали, что козлёнок, наверное, вернётся! Если бы я привёл его назад, ничего бы не случилось...

— Да, но ты ведь уверял нас, что твой козлёнок необыкновенно умён: и от дождя он спрятался, и играть умеет хорошо, и борцоги ест, только что песни не поёт! Будь он умным, он бы не выскочил ночью под дождь!.. Ну да ладно, сейчас не время спорить. Теперь ты знаешь, что за отвратительное животное волк. У него нет ни сострадания, ни жалости. Поэтому, когда пасёшь овец, надо быть начеку, иначе волк может напасть на стадо, может подкараулить ягнят и козлят, даже взрослую овцу зарезать может.

— Папа, а нельзя выследить этого волка?

— Можно, конечно. Надо ему отомстить за всех ягнят и козлят. Куда бы ты ни пошёл и ни поехал, всюду ищи этого злодея или его следы.

Так произошло мое знакомство с лютым хищником — волком. С того дня я только и думал, как бы поскорее вырасти.

И теперь ночью, когда шёл дождь, я больше не спал, а вместе с родителями охранял наш скот.

ДВА ДРУГА

Доржи жил в далёкой пустыне Гоби. Его сверстник Бат — в столице, Улан-Баторе.

Бат переписывался со многими ребятами — пионерами из Советского Союза, Болгарии, Венгрии. Писал он и Доржи. В его письмах было много интересного — он писал о новостройках столицы, о новых марках автомобилей, появлявшихся на улицах его родного города, о новых кинофильмах, о жизни зарубежных своих друзей.

Доржи тоже было о чём писать своему другу. Его родина — Гоби богатый и красивый край. И недаром туда приезжают не только свои, но и иностранные туристы. Доржи очень любил и своеобразную природу Гоби, и животных, обитающих в ней, и людей, населяющих её просторы. Но разве можно рассказать обо всём этом на бумаге? Ведь лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать или прочитать. Поэтому и решил Доржи пригласить Бата к себе в гости на летние каникулы.

Самолёт очень быстро доставил Бата в центр аймака[1]. Там мальчик пересел в автобус и скоро прибыл в сомонный центр, где его и ждал Доржи.

Доржи держал под уздцы двух верблюдов. Бат опасливо покосился на них — ведь до сих пор ему ни разу не приходилось ездить на таком «транспорте».

Друзья обнялись, поздоровались, и Доржи помог Бату взобраться на верблюда. Сам сел на другого, и они отправились в путь.

Ехали они и по цветущим травам, и по солончакам. В голубом небе парили могучие птицы. Бат ничего этого не заметил. Он думал лишь о том, как бы удержаться на этом двугорбом верзиле, как бы не скатиться с него на землю, не стать посмешищем в глазах друга.

К вечеру ребята добрались до юрты Доржи. Всего несколько часов были они в дороге, а Бату показалось — неделю.

---

[1] Аймак — самая крупная административная единица в Монголии, область.

Наутро Бат проснулся совсем разбитый. Всё тело его ныло. Мальчик боялся даже вздохнуть поглубже, не то что на улицу выйти. Родители Доржи, Дэндэ́в и Цэвэлма́, не на шутку встревожились — уж не захворал ли столичный гость? Но вскоре они успокоились. Бат здоров, просто он страшно устал от непривычной езды верхом...

В первые дни Бат не отходил далеко от юрты — всё вокруг неё вертелся, словно верблюжонок привязанный. Правда, он сильно скучал один. Ведь Доржи дома не сидел. Он пас овец, поил верблюдов, носил матери воду, собирал аргал[1]. Скоро и отец Доржи уехал на отгонное пастбище — туда он погнал и часть взрослых верблюдов, и молодых, необъезженных.

Всё, что было для Доржи привычным, будничным, у Бата вызывало удивление. Гоби казалась ему каким-то сказочным миром, а сами гобийцы — повелителями и властителями этого мира...

Постепенно Бат стал привыкать к новой жизни. Он начал помогать Доржи пасти овец, приглядывать за верблюдами. Очень привлекала мальчика суровая красота равнины, по душе ему были и люди вокруг — трудолюбивые, честные, гостеприимные. Впечатлений у него было столько, что он боялся что-то позабыть, растерять до приезда в город. Поэтому Бат, как взрослый, принялся всё-всё записывать в тетрадку. Теперь уж он сможет подробно рассказать своим одноклассникам обо всём виденном, слышанном, пережитом.

Бат делал записи о повадках, привычках и поведении разных домашних животных. Особенно много он записал о верблюдах. Чем же удивил мальчика верблюд? Бату прежде всего понравились его трудолюбие и терпение. Поразили мальчика и большие чёрные выразительные глаза верблюда. Ведь любые глаза — будь то человеческие или глаза животного — всегда выражают душу, нрав, характер их обладателя. Вот и верблюжьи глаза, добрые и доверчивые, должны отражать его кроткий нрав, благородство и трудолюбие. Так думал Бат. Всё нравилось Бату в этом удивительном животном, даже его

---

[1] Арга́л — сухой помёт, кизяк; применяется как топливо.

короткий хвост и маленькие уши. Да и зачем ему другие? Большие, как у зайца, уши и длинный мышиный хвост только портили бы его величественный вид. Нравились мальчику и крепкие ноги верблюда с большими круглыми ступнями. Вот ведь как в природе всё здорово устроено — именно такие крепкие ноги, такие большие ступни и нужны верблюду. Просто необходимы ему! Будь у верблюда другие ноги — например, с узкими копытами, как у степной антилопы, — как бы он, бедняга, ходил по пустыне? Ведь тонкие ножки всё время проваливались бы в зыбучий песок под тяжестью его огромного тела! А горбы? Они именно такие, что на них и сидеть удобно и вьюки перевозить.

Бат любит смотреть, как верблюд пьёт и ест. Его поражало, что верблюд спокойно жевал колючки, твёрдые, словно иголки или гвозди. Он срывал своими длинными и острыми зубами целые пучки самых твёрдых колючек, медленно отправлял их в рот, затем перекатывал языком от одной щеки к другой, словно горячий, обжигающий борцог. Потом начинал жевать эти колючки и постепенно проталкивать в желудок через свою длинную изогнутую шею. В такие минуты Бат прямо-таки восхищался верблюдом: какое ещё животное на свете отважится есть такие колючки! Порою мальчик и жалел верблюда: как он может есть такую пищу? Бат даже глаза закрывал и морщился, словно у него самого болели и зубы, и губы, и язык от этих жёстких и горьких стеблей!

Бат с особым удовольствием поил верблюдов. Доржи пригонял их на водопой каждый день. Ребята доставали бадьёй чистую холодную воду из глубокого колодца и смотрели, как жадно пьют её верблюды: Бат где-то читал, что верблюды способны подолгу терпеть жажду, так как у них внутри имеется какой-то мешок, в котором и хранятся запасы воды. До шестидесяти литров! Поэтому он однажды и спросил удивлённо у Доржи:

— Зачем поить верблюдов каждый день?

На что друг его ответил так:

— Верблюду хочется пить каждый день. Другое дело, что он может не пить неделями. Тогда он и потребляет свои запасы. Есть, конечно, ленивые погонщики, которым просто

неохота каждый день поить верблюдов — мол, выдержат, терпеливые. Нехорошо это. Отец говорит, что за верблюдами нужно хорошо ухаживать, заботиться о них, поить каждый день... Ты посмотри-ка на наших верблюдов — гладкие, сытые. Даже студёной зимой мы не ленимся доставать им воду из колодца... Правда, через день — ведь зимой не так хочется пить, как жарким летом...

Бат продолжал жить у своего друга, и каждый день приносил ему что-нибудь интересное. Порой и всякие курьёзы случались с городским мальчиком. Вот как, например, однажды.

Бат случайно заметил, что один из верблюдов катается по горячей золе, выброшенной из тагана[1] неподалёку от юрты. Не помня себя от испуга, мальчик вбежал в юрту и, заикаясь, проговорил:

— Бб-бе-ги-тте... Сс-ко-ррей!.. Т-там ввер-бблю-юд уу-пал на ззо-лу, ппод-няться нне ммо-жет...

— Не бойся, сынок, ничего с верблюдом не случится,— рассмеялась Цэвэлма.— Да и зола из очага не такая уж горячая. А ты разве не знаешь, что верблюды очень любят валяться в золе?

— Не-ет, не знаю...

— Ну, тогда я расскажу тебе одну сказку, — сказала Цэвэлма, но тут она заметила в юрте сына и добавила: — А ты, Доржи, уже много раз слышал эту сказку. Ступай-ка лучше за водой...

Доржи ушёл, а мать его принялась за рассказ.

— Может, ты, Бат, и слышал,— начала она,— что существует древний монгольский календарь. Он рассчитан на двенадцать лет. И каждый год в нём называется именем какого-либо животного. И начинается он с года Мыши. Так ведь?

Бат кивнул.

— А почему он начинается с года Мыши, знаешь?

— Не-ет...

— А вот почему. Когда мудрецы задумали составить такой календарь, они ещё не знали, чьим именем назовут первый год. И самим зверям было всё равно, какой год назовут их именем:

---

[1] Тага́н — здесь: железная печь в юрте, очаг.

первый или пятый, десятый или последний, двенадцатый... Заспорили между собой только верблюд да мышь. Да и зачинщицей-то была злая, мелкозубая мышка.

«Я самая маленькая,— пищала она.— С меня пусть и календарь начинается!»

Тогда и верблюд заупрямился:

«А я самый большой, с меня и должны календарь начинать».

Спорили они, спорили и отправились наконец к самому мудрому мудрецу. Выслушал их старик и спрашивает:

«Скажите-ка мне, откуда солнце восходит?»

«С востока»,— отвечает верблюд.

«Нет, с запада»,— пищит мышь.

Тогда мудрец и говорит им:

«Ступайте теперь домой, а завтра оба дождитесь восхода солнца. Тот, кто первым увидит восход, тот и займёт первое место в календаре».

Ушли от мудреца верблюд и мышь. Скоро верблюд опустился на землю возле кучи золы и пепла, выброшенных кем-то из очага. Мышь примостилась рядом. Верблюд не спал всю ночь. Не отрывая глаз, он смотрел на восток. Ждал восхода солнца. Мышь тоже не сомкнула глаз. Она смотрела на запад. Тоже восхода солнца ждала. И мышь первая увидала солнечные лучи: они осветили вершины гор, возвышавшихся на западе. Ведь лучи солнца появляются раньше самого светила. Вот эти лучи и озарили вершины западных гор.

Обрадовалась мышь и заверещала:

«Я первая увидела! Я первая! И солнце взошло с запада! С запада!»

И мышь от радости забегала по ещё тёплой золе.

А верблюд рассердился и тоже повалился на золу. Он принялся кататься по ней — хотел мышь раздавить! Но маленькая и юркая мышь сумела убежать от разгневанного великана.

Старому мудрецу пришлось выполнить своё обещание — ведь мышь и в самом деле первая увидела восход. Поэтому первый год календаря и назвали годом Мыши. А верблюд с тех пор и до наших дней люто ненавидит мышь. И лишь заметит где-нибудь выброшенные на землю золу и пепел, тут

же начинает кататься по ним — хочет мышь ненавистную раздавить!..

Бату очень хотелось, чтобы верблюд — и без того красивый и величественный — был бы ещё красивее.

— Эх, как было бы хорошо, если бы у верблюда росли бы ещё и рога! — воскликнул он однажды.

Услыхала эти слова мать Доржи, Цэвэлма, и улыбнулась.

— А ведь у верблюда на голове раньше были и рога — красивые, ветвистые,— сказала она. — Но вот однажды на берегу реки повстречал он оленя. Олень рассказал верблюду, что его пригласили в гости, а у него такая некрасивая шкура, да и украшений никаких нет. Пожалел верблюд оленя и отдал ему свои рога. На время. С радостью принял олень верблюжьи рога и обещал скоро вернуть. Но олень обманул доверчивого верблюда и по сей день не отдал ему рогов... А ты, сынок, заметил, как верблюд пьёт воду?

— Заметил,— ответил Бат.— Сделает несколько глотков и оглянется по сторонам. Потом снова принимается пить.

— Вот-вот... А это потому, что олень обещал верблюду вернуть рога на водопое. Верблюд пьёт и оглядывается — обманщика-оленя ждёт.

— Ах бедняга! — воскликнул Бат.

С тех пор он ещё больше полюбил верблюдов, ещё усерднее стал помогать своему другу Доржи ухаживать за ними.

Услыхав от матери Доржи две сказки о верблюдах, Бат захотел узнать о них ещё больше. Теперь он записывал в свою тетрадку и сказки, и песни, и загадки — о верблюдах, лошадях и других домашних животных.

Дни летели быстро, и два месяца прошли незаметно. Казалось, Бат вовсе и не соскучился по родному дому — так ему нравилось в Гоби. Ему нравилось жить здесь — среди гостеприимных и трудолюбивых людей, любоваться необычной природой Гоби.

Скоро возвратился с отгонного пастбища и отец Доржи, Дэндэв, рассказал Бату, что верблюды не всегда такие добрые и тихие. Поглядел бы Бат на необъезженных молодых животных, которые ещё не понимают и не желают признавать

слова «сог»[1], или на старых верблюдов, которые могут и укусить в ярости.

Бат узнал, что и в природе добро может соседствовать со злом. Но зло можно победить. Вот, например, Дэндэв. Он — опытный скотовод. Терпением и лаской он обуздывает злых и строптивых животных, превращая их в добрых и покорных.

Хороша жизнь в Гоби, но Бату пора было уезжать. Друзья договорились, что будущим летом сначала Доржи приедет погостить к Бату, а потом ребята вместе возвратятся в Золотистую Гоби... Они верили, что так оно и будет. Ведь недаром говорят в народе: «Конь поскакал — доскачет, молодец задумал — добьётся!» И снова Доржи и Бат ехали в районный центр на верховых верблюдах. Только теперь Бат уже не боялся свалиться на землю — он привык к такой езде. Он жадно смотрел по сторонам. Грустно ему было расставаться и с пожелтевшими сухими травами, и солончаками, и с полюбившимися ему верблюдами, и, конечно же, с другом своим, Доржи...

О. Баасанжав

МАЛЕНЬКИЙ БАТХУ — НАШ СОСЕД

С утра до ночи слушал Ба́тху старшего брата. Ещё бы! Ведь брат вернулся из армии и теперь целыми днями рассказывал разные увлекательные истории. Особенно нравились Батху истории о буланном коне.

— Говорю: «Ложись!» — он ложится. Говорю: «На бок!» — ложится на бок.

— Ой, как здорово! — хлопал в ладоши Батху.— Ещё расскажи.

И брат, устроившись на кошме поудобнее, рассказывал и рассказывал.

А через неделю, тёплым летним вечером, они вдвоём

[1] Сог — возглас, которым понукают верблюда.

отправились смотреть новый фильм. Фильм назывался «Коня бы мне!»

На натянутом между юрт экране галопом скакал табунщик До́ндог на своём пегом коне. Конь летел наперегонки с «газиком»; за рулём сидела красавица Енжма́. Батху подпрыгивал на месте: ему казалось, что он тоже скачет на лихом скакуне. А потом он не выдержал и завопил что есть мочи:

— Давай-давай, дядя Дондог! Жми! А ну быстрее!

Вокруг засмеялись. Но Батху ничего не видел и не слышал: на экране умирал загнанный пегий конь. Вот уже Дондог снял седло и пошёл прочь. И тут Батху не выдержал:

— Куда ты, дядя Дондог? Не оставляй его! Вот увидишь, он встанет! Может, он просто лёг отдохнуть? Вернись!

Голос у Батху дрогнул и оборвался, а зрители совсем развеселились. На плечо Батху легла тёплая рука брата.

— Ты что, Батху? Ты же мешаешь! Раскричался!

— А тебе разве его не жалко? — всхлипнул Батху.— А если бы вместо пегого лежал твой буланый? А может, этот пегий, как и твой, дрессированный!..

* * *

Тихий осенний вечер. Сенокос. Батху лежит рядом со старшей сестрой на повозке и болтает о том о сём.

— Скажи, сестра, ты далеко видишь?

— А что?

— Ну вот дедушкину юрту, например, видишь?

— Как я могу? — смеётся сестра.— Дурачок! Ведь между нами и юртой — гора Хапран.

— А с вершины Хапрана увидишь? — не унимался Батху.

— Конечно!

— Значит, с холма глаза видят лучше? — допытывается брат.

— Да нет! — снова смеётся сестра.— Просто чем выше поднимешься, тем дальше видно.

Батху долго молчит, а потом говорит задумчиво:

— Теперь я знаю, почему звёзды мигают...

— Это только кажется, что они мигают,— живо откликается сестра.— Это потому, что они далеко.

— Нет,— качает головой Батху.— Ведь звёзды — глаза неба. Они видят нас и подмигивают, правда?

* * *

В последний день Надома[1] мать повела Батху в цирк. Дрессированные собачки творили там чудеса.

После представления Батху сразу же принялся искать своего старого пса. Ба́сар лежал в тени, у юрты, спасаясь от знойного солнца. Батху встал перед ним на четвереньки.

— Слушай, Басар,— сказал он,— а ты можешь решать задачки?

---

[1] На́дом — национальный праздник; по традиции сопровождается спортивными соревнованиями: борьбой, стрельбой из лука, скачками. Приурочен ко дню победы Народной революции 11 июля.

Басар нехотя поднял голову и посмотрел на мальчика.

— Так! — обрадовался Батху.— Ты, значит, смотришь на мой лоб... Хочешь сказать, что задачи головой решают. Правильно! Давай займёмся! Мои руки плюс твои лапы, сколько будет?

Басар сел на задние лапы и покрутил головой.

— Хочешь сказать, что к рукам нельзя прибавить лапы? Молодец! Правильно! А теперь скажи: как тебя зовут? Басар?

Басар тряхнул головой, потом лениво поднялся и медленно побрёл прочь.

— Мама! — в восторге завопил Батху.— Какой он у нас умный! Даже умнее меня, правда?..

* * *

Сегодня новоселье: семья Батху вселилась в новую юрту. Батху счастлив.

— Здорово сказал про нашу юрту ёрол[1] Батжарга́л-гуай![2] — говорит он отцу.

— Хорошо сказал, верно,— кивает отец.— Ты не запомнил слова?

— Нет. А как он начал?

— Как всегда, с обращения «Эээ!».

— Это я знаю! А дальше?

— Не помню. — Отец улыбается.— Ты у нас, наверное, будешь сказителем, правда?

У Батху загораются глаза.

— А что надо, чтобы стать сказителем?

Отец немного подумал.

— Надо уметь рассказать о том, что видишь вокруг себя,— наконец говорит он.— И не просто рассказать, а описать...

— Давай я попробую сказать ёрол про нашу юрту? — оживляется Батху.

— Что ж, попробуй!

И отец приготовился слушать.

---

[1] Ёрол — благопожелание, выраженное, как правило, в стихах или песне.
[2] Гуа́й — уважительное обращение к старшим.

Вот юрту сомонный начальник привёз
На сильном зелёном грузовике,
Отец ему радостно руку пожал,
И стали мы юрту свою прибирать.
Вот мама тесьму к покрывалу пришила
И всё расстелила. Я ж вёдра схватил
И вмиг за водой побежал, но со мною
Беда приключилась: соседский мальчишка
Подножку подставил, я воду разлил...

— Постой-постой,— перебил Батху отец,— ты ведь обещал сказать ёрол про юрту?

— Ах да!

Поставим, поставим, мы юрту поставим!
Нам люди — соседи — пришли помогать!
Вот Ба́тсух-гуай пришёл нам помочь,
И старая Ду́лла пришла помогать.
Я вспомнил о вёдрах — и снова к реке:
Воды принести и порадовать всех.

А где была ты, мамочка? Тебя я не смог найти!
— Это неважно, сынок, продолжай.

Вот новая юрта какая у нас:
Чиста и красива и белая очень.
Как радостно мне! Я схватил наш топор,
Дрова наколол, и огонь развели,
И чай вскипятили. Он вкусный такой!
И чаю так много все весело пили.
Да, новая юрта красива у нас!

* * *

Рано утром Сампи́л с сыном отправился в горы Хапрхан. Там он нарубил дров, нагрузил их на повозку, запряжённую парой волов, и, понукая ленивых животных, стал медленно спускаться в долину.

— Ты знаешь табунщика Тумба́, сынок? — спросил он.
— Знаю,— откликнулся Батху.— Он красивый и сильный. И я таким стану?
— Конечно! А ещё табунщик Тумба наблюдательный.
— А что это такое?
— Как что такое? — засмеялся Сампил.— Это когда человек всё вокруг себя видит, всё замечает. Вот скажи, какие у Тумба-гуая зубы?
Батху задумался...
— Зубы у него ровные, белые, и он очень хорошо смеётся.
— А уши? — не унимался Сампил.
— Уши маленькие, тоже красивые,— сразу отвечает Батху.
— А волосы? — продолжает Сампил.
— Волосы густые, острижены коротко и на висках седые,— смеётся Батху.
— Ну что ж, молодец! Ты у нас, оказывается, тоже наблюдательный!
— Папа,— говорит вдруг Батху.— Я хочу спросить тебя...
— О чём?
— А почему Тумба зовут чёртом?
Отец снова смеётся:
— Потому что он всё может, везде успевает. Вот почему!
— Значит, чёрт тоже всё может, везде успевает и такой же красивый, как Тумба-гуай, да?

* * *

— Ой, бабушка, какую мне дед сказку рассказывал!
Бабушка задумчиво улыбается:
— Да-а-а... Он много их знает...
— Про ягнёнка, такого же беленького, как наш...
— Как наш Белоголовый?
— Ага... И ещё — про злого волка. У него язык красный-красный и длинный, как кнут.
— А ещё про кого? — спрашивает бабушка и, усаживаясь поудобнее, готовится слушать.
— Про зайца! — торопливо выкладывает Батху.— Он такой маленький и такой хороший!

— Ну расскажи мне,— просит бабушка.— Ты запомнил сказку?

— Конечно,— обрадованно кивает Батху.— Вот, слушай. Жил-был ягнёнок. И вдруг пришёл волк. Пришёл и решил съесть ягнёнка.

— Ах, бедненький! — сокрушённо качает головой бабушка.— Ну, а дальше?

— А дальше прискакал зайчик. Слышит — блеет ягнёнок, да так жалобно... Зайчику жалко стало...

— Так ведь он же зайчик! — перебивает бабушка.— Что он может поделать?

— А ты слушай, слушай! — смеется Батху.— Вот зайчик достал бумагу...

— Постой, — снова перебивает бабушка. — Откуда достал-то?

— Как откуда? — удивляется Батху.— Из сумки! У него на боку сумка висела. Ну вот. Достал он бумагу и стал читать: «Товарищ охотник Лута! Принеси мне семьдесят волчьих шкур на тёплый дэл[1]. Тушэ́-хан».

Услышал волк приказ Тушэ-хана, поджал хвост — и бегом! А ягнёнок даже заплакал от радости. Расцеловал он зайчика в обе щёки, и стали они жить дружно и весело.

— Хорошая сказка,— улыбается бабушка.— Ай да зайчик! Вот что значит обучиться грамоте, правда, внучек?

— Ага,— кивает Батху.— А я научусь читать и писать?

— Конечно! Пойдёшь осенью в школу, там тебя и обучат.

Батху замолкает, а потом вдруг говорит мечтательно:

— Вот бы и в самом деле были грамотные зайцы...

* * *

— Пап, а пап! А я был на концерте!

— Ну и как, хороший концерт?

— Ага! Там ещё стихотворение читали. Называется «Звёзды со звёздами дружат».

— А о чём оно?

— Вот послушай. Я две строчки запомнил:

Небесные звёзды на небе горят,
Земные — на земле блестят...

— Молодец! Хорошая у тебя память!

— А что такое земные звёзды?

— А ты выйди из юрты, посмотри на гору Хапрхан и на хребет Ширээ́т.

Батху вышел из юрты, потом вернулся.

— Там горят лампочки. Прямо сияют! Их так много! — говорит он отцу.

— Ну вот, они-то и есть земные звёзды.

— Ясно...

---

[1] Дэл, дэли — монгольский национальный халат на подкладке.

Батху смотрит вдаль и о чём-то думает.

— Что тебе ясно? — спрашивает с любопытством отец.

— Теперь я знаю, как можно погасить небесные звёзды.

— Это как же?

— Очень просто! Надо на всех деревьях Хапрханских гор повесить лампочки.

— Ну что ж,— посмеивается отец,— это, конечно, можно.

— Нет, папа,— вскакивает с кошмы Батху,— мне жалко...

— Что тебе жалко? — спрашивает отец.

— Небесные звёзды! Ведь они такие красивые!

— Не беспокойся, сынок,— усаживает его на место отец.— Они никуда не денутся. Их просто не будет видно.

Батху задумчиво смотрит прямо перед собой.

— А могут небесные звёзды вырасти? Чтобы затмить земные? — спрашивает он.

— Всё-таки это разные звёзды...

— Скажи, отец, луна и солнце похожи?

— А ты как думаешь?

— Я думаю, что они очень похожи.

— Как же так? — удивляется отец.— Ведь солнце даёт нам свет и тепло. Оно нас согревает. А луна — нет...

— Ничего подобного! — упрямо стоит на своём Батху.— И луна нас грела...

— Что это ты выдумываешь? — поднимает брови отец.

— Вот, смотри,— начинает объяснять Батху.— Солнце бывает только днём, так?

— Так,— улыбается отец.

— Ну вот. Люди работают, птицы поют, на лугах скот пасётся. А луна выходит на небо ночью, да?

— Верно, ночью! Когда все спят. Ну и что?

— А то, что луна одолжила солнцу свой свет. Вот что я думаю. А вообще-то они одинаковые.

— Ну и ну! — смеётся отец.— Откуда ты это взял? Сам придумал?

— Нет, не сам! Мне дядя Орсо́ такую сказку рассказывал.

— Ах вот оно что! Когда же это он успел?

— Недавно. Помнишь, у нас в гостях был? Знаешь, папа, спроси его об одной вещи.

— О какой?
— Спроси: а когда луна вернёт себе свой свет и тепло?
— Ну что ж, спрошу,— смеётся отец.— Если она и вправду одолжила их солнцу, она, конечно, возьмёт их обратно.
— Вот здорово! — хлопает в ладоши Батху.— Тогда у нас будет целых два солнца!

Л. Бадарч

ГЕРОЙСКИЙ ПОСТУПОК

Вдали что-то гулко пророкотало. Два мальчика и девочка — они собирали в лесу ягоды — не успели даже понять, что это за шум, как небо заволокли чёрные тучи. В лесу стало темно.

Зашумели над головой деревья, сверкнула молния, и новый раскат грома потряс землю.

— Мне страшно! — испугалась Тумо́.

— Ох и ливень сейчас будет! — Барс прижал к себе бидон с земляникой.— Где бы нам спрятаться?

Батху молча смотрел на небо.

Это были ребята из ближайшего аратского[1] объединения. Три года они учились в одном классе и очень сдружились. Друзья быстро пошли к дороге, но не успели выбраться из леса, как хлынул дождь.

— Бежим к скалам! — крикнул Барс.

— А если молния? — возразила Тумо.— Говорят, тогда скалы опасны.

Но друзья её не слышали. Они бежали вперёд. Когда ребята добрались до скал, на них уже не осталось и сухой нитки.

— Эй, тут есть пещера! — закричал Батху.

— Пошли! — обрадовался Барс и первым заглянул в пещеру. Но только он сделал шаг в темноту, как кто-то выскочил им навстречу и промчался мимо ребят.

— Что это, что? — спрашивали они друг друга, но никто из них не разглядел неведомое существо.

---

[1] А р а́ т — крестьянин, скотовод.

— Я боюсь...— тихо сказала Тумо и попятилась.

— Да брось ты! Чего тут бояться? — засмеялся Барс и бросил взгляд на Батху, ожидая поддержки.

Но Батху смотрел мимо него и, кажется, боялся тоже. Барс пожал плечами и первым шагнул в пещеру. За ним двинулся Батху, последней — Тумо.

Внутри было темно и сухо.

— Хорошо! — потирая руки, сказал Барс.

— А если молния? — тихо спросила Тумо.

— Вечно ты чего-то боишься, трусишка! — рассердился Барс.— Бери пример с меня, поняла? Я, как батор[1], ничего не боюсь.

— Тоже мне, батор! — засмеялась Тумо.— Вот Батху можно назвать батором, а тебя... Слышишь, Батху? Барс думает, что если он первым вошёл в пещеру, значит, он настоящий герой. А ты как думаешь?

Батху улыбнулся.

— Не знаю,— помедлив, сказал он.— Интересно, кого это мы вспугнули?

— Если это был медведь или волк, то...— начал было Барс.

— ...то наш Барс был бы действительно героем, да? — подхватила Тумо и засмеялась.

Батху принялся за землянику. Он ел и молчал, он вообще-то был молчаливым. А Тумо молчать не умела.

— Ну что, так и будем сидеть? — спросила она.— Давайте что-нибудь рассказывать, а то умрём со скуки.

— Про что рассказывать-то? — пожал плечами Барс.

— Пусть Батху скажет, за что его наградили недавно цветными карандашами. А? Расскажи, Батху,— сказала Тумо и положила в рот сочную ягоду.

— Да что там рассказывать! — махнул рукой Батху.— Ну ладно, слушайте. Двадцать первого июня в лощине Чандма́я, где паслась отара, произошёл такой случай. Погнал Бая́р-гуай овец к загону, а тут как раз полил дождь, настоящий потоп! Я вышел встречать Баяр-гуая. Смотрю, в лощине вода — на глазах прибывает. Овцы только перебрались через

[1] Ба́тор — герой, богатырь.

лощину, а тут с горы поток хлынул. Овцы испугались, бросились врассыпную и оказались по обеим сторонам потока: матки перебрались, а ягнята струсили. Потом один прыгнул в воду: ведь мать зовёт, блеет,— а его понесло течением. Ягнёнок плывёт, голова над водой то показывается, то исчезает, овца вдоль берега бежит, а я за ней. Ну, думаю, плохо дело! Утонет ягнёнок! Разделся и прыгнул в воду.

Ну вот. Плывём мы оба. Никак я не могу ягнёнка нагнать: то меня вперёд унесёт, то его. Пытаюсь схватить — не выходит.

Наконец вынесло меня вперёд, ухватился я за корягу, дождался ягнёнка, поймал и на берег выбрался. Еле доплыл: в одной руке ягнёнок! Вот и подарили мне за это цветные карандаши. Председатель объединения благодарил, руку жал, а потом побранил.

— За что? — изумился Барс.

— Он спросил: «Как ты думаешь, Батху, кто дороже — человек или ягнёнок?» Я сказал, что, конечно, человек. Председатель в ответ: «Правильно, Батху. А почему же ты тогда прыгнул в воду? Ведь ты мог погибнуть из-за этого ягнёнка! В другой раз будь осторожнее...»

— Ну, что бы там ни говорил председатель, ты действительно поступил как герой. Ведь кого называют батором? Того, кто ничего не боится,— задумчиво сказал Барс.

— Не боится, и только? По-моему, этого мало...— неуверенно возразила Тумо.

— Такой трусихе, как ты, вообще не стоит говорить о баторах,— бросил Барс, не глядя на Тумо, и снова заговорил с Батху: — Смотри, Батху, в прошлом году во время Надома я упал с грузовика и сломал руку. Пощупай. Видишь, вот здесь! Это и есть перелом. Знаешь, как было больно? Но я не ревел. Как ты думаешь, это геройство?

Батху задумчиво почесал в затылке и промолчал. Тумо вздохнула.

— Не знаю,— медленно ответила она вместо Батху. Потом прислушалась: — Кажется, дождь кончился...

Но Барс перебил Тумо:

— Слушайте, ребята, где-то идёт машина.

— Наверное, наша, аймачная,— подхватил Батху.

— Или «ЗИСы», те самые, что подвозили в колхоз косилки,— задумчиво сказала Тумо.

— В любом случае у машины не всё в порядке, звук какой-то приглушённый. Пошли! — решительно сказал Барс, подбирая с земли свои вещи.

Ребята вышли из пещеры и сразу же увидели стоящую на дороге машину.

— Ну конечно, наша машина! — закричал Барс и побежал на дорогу.

Шофёр и бухгалтер из их аймачного центра, чертыхаясь, подкладывали под колёса камни, потом шофёр залезал в кабину и включал зажигание. Колёса вертелись в жидкой грязи, но машина не двигалась с места — засела на совесть.

Впятером дело пошло веселее. Тумо подкладывала камни, ребята с бухгалтером толкали машину... Скоро все уже ехали домой. Бухгалтер сидел в кабине, а трое друзей стояли в кузове, держась за крышу кабины и распевая свою любимую песню о Чойбалса́не. В лицо им дул тёплый ветер, с полей доносился аромат цветов.

Вдруг у Тумо слетела панамка, ребята забарабанили по крыше кабины, и машина остановилась. Панамку подняли, двинулись дальше, но через минуту с головы Батху слетела зелёная солдатская пилотка. Снова пришлось останавливаться. Шофёр высунулся из кабины и сказал сердито:

— Ну вот что, ребята: держитесь за свои шапки покрепче. Больше не остановлюсь, так и знайте!

— Правильно! — поддержал его Барс.— Что это они у вас летают, как птицы. У меня же вот не слетела и не слетит. Надевать надо как следует!

Шофёр включил газ, машина дёрнулась, и в ту же минуту кепка Барса оказалась на дороге.

Тумо и Батху дружно расхохотались, а Барс растерялся:

— Что же делать, а? Ведь он больше не остановит...

Навстречу им промчался «ЗИС».

— Это возвращаются те машины, которые проезжали утром,— сказал Батху.

Впереди показалась вторая машина. Поравнявшись с грузовиком, «ЗИС» дал гудок и тоже промчался мимо.

— А вот и третья! — радостно закричал Барс.

Машины встретились на узком мосту, разминулись, и в ту же минуту Тумо увидела, как Барс перепрыгнул в кузов «ЗИСа». Она вскрикнула, забарабанила по кабине; скрипнули тормоза, бухгалтер и шофёр с двух сторон выглянули из кабины.

— Что случилось? — разом спросили они.

Тумо всхлипнула:

— Барс перепрыгнул в машину.

— В какую? — оторопел шофёр.

— В ту...— показала Тумо вдаль.

Далеко позади виднелась машина. В кузове, размахивая руками, стоял мальчик в красной рубашке. Это был Барс.

— А-я-яй, какой глупый мальчишка! — покачал головой бухгалтер.— Зачем же он прыгнул?

— У него шапка слетела,— ответил Батху.

— Так что же вы молчали! Мы бы остановились,— сердито сказал шофёр.

— Да мы не успели! Он прыгнул — и всё,— растерянно пробормотала Тумо.

— Хорошо, что хоть жив и невредим,— сказал шофёр.— Ну поехали.

Когда машина подъехала к юртам, навстречу ей вышла мать Барса. Ещё издали увидела она Тумо и Батху.

— А где же Барс? — спросила она.

— Сейчас придёт, он возвратился за шапкой...— нерешительно начал Батху, но шофёр его перебил.

— Ну и сынок у вас! — покачал он головой.— Прямо на ходу перепрыгнул на другую машину.

Мать Барса побледнела:

— Где же он, что с ним случилось?

— Да ничего, всё в порядке,— пробасил шофёр.— Там его, кажется, и не заметили!

— Нет, из-за этого мальчишки у меня когда-нибудь лопнет сердце...— простонала мать Барса.

Она быстро прошла в юрту за шляпой и поясом, отвязала коня, прыгнула в седло и рысью поскакала за сыном.

Настал вечер. Все вышли из юрт. Дети бегали и смеялись,

старики играли в шагай[1], молодежь слушала радиолу. На балках, которые завезли для постройки клуба, сидели ребята и слушали историю про выходку Барса. Тумо и Батху волновались. Но вот наконец раздался цокот копыт — прискакала мать Барса. Впереди неё сидел сын.

— И что мне делать с этим ребёнком! — сердито сказала она старикам.— На ходу перепрыгнул из одной машины в другую. Говорит, хотел совершить геройский поступок. Дэмчи́к-гуай, поговорите с ним хорошенько!

Старый Дэмчик пользовался большим уважением. Он посмотрел на Барса, потом оглядел всех собравшихся. Люди перестали играть в шагай и подошли поближе.

— Ну, Барс, подойди,— начал Дэмчик-гуай.— Ты, говорят, мечтаешь стать героем?

— Да! — насупившись, ответил Барс.

— Тогда скажи, какого человека называют героем?

— Того, который ничего не боится,— ответил Барс чётко — казалось, он отвечал урок строгому учителю.

— Который ничего не боится? — переспросил Дэмчик-гуай. — Значит, он будет смело смотреть людям в глаза даже тогда, когда получит по всем предметам двойки?

Барс опустил голову, вокруг засмеялись.

— А как ты, кстати, учился в прошлом году? — спросил старик.

— На три...— чуть слышно ответил Барс.

— Только на три,— задумчиво сказал Дэмчик-гуай.— Вот если бы ты был смелым в учёбе, ты бы мог учиться на пятёрки. Вообще шалость — это не геройство, и сегодня ты не был героем. Герой должен быть ещё и дисциплинированным. Птица без крыльев — не птица. Герой без дисциплины — не герой. Ты понял, Барс?

— Я только сейчас понял, Дэмчик-гуай,— сказал он.

— Ну, тогда ты вступил на путь геройства,— улыбнулся старый чабан.

— Да, я шёл совсем по другому пути,— ответил Барс и опустил глаза.

---

[1] Шага́й — игра, напоминающая игру в бабки.

Старик оглянулся.

— Где сын Доржа? — спросил он.

— Я тут,— вышел вперёд Батху.

— Батху кинулся в бурлящую воду и спас ягнёнка. Это хорошо? Ведь он хотел, чтобы уцелел ягнёнок? Хорошо! Но никто не одобряет то, что он кинулся в бурлящий поток во время наводнения. Так-то... А где дочь Тумура?

— Я тут,— встала рядом с другом Тумо.

Все молчали: что-то ещё скажет старый Дэмчик?

— Вы знаете, Тумо по всем предметам получила отличные отметки. Это ведь требует большой силы воли и усидчивости. Так что дочь Тумура достойна всяческих похвал.

Дэмчик-гуай помолчал и добавил:

— Есть такая поговорка: «Хороший конь вырастает из хорошего жеребёнка, а человеком становятся с детства». Так что может статься, что Тумо, когда вырастет, станет героем труда. Ты меня понял, Барс?

— Понял,— ответил Барс.

— Что же ты понял?

— То, что Тумо может стать героем труда,— ответил Барс, опустив глаза.

Все засмеялись. И тогда Барс смело посмотрел на людей и сказал:

— И ещё я понял, что прыгать с машины на машину — вовсе не геройство. Я буду получать пятёрки, как Тумо. Вот увидите! Я стану героем, честное пионерское!

И он поднял руку в пионерском салюте.

М. Гаадамба

ТРОЙКА

I

Бадамха́нд, ученица 5-го класса «А» Пятой средней школы села за учебники, чтобы приготовить уроки на завтра.

Первым делом она занялась грамматическим разбором. По-

том сделала арифметику. За арифметикой последовали упражнения по родному языку — с ними Бадамханд управилась совсем быстро. Но в дневнике было ещё много всяких заданий.

«И зачем задают так много?» — рассердилась Бадамханд.

Она заторопилась:

«Ну хватит. Остальное доделаю завтра: линейки ведь не будет. Только вот упражнения по языку надо выучить наизусть, а то учитель строгий — того и гляди, двойку влепит».

Бадамханд взяла тетрадь, дважды вслух прочитала упражнения, затем уселась поудобнее, закрыла глаза и повторила урок наизусть. Вроде бы хорошо запомнила, только вот местоимение «который» и союз «и» пропустила. «Ну ничего. Надо постараться не забывать об этом, и всё будет в порядке»,— решила она и сложила книги и тетради в портфель. Пробило девять, Бадамханд стала разбирать постель.

— Ты почему так рано ложишься? Уроки все приготовила? — строго спросил отец.

«Фу, какой! Только и знает: уроки, уроки... Сам попробовал бы учиться каждый день, тогда бы я на него посмотрела!» — подумала Бадамханд. Но вслух, конечно, она этого не сказала и спокойно ответила:

— Приготовила. А сейчас я хочу лечь и немного почитать.

Бадамханд легла и открыла тетрадь, но только не с уроками, а заветную, где у неё были записаны песни. Она немножко почитала, а потом крепко заснула.

II

Ну конечно же, Бадамханд вызвали к доске! Она без запинки отбарабанила выученные наизусть два упражнения. Даже местоимение «который» и союз «и» не позабыла вставить.

— Хорошо! — сказал бакша[1].— А теперь приведи ещё один пример, самостоятельно. Ведь эти упражнения вы записали с моих слов.

Бадамханд растерялась. Она пролепетала какие-то слова, но примера явно не получилось.

---

[1] Бакша́ — учитель.

— Ладно. Ставлю тебе тройку. На этот раз. Но если ты и дальше будешь запоминать правила механически, пеняй на себя. Важно понять суть правил. Тогда ты легко найдёшь подходящие примеры. И не те, которые дал учитель, а свои собственные, понятно?

— Понятно,— прошептала Бадамханд.

На перемене она нашла свою ровесницу и подругу Долгорсурэ́н.

— Ты знаешь, учитель по языку у нас какой-то странный: я ему всё точно ответила, как записала, а он меня за это отругал!

— Не может быть! За что же это он тебя, если ты всё точно сказала?

— А кто его знает! Он, наверное, думает, что мы большие учёные. Своими словами ему говори, собственные примеры приводи... Как будто тех, что в учебнике, ему мало!

— Ах вот оно что! Значит, ты правила не поняла, а просто заучила его, да! Повторила его, как попугай?

Слово «попугай» Долгорсурэн услышала от учителя, сама она никогда не видала диковинной птицы.

— Ну и пусть попугай. Как написано, так и говорила. И вот пожалуйста, тройка,— обиженно сказала Бадамханд, но тут же успокоила себя: — Ладно, ничего, тройка — тоже переводная отметка.

— Ну нет. Четверть скоро кончается, а тройка — отметка никудышная.

— Ерунда! Не всем же быть отличниками!

Тут раздался звонок, и девочки разбежались по классам.

III

В конце четверти состоялось общее собрание. Школьники сидели тихо; казалось, слышно было, как стучат их сердца. Их взгляды были прикованы к учителю, который по очереди называл фамилии и оценки по всем предметам. Каждому хотелось, чтобы его поскорее назвали, чтобы все волнения уже остались позади. Тогда можно было бы облегчённо вздохнуть... И вот учитель произнёс: «Бадамханд...» Девочка зажмурила свои чёрные глаза, её щёки порозовели. Она думала,

учитель объявит, что за изложение и контрольную работу по арифметике ей поставили двойки. Но бакша сказал, что у Бадамханд по всем предметам, кроме пения и физкультуры, тройки. А по пению и физкультуре — четвёрки. Услышав это, Бадамханд успокоилась: «Ну и ладно, всё-таки переводной балл!»

Вернувшись домой, она бодро сообщила:

— Папа, у меня двоек нет!

— А ты хотела, чтобы они были, да?

— Кажется, ты очень гордишься тем, что не заработала двоек! Ничего не скажешь, большие заслуги! — Сестра Бадамханд, которая в это время варила варенье из голубики, засмеялась.

— Ну хорошо, а какие же всё-таки у тебя отметки? — спросил отец.

Бадамханд стало не по себе. Она приуныла.

— Средние! Троечки.

— Ах вот как! Троечки! А почему же у других четвёрки, пятёрки? Почему ты не вылезаешь из троек? Почему не берёшь пример с сестры? Ведь она всегда училась только на «хорошо» и «отлично»!

— Папа, ну разве тройка такая уж плохая отметка? Ведь с тройкой переводят же в следующий класс! — Бадамханд даже обиделась.

— Не буду пускать ни в кино, ни в театр,— пригрозил отец.

Бадамханд стало стыдно, что она так огорчила отца. Мельком взглянув в маленькое зеркальце, она увидела, что у неё даже уши покраснели.

Тем временем сестра кончила варить варенье, сняла его с плиты и стала накладывать в чашки. Наверное, ей пришло в голову что-то смешное, и она улыбнулась.

— Ну, хватит вам ссориться! — сказала она отцу и сестрёнке.— Идите лучше попробуйте варенья.

Бадамханд очень любила варенье из голубики. Она знала, что у сестры оно всегда получается особенно вкусным. Вы, конечно, понимаете, что она не заставила себя долго ждать.

Сестра подала ей пиалу, только на одну треть наполненную

вареньем. Бадамханд с удивлением посмотрела на неё, решив, что сестра шутит. «Наверное, она мало сварила»,— решила Бадамханд и заглянула в чашки к сестре и отцу. Чашки до краёв были наполнены фиолетовым, чернильного цвета вареньем!

— Это почему же мне только треть пиалы? Не буду есть,— обиделась Бадамханд.

Сестра рассмеялась.

— Ведь по-твоему, тройка — хорошее число, не так ли? Вот я тебе и положила варенья на тройку — только треть порции.

Отец тоже рассмеялся. А Бадамханд поняла, в чём дело. Она вся залилась краской и замолчала.

С тех пор Бадамханд разлюбила тройки. Она поняла, что на школьной тройке далеко не уедешь.

Д. Гармаа

ТАЙНА ГОРЫ

Это случилось много лет назад, когда мы с Бая́ром приехали на каникулы в худон[1]. Наша семья разбила летнее стойбище рядом с молочной фермой, в излучине реки Галуу́т. Неподалёку, на противоположном берегу реки, возвышалась гора Олзи́йт. Её снежная вершина каждое утро сверкала в лучах солнца. Никто ещё не поднимался на неё — слишком высоко это было. Наш дедушка говорил:

— Страшное место! Раньше на горе совершали жертвоприношения. Теперь вряд ли кто почитает духов. Но как-то наш Довчи́н вечером отправился туда, так, говорят, его чуть насмерть не завалило камнями. С тех пор ходят слухи, что это место проклято, духи не покинули его. Кто знает, может быть, они и верны, эти разговоры...

— Дедушка, а камни там всегда осыпаются? — спросил Баяр.

---

[1] Худо́н — сельская местность.

— Не знаю. Но как-то коза поднялась туда и не вернулась. Кажется, и верхом трудно проехать. Очень там острые скалы. А ты почему спрашиваешь?

Баяр промолчал.

После этого разговора прошло несколько дней, и как-то Баяр, наливая воду овцам, сказал:

— Слушай, Болд, вот было бы здорово, если бы мы покорили Олзийт и водрузили на её вершине флаг! Как альпинисты, а?

— И правда здорово! — обрадовался я.

— Решено! Мы покорим Олзийт! У меня есть кусок красной материи. Это будет наш флаг. Ничего, мы не испугаемся! Мы обязательно поднимем флаг на вершине!

Баяр весь расплылся в улыбке, предвкушая лёгкую победу. Но я был более благоразумным:

— Родители не разрешат нам отправиться туда. А наш старший брат Да́нга? Да когда он узнает, что мы задумали, он просто привяжет нас!

— Слушай, я придумал. Мы пойдём пасти коров. Оставим их у подножия горы. Там хорошая трава, скот никуда не уйдёт. А сами быстренько взберёмся на вершину, водрузим флаг — и тут же назад. Понятно?

Баяр весь сиял от гордости, что ему пришли в голову такие мудрые мысли. Подумав, я согласился.

— Хорошо. Так и сделаем. Пойдём завтра утром. Ты готовь еду и питьё, а я тоже постараюсь захватить что-нибудь.

* * *

Утро следующего дня было прекрасным. Я приготовил в дорогу еду и питьё и с нетерпением ожидал, когда кончат доить коров.

«Пойдём в горы! Водрузим флаг на вершине Олзийт! Как настоящие альпинисты!» Я чуть не прыгал от нетерпения и исподтишка следил за юртой Баяра. Но он не появлялся. Наконец я не выдержал и побежал к нему. Открыл дверь и вижу: Баяр весь в слезах.

— Ну, идёшь, Баяр?

— Ах ты негодяй! — напустилась на меня его мать.— Нечего сманивать моего малыша на гору, где полно злых духов! Даже и думать не смейте! Ишь какие герои выискались! Уж на что Довчин-гуай образованный человек, и тот насмерть перепугался.

Я тут же всё понял. Баяра, наверное, застукали, когда он незаметно хотел вытащить из сундука кусок красной материи — наш флаг. Надо что-то сказать. Но что? Мы все трое молчали. Не знаю, чем бы всё это кончилось, не появись на пороге юрты сам Довчин. Это был крепкий, толстый человек с большим красным родимым пятном на правой стороне носа. После того как мы все обменялись приветствиями, я спросил:

— Довчин-гуай, это правда, что дорога на Олзийт очень опасна?

Довчин сел на почётное место и скрестил ноги.

— Опасна — это не то слово. Убийственная дорога! Полно камней, над головой огромные валуны, размером с этот сундук,— он указал пальцем на сундук в глубине юрты, где хранились семейные вещи.— Того гляди, упадут и раздавят.

Баяр незаметно подмигнул мне: мол, вот заливает! Довчин сурово посмотрел на нас:

— Уж не собираетесь ли вы подняться туда, а?

— Да, мы пойдём туда,— решительно сказал Баяр.

Довчин покраснел как рак. Лицо его приняло очень странное выражение. Он вскочил с места и, обращаясь к матери Баяра, закричал:

— На вашем месте я бы не стал потакать шалостям детей! Повторяю: дорога смертельно опасная!

Разгневанный, он выскочил из юрты. Мать Баяра снова напустилась на нас:

— Чтобы вы раз и навсегда думать забыли о походе на гору! Я запрещаю!

Тут в юрту вошёл старший брат Баяра — Лувса́н-гуай. Вчера он слышал наш разговор.

— Ну что, ребята, пойдёте на гору Олзийт? — спросил он одобрительно.

— И не говори об этом! Никто им не разрешит! — снова вмешалась мать Баяра.

Лувсан-гуай улыбнулся:

— Ладно уж, пусть идут, мама. Ведь для них это, наверное, очень важно. Только пускай сначала выгонят на склон коров и телят, попасут их.

Мы очень обрадовались такому обороту дела, выпросили у матери Баяра кусок красной материи и отправились в путь.

* * *

Оставив скот на склоне горы, мы с Баяром стали подниматься к её вершине. Высоко-высоко, освещённая летним солнцем, она сияла над нами своими острыми утёсами. Сначала мы карабкались между скал по узкой звериной тропе. Наконец вылезли на небольшой уступ. И тут сверху с шумом посыпались довольно крупные камни. Баяр крепко сжал мою руку и прошептал:

— Болд, послушай, давай вернёмся, а? Убьёт ведь!..

— До вершины уже недалеко. Она обязательно будет наша! — успокоил я Баяра дрожащим голосом.

— Тогда давай пойдём другой дорогой, ладно?

Теперь я шёл впереди, а Баяр следом. Мы свернули в сторону от каменной осыпи и полезли вверх по скалам. На одном из выступов мы увидели камни, очень похожие на те, которые чуть было не зашибли нас. Добрались до широкой расщелины и присели отдохнуть. Оглянувшись по сторонам, Баяр вдруг радостно закричал:

— Болд, смотри, дикий лук! Как здорово!

Действительно, вокруг росли тёмно-зелёные стебли дикого лука.

— Как много! — удивился я.

— Это, наверное, и есть тайна горы Олзийт. Вчера у нас как раз кончился весь лук, нечего было в суп класть. А у брата нет времени съездить ни в аймак, ни в сомон.

Мы стали рвать лук и класть его за пазуху. Вдруг где-то рядом, за скалами, послышались тяжёлые шаги. Баяр удивлённо посмотрел на меня.

— Как ты думаешь, что это такое?

Я осторожно заглянул за выступ скалы и увидел спину какого-то человека с мешком в руках. Я поманил Баяра:

— Ну-ка погляди!

Он долго всматривался в удаляющуюся спину.

— Это Довчин-гуай,— наконец вымолвил он.

— Давай тогда пойдём к нему вместе,— предложил я.

— Зачем?

— А спросим у него, для чего он врал всем, что привозит лук из города.

Здесь Баяр немного струсил:

— Ну а если он нас побьёт, тогда как?

— Убежим. Это дело простое.

В ту минуту я ненавидел Довчина. Мне теперь стало ясно, что́ он за птица. В кооперативе вообще не работал, а постоянно разъезжал — торговал луком. Неплохо зарабатывал, конечно! Ведь у нас в Гоби овощей мало и лук всегда в цене. При этом он, негодяй, ещё и говорил:

«Всё для вас стараюсь. Вот в город ездил, коня загнал, пока привёз лук. Да и очень он там дорог!»

Вот он каков оказался — Довчин. Мы поползли следом за ним и по дороге увидели несколько мешков с луком. Они были спрятаны под скалами. Вдруг из-за скалы выскочила оседланная лошадь. То ли кто-то спугнул её, то ли она услышала нас. Довчин обернулся и встретился с нами глазами. Он побледнел, вскочил на коня и погнал его вниз, рискуя разбиться.

— Довчин-гуай! Стойте, Довчин-гуай! — закричали мы.

Но Довчин не оборачивался.

— Мы всё знаем! Мы всё расскажем о вас! — орали мы с Баяром.

Так была раскрыта отвратительная тайна Довчина.

А осенью наш кооператив собрал на горе несколько подвод лука и не только обеспечил луком всех своих, но и получил большую прибыль. У нас лук с тех пор не переводился.

А флаг мы всё-таки водрузили. В другой раз. На самой вершине. Не верите? Тогда, пожалуйста, приезжайте к нам, и вы увидите, как он развевается на горе Олзийт!

БРАТЬЯ

Мы с Цэ́ндом возвращались домой из школы. Весна была в самом разгаре. Около нашей юрты резвились крохотные ягнята, козлята вприпрыжку и наперегонки носились за своей матерью. Наши родители разбили летник[1] на склоне большой горы с утёсом на вершине.

Мой гнедой, словно почуяв домашний очаг, поднял голову и громко заржал. Вдруг Цэнд, который до сих пор преспокойно ехал рядом, стегнул свою лошадь и помчался вперёд как ошпаренный.

— Эй, что за спешка? — закричал я.— Есть захотел?

Но Цэнд пропустил мою насмешку мимо ушей.

«Ах так! Теперь понятно. Хочет прискакать первым, чтобы мама его поцеловала раньше, чем меня!» — решил я и с криком «Гийн-н-го! Чу, чу!»[2] пустил гнедого в галоп. Ветер свистел у меня в ушах, на глазах выступили слёзы, но Цэнд не сдавался. Он отпустил поводья, припал лицом к гриве и всё ещё держался впереди.

От сомонного центра до нашего летника — примерно уртон[3]. Вблизи юрты мы пустились наперегонки. Вскоре мне удалось обогнать Цэнда. Я пронёсся мимо него стрелой! Оглянувшись, я увидел, как Цэнд нахлёстывает коня.

Мама стояла у порога и, улыбаясь, смотрела на нас. Мы соскочили с коней и помчались к ней.

Мама обняла нас, поцеловала и спросила:

— Ну, как учились? На четвёрки или на пятёрки?

— На четвёрки! — выпалили мы в один голос.

А затем только я один продолжил:

— На пятёрки.

А Цэнд пробормотал:

— На троечки...

Мы вошли в юрту. На очаге вкусно дымилась баранина. Мама накормила нас на славу.

---

[1] Ле́тник — летнее стойбище.

[2] Этими возгласами в Монголии погоняют лошадей.

[3] Уртóн — расстояние, равное приблизительно 30 километрам.

Вечером с выгона вернулся отец. Мы в это время загоняли скотину в хашан и отчаянно спорили, кто больше поймает ягнят или козлят. Это очень интересно — ловить козлят. Цэнд обычно подкрадывался к малышам сзади в то время, когда они стояли на камнях, а потом набрасывался на них, словно кот на мышей. Я же ласково подзывал их к себе. Некоторые попадались на эту приманку, и я загонял их в хашан. Другие не хотели идти ко мне, и тогда я просто гонялся за ними в открытую. Методы Цэнда меня раздражали.

— Эй, слушай, перестань прыгать на них, словно кошка! — не выдержал я и полез к нему на крышу сарая; он там караулил очередную жертву.

— Это почему же?

— Шерсть портишь; того гляди, изуродовать можешь!

— Вот ещё наставник нашёлся! Ты кто такой, чтобы указывать? Вред не от меня, а от того, кто много болтает!

— Кто это болтает?!

— Я буду ловить их так, как хочу. И не лезь с выговорами! Тоже мне чавганца[1].

— Кто из нас старше, я или ты?

— Раз старше, так и не приставай!

Безобразие! Цэнд совершенно не боялся и не уважал своего старшего брата! Это меня взорвало. Мы схватились, стали бороться и, конечно, покатились вниз с крыши сарая. Боролись мы до темноты и так и не успели подвести итог соревнованию.

* * *

После ужина мать постелила нам постель, а сама села у очага.

— Ну, ребятки, спать,— сказала она.

— А вы с папой разве не пойдёте спать?

— Нет, у нас с отцом сегодня дежурство. Окот у овец начинается.

Мы легли и слышим, как мать сказала отцу:

— Ту́шуг, ложись с ребятами, а я посижу.

— Нет-нет, лучше ты, Мягма́р, пойди отдохни. Ведь нам целую неделю не спать.

Я быстро задремал, как вдруг Цэнд толкнул меня локтем.

— Посмотри! — прошептал он.— На маму посмотри.

Я выглянул из-под одеяла. Мама сидела по-прежнему у печки. Она, наверное, забылась, задремала и постепенно всё ниже и ниже склонялась лбом к раскалённой докрасна стенке тагана.

— Мама! Мамочка! — позвал я.

Она очнулась и выпрямилась:

— Что это со мной? Соня какая-то стала!

Она поднялась и вышла из юрты.

Я напустился на Цэнда:

---

[1] Чавга́нца — старая монахиня, старуха, старая женщина.

— Ну и дурак же ты! Мог своим шёпотом мать испугать!

— Скажешь тоже! Я хотел как лучше! — Цэнд задумался и предложил: — Давай встанем и будем дежурить. Пусть мама и папа отдохнут.

Я с радостью согласился. Когда мама вернулась, мы уже оделись.

— Идите спать, мама. Мы вдвоём подежурим, ладно?

— И не думайте! Я сама справлюсь. Спать, спать, дети!

Но тут в разговор вмешался отец:

— Мягмар, иди приляг. Ребята сами вызвались дежурить. Какие же могут быть возражения?

Мы очень обрадовались такому обороту дела.

* * *

Конечно, мы с Цэндом опять поспорили. О том, кто больше примет ягнят. Решили по очереди выходить в загон. Поначалу возвращались оттуда ни с чем: ягнят всё не было. Даже заскучали и стали в кости играть.

Наконец Цэнд принёс первого ягнёнка. У малыша был чёрный носик и серые глазки. Цэнд нежно погладил его по спине.

«Бе-е, бе-е...», — заблеял ягнёнок.

— Хорошая вырастет овечка — сказал Цэнд.

— Или баран, — сказал я.

Стало клонить ко сну. Я решил прилечь на пол, положил под голову мамино дэли и... неожиданно очутился среди множества овец. Кажется, я что-то доказывал или объяснял им. Вдруг какой-то плешивый козёл, обращаясь ко всей отаре, торжественно произнёс:

«Дава́ — очень хороший мальчик. Он наш заступник. Даже своему младшему брату он не позволил портить нашу шерсть».

«Правильно, правильно, бе-е, бе-е!» — загалдели овцы.

«Ладно уж, ладно», — застеснялся я.

Животные образовали круг и принялись танцевать.

Я был потрясён этим зрелищем и только моргал от удивления. Вот это да! Оказывается, они и танцевать умеют! Смотрю, а один баран прямо на грудь ко мне лезет.

«Ну, конец! Беда! Сейчас забодает насмерть!» — мелькнуло у меня в голове, и я с криком... проснулся.

Лицо у меня пылало. Не то от пережитого страха, не то от смущения, что я всё проспал. Действительно, рядом со мной тихо блеял ягнёнок... один... другой... много! А тут ещё вошёл Цэнд с новым ягнёнком на руках.

— Это восьмой, аха! — похвастался он и хитро прищурился: — Ну и крепко же ты спишь! Я тебя звал: «Дава, Дава!», но ты даже не шелохнулся. Вот ты и проспорил!

Начало светать. Проснулись родители.

— Ну, спасибо, сынки! — сказал отец.

— Папа,— смущённо вымолвил я,— всех этих ягнят принял Цэнд. А я проспал...

Д. Даваанням

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ПРОТИВНИКИ

Собрались ребята с нашей улицы.

— Давайте играть в войну! — предложил Монхо́р.

Мы все согласились.

— Тогда чья же сторона будет вражеской? — спросил вдруг Нара́н.

Мальчики недоуменно пожали плечами. Тут я сказал:

— Побеждённая сторона будет вражеской.

Мы разделились на две стороны и начали играть в войну. Только играли очень долго, потому что ничья сторона не хотела стать вражеской.

ДРУЗЬЯ

В лесу мальчик Болд играл в отважного красноармейца. На голове у него была старая дядина фуражка с пятиконечной звездой, а вооружён он был деревянной саблей, подаренной соседским мальчиком. Болд вышел на опушку и увидел плачущую девочку Цэцэ́г. Он подбежал к ней.

— Кто тебя обидел? — спросил мальчик.

Девочка ничего не ответила, только всхлипывала.

— Меня напугала большая собака, — проговорила она наконец.

Услышав это, Болд оробел, потому что сам боялся собак. «Но ведь я красноармеец, а красноармейцы никого не боятся», — подумал он и твёрдо сказал Цэцэг:

— Не волнуйся, я помогу тебе. Где тот безобразник, который тебя напугал?

Цэцэг вытерла слёзы и показала на мохнатый куст. Болд взмахнул саблей.

— Солдаты! За мной! — крикнул он и помчался вперёд.

Собака, лежавшая под кустом, испуганно вскочила на ноги и пустилась наутёк. Болд, осмелев ещё больше, побежал за ней.

— Ура-а-а! — громко кричал он и размахивал саблей.

Прогнав собаку, мальчик вернулся к Цэцэг. На щеках девочки ещё не высохли слёзы, но она радостно улыбалась.

— Болд, спасибо тебе, — сказала девочка и протянула мальчику маленькую ладонь.

Болд и Цэцэг весело зашагали по лесной тропинке домой.

НА РАЗВИЛКЕ

В тот год в долине реки Идэ́р стояло благодатное лето. Мы перекочевали к Серой скале, где были и обильные воды, и обширные пастбища для скота. Мимо нашей юрты проходила широкая грунтовая дорога, которая раздваивалась на Чёрном предгорье неподалёку от нас. Одна дорога вела на центральную усадьбу бригады Цэцу́х, а другая — в посёлок Тосо́н. Часто к нам заходили путники из далёких мест, чтобы спросить, какая дорога куда ведёт.

Однажды мы с Доржем пасли ягнят.

— Дорж, давай поставим на развилке знаки? — спросил я.

— Зачем? — удивился он.

— Чтобы путники могли сразу выбрать нужную дорогу.

Доржу понравилось моё предложение.

— Давай! Сегодня же вечером сделаем указательные знаки.

Придя домой, мы достали две доски, заострили их с одного конца в виде стрелки, а потом прибили к ним шесты. На одной стрелке мы написали «Тосон», а на другой — «Цэцух». Когда наши указательные знаки были готовы, мы с Доржем сели вдвоём на смирного гнедого коня и поехали к развилке. Там мы поставили указатели на обочине каждой дороги. После этого путники ехали не задерживаясь, потому что стрелки указывали нужную дорогу.

БЛАГОРОДНЫЙ СОПЕРНИК

Баяр мчался с мячом прямо к воротам соперника.

— Баяр!

— Баяр! Давай!

— Гол! Ура! — закричали со всех сторон болевшие за него ребята.

Ох и ловко же забил Баяр мяч в ворота! Команда соперника совсем загрустила. Только Дондо́г вместе с болельщиками закричал «Ура!».

— Чему же ты радуешься? Ведь мяч забили в наши ворота,— с укором сказали ему друзья.

— Баяр забил прекрасный гол. Поэтому я и радуюсь,— ответил Дондог и побежал занимать своё место на поле.

ВАРЕЖКИ

Была зима. Я со своим трёхлетним братом шёл по улице. Нам повстречался соседский дедушка. Поглаживая седую, заиндевелую бороду, он сказал:

— Ну и крепкий же мороз стоит! А я вот варежки забыл, руки мёрзнут.

— Возьмите мои варежки, они тёплые,— сказал младший брат и протянул дедушке свои варежки.

Дедушка очень обрадовался.

— Спасибо, маленький. Добрая у тебя душа. Только видишь, какие у меня руки большие. Не полезут на них твои

варежки. Надевай их сам скорей, а то ручки замёрзнут,— сказал он.

Дедушка взял нас за руки, и мы втроём пошли домой.

ЕШЬ САМ

Маленький Энхба́тор поспешно спрятал свою конфету, когда в комнату вошёл Болд.

Сестрёнка Одма́ заметила это и сказала Болду:

— Брат Энхбатор прячет от тебя конфету.

— Энхбатор никогда ничего от меня не прячет,— ответил ей Болд и ушёл в другую комнату за книгой. Когда он вернулся, маленький Энхбатор положил перед ним на стол конфету.

— Брат, ешь,— сказал малыш.

— Спасибо. Только я не хочу. Ешь сам,— ответил Болд и поцеловал братишку.

ДЕРЕВЯННОЕ РУЖЬЁ

Мальчику Санге́ подарили деревянное ружьё. Однажды утром он вместе со своим другом Нэрэ́ном пошёл в лес собирать хворост. На дереве сидела белка. Увидев её, Санга сорвал с плеча своё ружьё и прицелился. Нэрэн стоял в сторонке и ждал щелчка, который издавало ружьё. Но Санга почему-то не выстрелил. Он опустил ружьё и вернулся.

— Ты почему не стрелял? — спросил его Нэрэн.

— Зачем же стрелять? Что белка сделала мне плохого? — ответил Санга, закидывая ружьё на плечо.

— Твоё ружьё не убило бы белку. Оно же не настоящее.

— Всё равно нехорошо. За что я буду в неё даже целиться? — серьёзно сказал Санга.

В ГОРАХ

Стоял морозный зимний день. Ребята катались с гор на лыжах. Среди них Сухба́т выделялся ловкостью.

— Наш Сухбат чемпион по лыжам! — кричали ребята.

— Да, конечно. Лучше меня никто не умеет кататься! — гордо отозвался Сухбат.

После этого ребята его уже не хвалили.

РУКИ

Дети мыли руки у ручья. Только один Сурь поленился, не пошёл к ручью.

Дети пришли к юртам. Там было шумно и весело. Оказывается, приехал из города сын Дандáр-гуайя. Дети подбежали к нему. Дядя стал раздавать им конфеты и печенье. Дети подставляли беленькие ладони, принимали угощение и благодарили дядю.

Сурь тоже хотел протянуть руки, но они у него были грязные-грязные. Поэтому он выбежал из юрты. Сурь прибежал к ручейку и стал старательно мыть руки.

ЯГОДЫ

На краю леса, недалеко от центральной усадьбы бригады, белеют юрты. В погожий осенний день дети этих юрт пошли за ягодами. В горах Хавчи́г созрело много черники и смородины. Дети начали собирать их. Каждый хотел набрать побольше вкусной ягоды. Только маленькая девочка Ту́я была очень огорчена: она не умела собирать ягоды быстро. Мальчик Баярмагна́й увидел это и стал незаметно класть ягоды в ведёрко Туи. Вскоре ведёрко наполнилось ягодой. Девочка очень обрадовалась. Баярмагнай смотрел на неё и улыбался. Ему тоже было радостно.

ЯБЛОКО

Утром мама разбудила Батба́тора. Тот встал с постели и сказал:

— Мама, ты бы дала мне ещё чуточку поспать.

— Но ведь тебе пора идти в школу,— ответила ему мама.

— А я так хотел поспать.

— Почему?

— Мне снился очень хороший сон. Я раздавал ребятам яблоки. Всех угостил и только хотел дать яблоко Доржу, ты меня разбудила. Он без яблока остался, — сказал Батбатор.

«ВРАЧ»

Трёхлетняя О́юн сегодня врач. Она надела белый халат, взяла в руки игрушечную трубочку. Сначала она долго слушает резинового слона. Потом проверяет лапки плюшевого медведя. Осматривает она и свою маленькую куклу.

— Вы все здоровы,— говорит она всем своим игрушкам и улыбается, ведь врачу всегда радостно, когда никто не болеет.

Ж. Дамдиндорж

МОЯ МАМА

Как-то летом во время сенокоса мы с товарищем устроили небольшой перерыв и, расположившись поудобней в тени под копной сена, вели неторопливую беседу. Подставив мускулистую загорелую грудь лёгкому ветерку, долетавшему до нас из-за гребня горы, мой товарищ наслаждался прохладой. Время от времени он улыбался чему-то своему, обнажая при этом ослепительной белизны крепкие зубы. К его вспотевшему и разгорячённому от работы лицу прилипли травинки, на крыльях вздёрнутого носа оставались следы пыли.

— Вы по-русски читаете? — вдруг спросил он меня.

— А зачем тебе? — поинтересовался я.

Всё с той же молчаливой улыбкой он вытащил из складок дэла красивый конверт.

— Вот. Письмо получил. От мамы. Если знаете по-русски, не откажите прочитать его мне.

Я с любопытством взглянул на него. «Странное дело: простому монгольскому парню мать пишет письма по-русски... Вероятно, в его судьбе есть что-то загадочное»,— подумал я и с ещё бо́льшим вниманием стал разглядывать его лицо, стремясь уловить в нём хоть что-то русское. Но, увы, передо мной сидел обыкновенный монгол, коренной житель здешних мест, лучший косильщик сельхозобъединения.

— У тебя что, мать русская? — полюбопытствовал я.

— Нет, монголка.

— А отец твой кто?

— Мой отец скотовод. И мама тоже. Да они здешние.

Я ничего не мог понять. Любопытство всё больше разбирало меня.

— Ну, а эта русская твоя мама, где она?

— Аха,— улыбнулся он,— моя мама живёт в Ленинграде. Но лучше я расскажу вам всё по порядку...

И он рассказал мне удивительную историю, которая до глубины тронула моё сердце.

— Давно это было, но из памяти моей до сих пор ничего

не изгладилось... Однажды морозным зимним вечером я собрал стадо и погнал его к зимовью. Внезапно почувствовав себя плохо, бросил коров и поплёлся домой. С трудом дотащился до места по скрипучему снегу. Всё тело моё ныло, а внутри будто всё перевернулось. Каждый шаг отдавался острой болью. Мать ждала меня у дверей хлева, куда мы загоняли коров.

«Что же ты стадо бросил? — крикнула она с упрёком.— Но, услышав мои громкие стоны и разглядев, наконец, как я шёл, весь скрючившись и обхватив руками живот, подбежала ко мне. — Что случилось, сынок? Уж не заболел ли?» — встревожилась мать.

«Живот болит, не могу я, мама...» — упавшим голосом ответил я.

Мать уложила меня в постель и села рядом. Отца не было дома. Он уехал в район на собрание и ещё не вернулся. Весть о моей внезапной болезни сразу же разнеслась по всему нашему хотону[1], и через некоторое время к нам в юрту пожаловал старший брат моей матери — важный лама[2] — крепкого сложения пожилой мужчина с бледным лицом и горбатым носом. Мама припала к его ногам.

«Досточтимый, благослови моего сына, погадай и предскажи, что с ним будет,— молила она ламу, с трудом сдерживая слёзы.— Совсем недавно он в добром здравии отправился за коровами... Может быть, он чем-нибудь отравился? Что с ним? Смилуйся, преподобный, соизволь предсказать...»

Мама поставила перед ним блюдо со сластями, приготовленными к празднику Цаган-сара[3], и распечатала заветную бутылку архи[4]. Лама отпил из пиалы несколько глотков архи и, кивком указав на кадило, велел подать ему горящий уголёк от аргала. Мать опрометью кинулась во двор, принесла несколько кусков почерневшего аргала и бросила их в печку.

---

[1] Хото́н — группа юрт, стойбище.

[2] Ла́ма — буддийский монах, священнослужитель; здесь: монах-врачеватель.

[3] Цага́н-сар — начало первого месяца года (по старому летосчислению монгольский Новый год).

[4] Архи́ — молочная водка.

Пока аргал догорал в печи, лама не спеша вытащил из-за пазухи круглую жестяную коробочку, достал из неё гадальные кости, несколько раз бросил их и опять убрал за пазуху.

«Кости хорошо выпали. Он поправится»,— изрёк лама. Затем воскурил фимиам над моей головой, удостоил меня своего благословения и прочитал молитву.

Когда я уснул, он спрятал в рукав бутылку с недопитой архи и собрался уходить.

«Подождите, почтенный»,— попросила мама. Она бросилась к постели, достала из-под подушки сумочку, порылась в ней и протянула ламе пять тугриков [1].

---

[1] Тугри́к — основная денежная единица МНР.

Но болезнь меня не отпускала. С каждой минутой боль всё усиливалась и становилась нестерпимой. Я обливался холодным липким по́том. Мама от меня не отходила.

«Потерпи, мой сыночек родной. Лама предсказал, что завтра ты поправишься»,— успокаивала она меня.

Когда приехал отец, я уже не мог лежать на постели и стоял на четвереньках, согнув локти, и протяжно стонал осипшим голосом.

Отец не стал ужинать. Он смотрел на маму и спрашивал: «Что же делать? Что делать?!»

«Мы ничего не можем сделать. Нам остаётся только ждать: умрёт он или выздоровеет...» — сквозь рыдания отвечала мама.

Отец хотел было закурить, но тут же смял папиросу, бросил её на пол и выскочил из юрты. Через минуту он появился снова, схватил несколько войлочных тюфячков, доху, тёплый зимний дэл и крикнул матери:

«Пошли запрягать пегашку! У него хороший ход».

Мама встала с краешка моей постели и в недоумении уставилась на отца.

«В Налайх[1] поедем. К русскому доктору,— уже спокойнее пояснил он.— Завтра к этому времени как раз и доберёмся туда».

Меня закутали в доху и осторожно положили на двуколку. Дорога была неровная, трясло, и с каждым новым толчком мои страдания увеличивались. При виде моих мучений мать с отцом страдали не меньше меня самого.

«Потерпи, сыночек. Теперь уже недолго осталось ехать»,— утешала мама.

Я уже почти ничего не понимал от дикой, нестерпимо мучительной боли, раздиравшей мой живот. Меня будто кололи иголками изнутри, всё тело горело огнём, и я с трудом хватал воздух широко открытым ртом.

«Стой, стой!» — вдруг закричала отцу мама.

«Ну, что там?» — отозвался отец, придерживая лошадь.

Мама поправила доху, которой я был накрыт, и зарыдала:

---

[1] На́лайх — пригород Улан-Ба́тора, столицы МНР.

«Смотри, у него уже посинело лицо...»

По щекам отца покатились крупные слёзы. Это было последнее, что я ещё мог тогда видеть и как-то воспринимать. Потом я потерял сознание...

Когда я очнулся и открыл глаза, то увидел склонившуюся надо мной молодую женщину в белом халате и с удивительными голубыми глазами... Потом опять всё куда-то исчезло. Прошёл ещё один день. Утром я снова открыл глаза и увидел эту женщину сидящей возле меня. Пробившийся сквозь оконные шторы солнечный лучик падал на её волосы, отливавшие золотом. Она выглядела очень усталой. Нежно коснувшись рукой моего лба, доктор улыбнулась и спросила по-монгольски:

«Хочешь попить, дружочек?»

«Хочу»,— тихо ответил я.

Доктор велела принести мне сладкого чаю и позвать моих родителей. Когда мать с отцом вошли в палату и увидели меня пьющим горячий чай, они оба припали к ногам русского доктора.

«Вы совершили великое благодеяние, вы вернули жизнь нашему сыну»,— шептала мама, и слёзы обильно текли по её исхудавшему лицу.

Доктор велела им встать, вытерла мамины слёзы, обняла её и успокоила:

«Всё страшное позади. Теперь бояться нечего. Вы можете отдохнуть».

Уже у самой двери, выходя из палаты, отец остановился и, обернувшись ко мне, сказал с дрожью в голосе:

«Слушай, сын. В то время как мы с матерью оплакивали тебя, считая навсегда ушедшим из этой жизни, русский доктор вернула тебе жизнь. С этого дня, сынок, считай русского доктора своей мамой».

«Да, да, сыночек»,— кивала головой моя мама, от радости не находя никаких других слов.

Когда они ушли, моя русская мама, назначая мне необходимые уколы и процедуры, сказала:

«Мой сынок скоро встанет на ноги».

Я крепился из последних сил, но когда русская мама вышла из палаты, я спрятал голову под одеяло и заплакал от переполнивших меня чувств.

Каждое утро моя русская мама начинала обход с меня. «Ну, как ты сегодня себя чувствуешь, сыночек?» — спрашивала она и непременно угощала меня конфетами в красочных обёртках и вкусным печеньем...

Вот и вся история, — закончил свой рассказ мой товарищ.

Из конверта он осторожно вытащил фотокарточку и долго смотрел на седую русскую женщину с очень добрыми глазами и морщинками на лице.

— Это и есть моя мама. Её зовут Вера Павловна. А ещё у меня был старший брат. С веснушками на носу и очень высокий. Я называл его Володей. Так звала его русская мама. Он погиб на войне, защищая Родину.— Голос его дрогнул, и непрошеная слеза скатилась по щеке.

— Ты и в самом деле сын этой русской женщины,— сказал я.

Он кивнул головой и улыбнулся.

— Один я у неё остался... Вот закончится сенокос, и я сразу поеду к маме в Ленинград.

Ч. Лувсандэндэв

«БОЛЬШЕ НЕ БУДЕМ!»

Мой приятель Одху́ очень любит гулять по улицам. Однажды весной ему так захотелось погулять, что он решил сделать это по пути в школу.

Вышел он из подъезда и не спеша зашагал по улице. Скоро его догнала соседка по дому и одноклассница Одма́. Она тоже была не прочь пройтись по городу, да ещё в такой ясный солнечный день!

— Вот здорово! — обрадовался Одху.— Вместе веселей. А в школу ещё рано, успеем!

— Конечно, успеем! — подхватила Одма.— Ой-ой ещё сколько у нас времени до уроков! Мы успеем и до кинотеатра дойти — посмотрим, что там сегодня показывают.

Сначала ребята зашли в парк. Ведь он был как раз по пути в школу. Идут они по аллее, а вокруг уже трава

зеленеет, кое-где и ранние цветы пестреют, птицы на деревьях щебечут. Хорошо!

Медленно шли по парку Одма и Одху. И никого по дороге не встретили. Наконец они увидели пожилую садовницу. Она полола клумбы, обреза́ла кусты. Она работала. Потом Одма и Одху заметили ещё нескольких женщин. Они сидели на скамейках. И не просто сложа руки. Каждая из них была занята каким-нибудь делом. Одна вязала, другая шила, третья читала. Рядом копошились малыши — видимо, их дети и внуки. Они тоже были заняты какими-то своими, ребячьими делами...

Из парка Одма и Одху вышли на широкую, шумную улицу. Здесь было многолюдно. И все люди были чем-то заняты, чем-то озабочены, все куда-то торопились. Одма и Одху увидели газетчика, который торговал газетами и журналами. Электромонтёр возился с каким-то проводом. Рабочие-ремонтники чинили тротуар. Все работали. И ребята не заметили ни одного школьника, который бы с портфелем в руке или с ранцем за плечами бесцельно шатался по улице... И только тут Одма и Одху спохватились. Только тут они и вспомнили, куда идут! Ой-ой! Уж не опоздали ли они в школу?! Ребята спросили у прохожего мужчины, который час. Вот это да! Уже два часа, оказывается! Первый урок второй смены давно уже начался...

Одма и Одху промчались мимо кинотеатра, даже не взглянув на яркие афиши.

Когда ребята открыли дверь школы, до перемены оставалось всего несколько минут. Раскрасневшихся от бега школьников увидел дежурный учитель.

— Нехорошо опаздывать, нехорошо,— укоризненно покачал он головой.— Все давно заняты делом, а вы?..

Ребята молчали. Сейчас они вспомнили и старую садовницу, и тех женщин в парке, и рабочих на улице... Ведь все они были заняты делом. Все работали! Только они вдвоём без дела шатались по городу.

Одма и Одху молчали, а учитель между тем сказал:

— Сначала человек должен сделать свою работу, а потом уж гулять и развлекаться!

Справедливы были эти слова, и ребятам стало очень стыдно. Они опустили глаза и еле слышно прошептали:

— Мы больше не будем.

Хоть и тихо произнесли эти слова Одма и Одху, но они прозвучали как торжественное обещание.

НЕГОДНОЕ ПЕРО

Вы ведь знаете моего приятеля Одху? Одни проказы у него на уме. На всякие шалости он первый выдумщик! И нет ему равных в озорстве! Во всяком случае, в нашем классе. А вот в учёбе... Даже говорить об этом не хочется. Стыдно мне за него. Ведь мы не первоклашки какие-нибудь, а в третьем классе учимся. Это не шутка! Пора бы и Одху поумнеть. Только сам он этого не понимает. Говори ему, не говори... Словно и не слышит. Вот, например, наделает в тетрадке ошибок, размажет на страницах чернила и тут же старается свалить свою вину на другого: мол, под локоть его толкнули, окликнули не вовремя, а он оглянулся и...

А на днях вот что произошло у нас в классе. Сидели мы на уроке родного языка и переписывали с доски всякие предложения. Все сидят тихо, пишут себе, только перья поскрипывают. Один Одху вертится. То ко мне в тетрадку заглянет — мы ведь соседи по парте, — то назад обернётся... Я уже злиться на него начал — мешает ведь. А тут ещё достал он резинку и принялся, пыхтя и шмыгая носом, стирать написанное. Стёр, снова обмакнул ручку в чернила и опять принялся писать. И вдруг — бац! — огромная фиолетовая капля шлёпнулась на страницу. Одху тут же вытащил из своего ранца чистенькую промокашку и крепко прижал её к кляксе. И клякса тут же превратилась в большую, безобразную... амёбу.

Одху разозлился, вырвал перо из ручки и швырнул его на пол!

— Никуда это перо не годится! — громко прошипел он.

Потом он вытащил из ранца другое перо и вставил его в ручку. Тут уж и учитель наш Эрдэнэ́-гуай не выдержал. Поднял он с полу перо, обтёр промокашкой, вставил в свою ручку и спокойно сказал Одху:

— А ну подвинься!

Одху придвинулся совсем близко ко мне, уступая место учителю. А Эрдэнэ-гуай уже принялся перелистывать тетрадку Одху. Ох и грязная же она была, ох и чумазая! Вся в кляксах и помарках. Даже мне стало стыдно. Одху — хоть бы что! Знай себе твердит:

— Это всё негодное перо! Оно во всём виновато! Да и тетрадка никуда не годится!

Эрдэнэ-гуай исправил в тетрадке все ошибки, переписал на чистую страницу все предложения с доски, а когда кончил, то на полях тетрадки красиво и чётко вывел: «Как хорошо пишет это перо!»

И тут я впервые с удивлением увидел, как покраснел Одху. Прямо до кончиков ушей!..

МИР

Сегодня во дворе у нас многолюдно. Выходной день. Старики греются на солнышке, дети играют. Возле них снуют голуби. Я тоже вышел из дому и присел на скамейку. Рядом примостился мой приятель Одху. Голуби тут же засеменили ко мне. Я всегда их кормлю. Вот и сейчас я высыпал на землю корм из кулька. Голуби принялись его клевать.

Нас окружили малыши и даже ребята постарше — школьники. Я улыбнулся малышам и спросил у них, указывая на голубей:

— Кто это?

— Это мир! — опередил малышей нетерпеливый Одху.

— Нет, это голуби, — ответила краснощёкая Гэрэ́л. — А «Мир» — это конфеты так называются.

— Есть и печенье «Мир», — пролепетал крепыш Бадма́.

Все ребята рассмеялись, а смущённый Бадма спрятался за мою спину.

Ребята перестали смеяться, второклассник Чими́д гордо заявил:

— Мы ведь и живём на улице Мира...

Все ребята радостно закивали головами, а соседка моя Одма добавила:

— И во-он тот мост через реку Дунд-гол тоже назвали «Мир»...

— А меня самого зовут Мир,— громко сказал пятилетний Энхтайва́н.

И ведь в самом деле «Энх та́йван» по-монгольски значит «мир». Как хорошо, когда повсюду мир, мир, мир.

Д. Мягмар

ПОДАРОК

Я хорошо помню тот далёкий весенний вечер.

Когда я пришёл домой, успев после уроков побродить в скалах у Красного Мыса, мать сказала мне:

— За тобой тут одноклассники приходили. Говорят, у вас какое-то важное собрание.

Я побежал в школу. Все наши были уже в сборе.

— Ты почему опоздал? — спросил учитель.

— Искал графит,— признался я.

В то время достать тетрадку, карандаш или чернила было почти невозможно, и мы писали природным графитом, который находили в скалах.

Учитель посадил меня на место и продолжал:

— Давайте подумаем, что ещё можем мы подарить.

— О каком подарке идёт речь? — шёпотом спросил я у своего соседа.

— О подарках для Красной Армии, чтобы она поскорее разгромила людоедов-фашистов,— ответил он.

— А что подарил ты?

— Тёплый тулуп и шапку-ушанку.

Перед моими глазами промелькнули кадры из кинофильма, который мы смотрели вчера. Я вдруг снова увидел русского конника со сверкающей саблей в руке. Горячий скакун нёс его в атаку по снежному полю.

— А я хочу подарить коня,— тихо сказал я соседу.

— Но ведь у вас нет коня-то! — удивился он.

Это была правда. Мы с мамой жили бедно, и всё наше имущество состояло из пяти коз. Мои одноклассники знали об этом и помогали нам чем могли — иногда приносили даже аргал для очага.

— Что же решил подарить ты? — услышал я голос учителя. Он обращался ко мне.

— Коня! — выпалил я.

Некоторое время он испытующе смотрел на меня, потом переспросил:

— Коня?

— Да. Можно его привести к началу нового учебного года?

— Конечно.— Учитель кивнул и что-то пометил в записной книжке.

А я про себя решил, что сдержу слово, чего бы мне это ни стоило.

Вернувшись домой, я обо всём рассказал маме. Она ничуть не рассердилась на меня, только сказала:

— Ладно, до осени что-нибудь придумаем.

Когда в школе кончились занятия, мы с мамой на всё лето перебрались к нашему дяде — арату. Он пас большую отару овец, я ему помогал. В свободное от работы время я бродил следом за отарой и собирал клочья шерсти, скинутые овцами. Обычно больше всего шерсти оставалось на колючих кустарниках.

Когда шерсти накопилось довольно много, я погрузил её на тележку, отвёз на речку и, как следует прополоскав, разложил сушиться на солнце.

— Сынок,— сказала мать,— ты хоть чаю попей. Ведь никто не заставляет тебя работать в такую жару.

— Я обещал подарить коня,— упрямо возразил я.

— Правильно. Человек должен быть хозяином своего слова. Но поесть всё-таки надо. А я потом тебе помогу.— С этими словами мама поцеловала меня в лоб.

Ах, как я был рад, что она понимает меня!

В нашем айле[1] жило десять семей, и у каждой был свой загон для скота. По утрам я обходил все загоны и подбирал горстки шерсти, а мама мыла и высушивала её.

А потом, когда подножия гор густо облепили грибы, у меня появилось новое интересное занятие. Собрав шерсть по загонам, я отправлялся за грибами. Однако это дело оказалось вовсе не лёгким. Бывало, из последних сил притащишь домой полный мешок, а после сушки от него и половины не останется — ведь высушенные грибы почти ничего не весят. Это меня, конечно, огорчало. Зато как я радовался, когда через несколько дней возвращался на старое место и снова видел выводки упругих молодых грибов, щеголявших коричневыми шапочками. Сейчас мне кажется иногда, грибы нарочно росли так споро, чтобы помочь мне.

К сожалению, грибное время пролетело быстро, и тогда я стал собирать горный чай.

За всеми этими делами я и не заметил, как наступила осень, а с нею и новый учебный год.

Однажды мы с мамой погрузили всё добытое за лето на несколько повозок — они были запряжены волами соседей —

---

[1] Аил, айл — семья, юрта, группа юрт, стойбище.

и поехали в город. На дворе кооператива мы сняли нашу поклажу, и мама с кладовщиком принялись взвешивать груз. Я же остался возле волов отгонять зеленоголовых оводов. Воображая, что это не оводы, а фашистские самолёты, я сражался с ними геройски. А когда опомнился, то увидел маму, выходившую из конторы с большой пачкой денег. Мама завернула деньги в старенький белый платок, достала из-за пазухи кулёк конфет и протянула мне.

— Мама, а на коня нам хватит? — с тревогой спросил я.

— Хватит даже на двух коней,— успокоила меня мама и погладила по голове.

...Почему же мне вспомнился тот далёкий вечер? Скорее всего, потому, что именно тогда я впервые почувствовал свой сыновний долг перед Родиной, перед народом. И я его выполнил, этот первый маленький долг.

С. Надмид

ДОЧЕРИ СОЛНЦА

Внучки дедушки Насáна часто между собой ссорились.

— Я красивее тебя! — заносчиво говорила старшая — Солонгó.

— А я — трудолюбивей! — не спускала младшая, Гэрэ́л.

Солонго и вправду была красивой девочкой. На белом нежном лице выделялись чёрные, словно нарисованные, брови, а под ними крупные карие глаза, опушённые густыми ресницами. Красивой была Солонго, но хвалиться этим не подобало школьнице. Да и вообще хвастаться нехорошо.

Гэрэл нельзя было назвать красавицей, но девочка была доброй и трудолюбивой. Однако ей тоже не нужно было этим похваляться...

Не по душе были дедушке Насану эти постоянные ссоры. Он пытался уговорить внучек, устыдить — ничего не помогало. Однажды сёстры снова поссорились. И совсем из-за пустяка. Вернулись они из школы и собирались пообедать, а дедушка попросил их сначала пол помыть.

— Не стану я пачкаться! — капризно надула губы Солонго.— Ещё цыпки появятся на моих нежных руках...

— Я помою пол,— согласилась Гэрэл,— но пусть и Солонго мне поможет. Я всё время одна мою. И никаких цыпок у меня на руках нет.

— Ни за что не стану помогать! — закричала Солонго.

Дедушка Насан лишь головой покачал. Потом задумался он надолго и, наконец, сказал своим внучкам:

— Садитесь-ка возле меня. Я расскажу вам сказку. Длинную-предлинную. Её долго нужно рассказывать. Несколько дней. И сегодня, и завтра, и послезавтра...

Девочки удивились.

— Ой, а когда же мы будем играть?! — воскликнула Солонго.— И когда мне заплетут мои косы?

— А когда же я пол помою? — забеспокоилась Гэрэл.— И как быть завтра со школой? Совсем не ходить? И уроков не готовить?

— Не поняли вы меня,— рассмеялся старик.— Я буду рассказывать сказку по частям. Каждый день по одной части. Слушайте первую:

О ЗЕЛЁНОМ ДВОРЦЕ СОЛНЦА-ОТЦА И О ДВУХ ЕГО ЛЮБИМЫХ ДОЧЕРЯХ.

Давным-давно это было. Далеко-далеко от Земли правил великий и могучий властелин Солнце. И было у него восемьдесят тысяч детей. И названы они были именами различных растений. И все они жили в огромном зелёном дворце Солнца-отца. Жили в дружбе и согласии. И среди этих восьмидесяти тысяч детей были две дочери Солнца-отца — самые любимые. Одну звали Розой, другую — Пшеницей.

Роза была нежной и красивой — глаз не оторвать. Она одевалась в яркие и красивые платья — белые, розовые, красные. Но больше всего она любила платья алого цвета. Поэтому её часто называли Алой Розой.

Пшеница же была грубоватой и неуклюжей, с тонкими ногами и жёсткими колючими волосами. И прозвище её было — Лохматая.

Солнце-отец одинаково любил своих дочерей. Бережно и заботливо растил их, даря им свои золотые живительные лучи.

Сёстры дружили между собой. Дружили до тех пор, пока вдруг однажды Роза не увидела своё отражение в воде. Увидела своё отражение и тут же возгордилась.

— О, как я прекрасна! — воскликнула она.— Не стану я больше дружить со своей сестрой-дурнушкой, с колючей и лохматой Пшеницей.

Услышала эти слова бедная Пшеница. Больно сжалось её сердце. Ничего не сказала Пшеница своей кичливой сестре. Только с того дня решила она расти побыстрее и стать покрепче. Вдоволь пила она влагу родной почвы, жадно поглощала солнечные лучи.

Скоро налилась Пшеница соком, стала стройной и высокой. И всё живое — звери и птицы любили её за скромность и доброту. И птицы прославляли её в своих песнях. На разные голоса они пели:

Славим Пшеницу — чудо-растение!
Благотворную силу Пшеницы — славим!

Донеслись эти песни и до ушей самовлюблённой красавицы Розы. Вознегодовала она:

— За что восхваляют эти глупые птицы сестру мою, уродину? Одна я достойна хвалы и воспевания!

Но не стали птицы петь хвалу красоте Розы. Они продолжали воспевать лишь свою любимицу Пшеницу.

Рассердилась Роза и в слезах прибежала к Солнцу-отцу.

— Отец мой дорогой, всемогущий! — воскликнула она.— Обидела меня моя сестра Пшеница. Её восхваляют птицы в песнях своих, а не меня. Прогони её из своего зелёного дворца. Я хочу, чтобы только меня любили звери и птицы! Хочу, чтобы только меня славили в песнях!

Выслушал свою дочь Солнце-отец и огорчился. Задумался. Долго думал владыка и, наконец, собрав вокруг себя всех своих детей, произнёс такие слова:

— Дети мои дорогие! Всех вас я люблю одинаково. Вас у меня восемьдесят тысяч, и с каждым из вас мне тяжело расставаться. Жалко мне расставаться и с сёстрами вашими

Розой и Пшеницей. И всё-таки решил я отправить их на далёкую Землю, где живут люди. Только люди смогут разрешить спор двух сестёр. Только люди могут сказать, кого из них прославлять, кого в песнях воспевать. Человек — самый справедливый судья на свете.

И принялся Солнце-отец снаряжать своих дочерей в далёкий путь. Розе подарил он и белое, и розовое, и алое платье. Ведь она так любила наряжаться! Дочери своей Пшенице отец подарил жёлтый халат с золотыми узорами, напоминающими солнечные лучи. А на прощанье Солнце-отец устроил большой пир, на котором были все его восемьдесят тысяч детей. Когда кончился пир, Солнце-отец пожелал своим двум дочерям, Розе и Пшенице, доброго пути. Пожелал им долгой и счастливой жизни на Земле...

— На этом заканчивается первая часть сказки,— сказал дедушка Насан и спросил, поглаживая свою длинную белую бороду:

— Ну как, внученьки, поняли, о чём я рассказываю?

— Я поняла,— беспечно ответила Солонго.

Гэрэл промолчала, лишь головой кивнула. Ей сказка нравилась, но не по душе ей было, что Солнце-отец отправил своих дочерей так далеко от себя. Девочке казалось, что и дедушка Насан может вот так же отправить их с сестрой куда-нибудь далеко-далеко, к чужим людям. Девочка глубоко вздохнула и шепнула сестре:

— Давай скорее пол помоем!

Солонго не успела и рта раскрыть, как дедушка Насан сказал:

— Нет-нет, внученьки. Сначала пообедайте, а потом ступайте-ка на улицу. Поиграйте, порезвитесь...

После обеда Солонго и Гэрэл вышли на улицу. Они так любили гулять по своей улице. Но сегодня почему-то им было невесело — резвиться, играть не хотелось. Скоро они вернулись домой. И что же они увидели, переступив порог? Пол был чисто вымыт и даже натёрт — до блеска! Девочки поняли, кто это сделал... И стыдно стало сёстрам. Очень стыдно. Даже Солонго покраснела.

На следующий день, когда Солонго и Гэрэл пришли из школы, дедушка Насан рассказал им вторую часть сказки:

О ПРИБЫТИИ ДОЧЕРЕЙ СОЛНЦА НА ЗЕМЛЮ И ВСТРЕЧЕ С ЛЮДЬМИ.

Долго пробыли в пути дочери Солнца — Роза и Пшеница. Восемь лет, восемь месяцев и восемь дней! Спустились они на Землю и тут же увидели широкую и длинную дорогу. Такую длинную, что казалось, и конца ей нет. Возле самой дороги, в пыли лежал Человек. Худой, тощий — одна кожа да кости! Человек лежал неподвижно, и глаза его были закрыты. И дышал Человек еле слышно. Сначала растерялись дочери Солнца. Потом поняли они, что Человек умирает. Первой подошла к нему Роза, низко нагнулась над ним и приподняла его голову. Человек вдохнул аромат Розы и открыл глаза. Обрадовалась Роза.

— Вот видишь,— обратилась она к сестре,— один лишь мой аромат оживил Человека. Я спасла его от смерти!

Ничего не ответила Розе Пшеница, но про себя подумала: «Не может быть, чтобы Человек умирал лишь оттого, что ему не хватало аромата Розы. Он умирает от голода».

Встряхнула Пшеница головой, и из её колючих волос-колосьев высыпались на землю крупные мягкие зёрна. Пшеница всыпала зёрна в рот умирающему. Разжевал их Человек, проглотил. И скоро исчезла с лица его бледность, и заалели его щёки. Человек улыбнулся и медленно поднялся на ноги. Поклонился он сёстрам и сказал:

— Спасибо вам! Вы вернули мне жизнь!

— А кто из нас больше помог тебе, Человек? — ревниво спросила Роза.

— Вы обе одинаково помогли мне,— отвечал им Человек.

Промолчали сёстры, а Человек сказал им:

— Пойдёмте со мной.

— Куда? — в один голос спросили сёстры.— Куда ты поведёшь нас, Человек?

— К моему Хозяину,— отвечал тот.

— А кто такой «хозяин»? — удивились сёстры.

— Сами увидите,— ответил Человек и тяжело вздохнул.

Тут Человек рассказал им, что он — подневольный Раб другого, сильного и богатого, Человека. Рассказал он и о том, что Хозяин приказал ему, своему Рабу, разыскать то, что имеет самый приятный запах, и то, что вкуснее всего на свете.

— У одной из вас — самый лучший запах, а другая — вкуснее всего на свете,— закончил свой рассказ Раб.— Я так долго искал вас, что чуть не умер от голода и усталости. И если я не приведу вас к Хозяину, он убьёт меня.

Пожалели сёстры Раба и пошли вместе с ним к его Хозяину.

Скоро добрались они до высокого и красивого дворца. В том дворце и жил Хозяин со своей женой.

Увидели эти люди Розу, и она сразу им понравилась. Они подозвали её к себе, расспросили, обласкали. А Пшеницу те же люди прогнали такими словами:

— Убирайся с глаз долой, колючая, лохматая!

Обидно стало Пшенице. Горько заплакала она, подняла кверху заплаканное лицо и обратилась к Солнцу-отцу с такими словами:

— О всемогущий и великий отец мой! Провожая нас на Землю, ты говорил, что Человек — самый справедливый судья на свете... Так где же его справедливость? Сестру мою Розу он приласкал, а меня прогнал прочь! Хоть я и некрасивая, но я спасла Человека от голодной смерти...

Не услышал Солнце-отец слов своей дочери Пшеницы, не увидел её горьких слёз. Пшеницу утешил Раб и повёл её в поле, на пашню. Там посеял её зёрна в землю и обильно полил водой. С того дня Раб часто приходил на поле и поил пашню водой. Пшеница проросла; сначала появились зелёные всходы, а потом и заколосились они.

Прошло много времени, и Пшеница так разрослась, что покрыла своими золотыми колосьями не только поле, но и прилегающую к нему долину.

Однажды Пшеница сказала Рабу:

— Ты так заботишься обо мне, ты так добр ко мне. Ты, наверное, и есть настоящий Человек — самый справедливый на свете. Наверное, о тебе и говорил нам отец. А твой Хозяин — не Человек.

— Мой Хозяин тоже Человек,— отвечал Раб.— Только Человек нечестный, жестокий и несправедливый.

Так Пшеница — дочь Солнца узнала, что на Земле живут разные люди. Одни — добрые и честные, другие — злые и бессовестные. И обрадовалась тогда Пшеница, что попала в руки хорошего Человека. И тут же грустно ей стало, что её сестра — прекрасная Роза живёт у жестокого и бесчестного Человека. Пшеница тихо и печально запела:

Из зелёного дворца Солнца-отца
Спустились мы с тобой на Землю, сестра.
Но разлучила нас судьба, разлучила.
Я в поле открытом живу и расту.
Хоть трудно мне порою в непогоду,
Но рядом со мной — Человек,
Добрый и справедливый.
Ты же во дворце прекрасном живёшь.
Рядом с тобой — Человек
Злой и бесчестный.
Хоть музыки звуки услаждают твой слух,
Приди же ко мне, сестра моя.
Будем вместе жить и расти
В поле широком, долине привольной.

На песне этой печальной и прервал свою сказку дедушка Насан. А на третий день поведал старик своим внучкам третью часть сказки:

О ТОМ, КАК ВСТРЕТИЛИСЬ ДОЧЕРИ СОЛНЦА

...Скоро Пшеница так сильно разрослась, что золото её колосьев покрывало теперь собой весь материк и прилегающие к нему острова. И радовались Пшенице люди, а звери и птицы и здесь, на Земле, любили её и пели ей хвалебные песни.

Роза же продолжала жить во дворце владыки и услаждала своей красотой и ароматом только богачей. Ей тоже пели хвалу

и птицы, жившие в дворцовом саду, и придворные поэты и музыканты.

Шли годы, и скоро о Пшенице узнали все люди Земли. Туда, где она росла, приезжали купцы с других материков и покупали её зёрна по высокой цене. Из зёрен её делали муку, а из муки пекли хлеб и другие вкусные кушанья. Добрая слава была у Пшеницы.

Розу люди тоже любили. И цена на неё также была высока. Но уж тесно становилось Розе в дворцовых садах и в домах богачей — поблёкла, слиняла её былая красота, и аромат её цветов стал слабее. Правда, сама Роза чувствовала себя счастливой — ведь она думала, что и все люди на Земле счастливы.

Пшеница росла на просторе, видела много людей и знала, что на Земле много бедных и несчастных. Она видела, как голодали те, кто своим тяжким трудом помогал ей расти, кто весной засевал, а осенью собирал её зёрна, кто делал муку и выпекал хлеб. И видела Пшеница, что вдоволь этот хлеб едят только богатые. Теперь уж она и сама знала, что не все люди на Земле честные и справедливые судьи.

Пшеница очень хотела помочь беднякам, которые были справедливы к ней и добры, заботились о ней. И однажды снова запела она, обращаясь к своему отцу Солнцу:

О светлый и щедрый отец мой!
Послушай меня, дочь свою,
Дочь свою любимую.
Здесь, на Земле,
Богачи всё у бедных отбирают.
Господа не работают, а досыта едят.
Бедняки себя не жалеют,
Себя не жалеют, а в голоде живут.
Так сильнее согрей меня своими лучами,
Солнце-отец, согрей!
Чтобы хватало хлеба всем беднякам,
Беднякам — друзьям моим!

Громко пела эту песню Пшеница, но не услышал её Солнце-отец. Услыхала эту песню прекрасная Роза. Удивилась она словам песни и воскликнула:

— Глупа сестра моя Пшеница! Разве не знает она, что истинное счастье — в служении богачам, а не бедноте! Только богатые и понимают настоящую красоту, только богатые и могут оценить её! И зачем Пшенице бедные и рабы, не понимаю!

Услышала Пшеница слова сестры. Не обиделась она на неё, а задумалась над тем, как спасти Розу, как помочь ей вырваться из дворцов, богатых цветников и садов, как научить Розу служить всем людям на Земле — и бедным, и рабам.

Однажды осенью, когда бедняки убрали с полей весь урожай и собирались нести дань своему владыке, Пшеница обратилась к ним с такими словами:

— Добрые люди, друзья мои! Помогите мне спасти сестру мою — прекрасную Розу. Попытайтесь вынести её из дворцового сада. Вынесите её из дворца и посадите в поле, просторном и широком. Здесь она и сама разрастётся под живительными лучами Солнца-отца.

Люди исполнили просьбу своей любимицы. Они тайком вынесли Розу из дворцового сада и посадили в поле, просторном и широком. И здесь, на широком просторе, под живительными лучами Солнца-отца начала Роза расти-разрастаться. И стала она прекрасней прежнего. Красота и аромат её теперь радовали всех людей на Земле!

Тогда только и поняла Роза, в чём настоящее счастье. Счастье — в служении всем людям на Земле!

Дедушка Насан умолк и по привычке погладил свою длинную белую бороду. Девочки молчали.

— Ну как, внученьки, хорошую ли сказку вам рассказываю? — спросил у них старик.

— Хорошую! — в два голоса отвечали сёстры.

— Видели вы пшеницу?

— Видели! — обе разом ответили девочки.

— Знаете ли вы, как она служит людям?

— Знаем! — закричали сёстры.

Потом Гэрэл добавила:

— Из неё делают белую муку, а из той муки пекут хлеб и сдобные лепёшки.

— И пирожки, и печенье,— добавила Солонго.

Тогда дедушка Насан спросил у внучек:

— А знаете ли вы розу?

— Знаем!

— Видели её?

— Я видела её в городском саду,— отвечала Солонго.— Она очень красивая и пахнет приятно.

— Да, роза — красивый цветок, но люди знают её меньше, чем пшеницу. Пшеницу люди узнали раньше розы и поняли, как она полезна. Так запомните, внученьки: о каждой вещи судят не по её внешнему виду, а по тому, какую пользу она приносит...

Дедушка Насан улыбнулся и снова погладил свою седую бороду.

На следующий день старик рассказал последнюю часть этой длинной сказки:

О ДОБРОМ ПОЖЕЛАНИИ СОЛНЦА-ОТЦА И О БУДУЩЕМ ЕГО ДОЧЕРЕЙ.

Много-много лет прошло с того дня, как дочери Солнца, Роза и Пшеница, стали жить на Земле. Их братья и сёстры почти забыли о том, что ещё две сестры когда-то жили вместе с ними в огромном зелёном дворце Солнца-отца. Но однажды вдруг вспомнили они о них и пришли к отцу:

— Скажи нам, Солнце, отец наш всемогущий,— обратились они к нему,— что стало с нашими сёстрами — Розой и Пшеницей?

Улыбнулся Солнце-отец и попросил своих детей прийти к нему снова. Прийти в такой день, когда не будет над Землёй ни туч, ни облаков.

В ясный и светлый день явились к Солнцу-отцу его многочисленные дети. Солнце-отец осветил Землю своими яркими лучами и сказал:

— Глядите!

Посмотрели на Землю дети Солнца и увидели: Земля отливает золотом — столько пшеничных полей раскинулось на её поверхности! И в этом золотистом море разглядели дети Солнца много алых, красных, белых островков. Это разрослась

по Земле их прекрасная сестра Роза! И прекрасна она была в любом одеянии!

И Солнце-отец и все его восемьдесят тысяч детей долго любовались Землёй, украшенной Пшеницей и Розой!

— Я вижу, что люди разрешили спор между сёстрами,— произнёс наконец Солнце-отец.— Мои дочери одинаково нужны людям, ибо не хлебом единым жив Человек. Моя трудолюбивая и добрая Пшеница кормит людей, а Роза радует их своей красотой и ароматом. Я очень благодарен людям, что они так хорошо приняли моих дочерей. И я хочу, чтобы на Земле, на которой живут мои дочери, всегда был мир между разными народами. Хочу, чтобы люди жили в дружбе и согласии. Хочу, чтобы люди мирным трудом помогали моим дочерям расти-разрастаться по всей Земле! А я буду ещё ярче светить людям.

— Вот и сказке моей конец, дорогие мои внученьки,— улыбнулся дедушка Насан.— Всё ли вы поняли?

— Всё поняли! — в один голос отвечали девочки.

Им теперь казалось, что и сам дедушка Насан очень похож на Солнце-отца. Он такой же мудрый и добрый. И от его улыбки так же тепло и хорошо на душе, как от ласковых солнечных лучей.

— Дедушка! — вдруг воскликнули обе девочки.— А не скучает ли Солнце-отец по своим дочерям?

— Солнце-отец не только скучает по любимым дочерям,— улыбнулся старик,— но и мечтает о том, чтобы его дочери когда-нибудь вернулись к нему или стали бы жить ближе к нему.

— Ой, дедушка! Разве может исполниться такая мечта Солнца-отца?

— Когда-нибудь обязательно исполнится.

— Как?! Когда?! Ты, видно, шутишь, дедушка?

— Нет, не шучу,— серьёзно отвечал старик своим внучкам.— Вы ведь знаете, что люди Земли уже летают на Луну. Побывают они и на других планетах, близких к Солнцу. Тогда и возьмут с собой люди зёрна Пшеницы и черенки Розы и посадят их там... Вот дочери Солнца и станут жить близко

от своего отца и своих многочисленных братьев и сестёр. Может, и вы, мои внученьки, полетите когда-нибудь на другие планеты. Только для этого нужно хорошо учиться и не гнушаться никакой работой...

Ринчен

ГРОЗОВАЯ НОЧЬ

Сам не оплошаешь, так
и случай тебе поможет

Пословица

В том году, когда в Советском Союзе все — от мала до велика — поднялись на священную войну с лютым врагом, лето в Монголии выдалось на редкость жаркое. Пастухи гнали по степным трактам отары овец и табуны лошадей в дар советским братьям. Везде вдоль дорог поставили зооветеринарные пункты, а в сомонных посёлках открыли торговлю специально для пастухов-перегонщиков, чтобы обеспечить их всем необходимым в пути. Старый опытный погонщик Данигáй, взяв себе в помощники внука Сухэ́, гнал на заготовительный пункт скот, отданный аратами Среднегобийского аймака. В то утро, о котором пойдёт речь, старик прикинул, что до места назначения осталось совсем немного. Час был ранний, знойный день только начинался. Лёгкий ветерок приносил пряные запахи степных трав и цветов. Маленький Сухэ покачивался в седле и следил за огромным стадом, невольно прислушиваясь к тому, как удары копыт о землю сливаются в сплошной мерный гул. В воздухе носились мотыльки, стрекозы, сновали быстрые ласточки.

— А знаешь, дедушка, ласточки похожи на советских истребителей, я их недавно в кино видел. Вот вырасту, пойду в советское лётное училище и непременно стану лётчиком.

— Ты бы хоть сейчас получше учился, и то ладно,— улыбнулся старик.— А уж если в лётчики метишь, так я тебе скажу: большие для этого нужны знания и много упорства.

Пастух спешился, поправил поклажу на коне и, ведя свою лошадь в поводу, поднялся на невысокий холм. Сухэ после-

довал за дедом. Они сели рядом, и Данигай принялся раскуривать трубку. Несколько раз он глубоко затянулся, выпустил дым через нос и пожаловался, что со вчерашнего дня табак в трубке почему-то плохо горит.

— Да и ласточки вон как стригут воздух; видно, быть дождю. Может быть, к ночи и соберётся,— добавил он.

Но Сухэ думал совсем о другом.

— Послушай, дедушка, прошлой осенью к нам в школу пришёл новый учитель русского языка — в Советском Союзе учился и столько интересного знает из греческой и римской истории. Он рассказал нам легенду о Прометее. Был такой герой в древности. Он похитил огонь с неба, и за это его приковали железными цепями к скале. Каждый день прилетал орёл и клевал ему печень. Эту легенду ещё древние греки сочинили, а помнят её до сих пор.

— Что же ещё говорил вам новый ваш учитель?

— Велел порасспросить старых людей, нет ли у нас, монголов, преданий об огне.

— Есть. А то как же. Только героиня там — ласточка.

— Расскажи, дедушка,— попросил Сухэ,— а я перескажу учителю, то-то он обрадуется!

— Ну, коли так, слушай. В очень давние времена не было в среднем мире, то есть на земле, огня. Зато в верхнем мире, на небе, по ночам зажигались тысячи огоньков. И стали жители нашего мира думать, кого бы послать на небо, чтобы достал огонь. Человека не пошлёшь — у него нет крыльев. Можно беркута, но он чересчур велик — заметят и убьют. А что обитатели верхнего мира не отдадут огонь добровольно, в этом все были уверены. Судили да рядили и решили наконец послать ласточку. Она и шустрая, и маленькая, и ничего не боится. Ласточка не противилась и тут же отправилась в путь. Прилетела она в верхний мир и в первом же аиле приметила: разложен в юрте огонь, на огне ужин варится. Ласточка залетела через тоно[1] в юрту, схватила клювом горящий уголёк, хотела полететь назад, да не тут-то было! Старуха, которая готовила еду, взяла щипцы и с криком: «Ах

---

[1] Тóно — отверстие в верхней части юрты для выхода дыма.

ты тварь, я тебе покажу, как огонь воровать!» — бросилась к ласточке. Но успела срезать ласточке только кончик хвоста. Ласточка же благополучно спустилась на землю и принесла огонь людям. Вот почему у ласточек такие короткие хвосты... Но это ещё не конец, внучек. Жители нижнего мира, что под нами, увидели: люди на земле греются у огня. Решили они захватить огонь и послали за ним к нам, в средний мир, ночную бабочку, но та принесла только едва тлеющие голубые угольки. С тех пор огонь у них холодный, голубоватый...

Данигай помолчал, выбил трубку, сунул её за голенище и поднялся.

— Однако заболтались мы с тобой, Сухэ. Пора и в путь.

В полдень они остановились на берегу прохладной реки, напоили скот и стали ждать, когда спадёт зной. Затем снова тронулись в путь. Данигай то и дело тревожно поглядывал на небо и наконец сказал:

— Я так понимаю, что всякое дело с душой надо делать. Возьми, к примеру, твоего отца. О том, как он работает на комбинате, даже в газетах пишут, норму он всегда перевыполняет. Да каждый монгол сейчас помогает русским братьям чем только может. И мы с тобой помогаем. И должны перегнать весь скот без урона, сдать его первым сортом. А видать по всему, ночью гроза будет. Выходит, надо позаботиться о хорошей стоянке.

На стоянку стали рано. Место для неё старик выбрал подходящее — неглубокую сухую падь, где можно укрыть скот в ненастье.

Вот и солнце село за горизонт, но воздух оставался попрежнему неподвижным и горячим, как в полдень. Небо потемнело и, казалось, нависло над землёй. Испуганно блеяли овцы, жались к палатке. Дед и внук по очереди ходили успокаивать их. Среди ночи поднялся ветер, издалека докатились глухие раскаты грома.

— Примечай, внучек: перед грозой всегда ветер поднимается,— сказал Данигай, вытаскивая из вещевого мешка плащи.

И верно: вскоре по крыше палатки забарабанили первые крупные капли дождя, а гром ухнул чуть не над головой. Сухэ оробел, но, видя, как спокоен дед, тоже храбрился, даже

высунул голову из палатки. Вот вспыхнула молния, на миг озарив сбившихся в кучу овец; испуганные громом, они бросились врассыпную. Данигай вышел из юрты и стал сзывать овец. Тогда и Сухэ выбрался из палатки, чтобы помочь деду. На несколько мгновений воцарились мрак и тишина. И вдруг ослепительная молния, словно кинжалом, прорезала небо. Стало так светло, что далёкие горы на горизонте стали видны отчётливее, чем днём. Раздался оглушительный треск, и на землю посыпались крупные градины, которые больно били Сухэ по лицу и рукам.

— Дедушка! Град! — не слыша собственного голоса из-за сплошного грохота, отчаянно закричал мальчик, словно Данигай мог этого не заметить.

От града земля сразу посветлела, а небо всё посыпало и посыпало её градинами вперемешку с каплями дождя. Тонкий плащ Сухэ пропитался водой и стал тяжёлым, в сапогах хлюпало. Мальчику трудно было двигаться, но, не желая отставать от деда, он бегал, покрикивая на овец, и вдруг заметил, что деда нигде нет. Скользя по мокрой земле, Сухэ бросился его искать. Внезапно он крепко зажмурился от невыносимо яркого света и невольно подскочил — так бабахнуло совсем рядом! Открыв глаза, он увидел деда, энергично размахивавшего кнутом.

— Держись, внучек! — крикнул Данигай.— Заходи отаре с тыла!

Спустя некоторое время град перестал, дождь тоже уже не лил так сильно. А покуда дед и внук сгоняли отару, гроза совсем стихла. Она принесла с собой прохладу, и теперь дышалось легко и привольно. Данигай ещё перед грозой прорыл возле палатки канавку, и теперь туда стекала вода. Припасённый с вечера и сложенный под брезентом хворост был сухим и весело потрескивал на огне. Какое живительное тепло шло от костра! Переодевшись в сухое, мальчик сидел подле деда и прихлёбывал горячий чай, казавшийся удивительно вкусным. Время от времени к костру подходили овцы, и глаза их при свете огня таинственно мерцали, словно драгоценные камни.

— Дедушка,— подал голос Сухэ,— отчего это, когда я

бежал к тебе, град с земли начисто смело, а в воздух будто грибная шляпка поднялась — белая-пребелая! Я зажмурился, а когда открыл глаза, гриб исчез. Знаешь, как я струхнул!

— И я тоже, внучек. Прямо возле тебя молния ударила в землю. Как увидел я это, внутри у меня так и оборвалось... Потом гляжу — ты жив и невредим стоишь. Это не простая молния, а шаровая. Я такую на своём веку только два раза видел. Опасная штука! Ты теперь посиди в палатке, а я возьму коня да объеду окрестности — может, какая овца отбилась, так пригоню. Скоро светать будет.

— И я с тобой,— сказал Сухэ, поднимаясь с места.

Старик вынес из палатки седло.

— Что ж, раз не спится, пойдём. Только вот костёр без присмотра оставлять нельзя, погаси его. Я объеду окрестности с востока, а ты — с запада.

Но Сухэ, дожидаясь, когда погаснет огонь, так и уснул у костра. И приснилось ему, будто беседуют они с отцом — он рассказывает отцу, с какими хорошими отметками перешёл в следующий класс, а отец обнимает его и целует. Сухэ приоткрыл глаза, но оказалось, что это дед поцеловал его в лоб. Затем Сухэ почувствовал, что с него стаскивают одежду и гутулы[1], улыбнулся сквозь дрёму и снова уснул — молодые спят крепко.

Проснулся Сухэ оттого, что дед легонько его тряс за плечо.

— Вставай, внучек, завтракать. Солнышко уже взошло.

И в самом деле, Сухэ ощутил запах чая, приправленного молоком. Мальчик быстро поднялся и вышел. Солнце высоко стояло в ясном, безоблачном небе. Омытая дождём зелень, свежая, будто только что появившаяся, радовала глаз. Овцы, тоже вымытые ночным ливнем, сверкали белоснежной шерстью.

— Ну, внучек, умывайся и есть садись. Палатку высушим на солнце — и в дорогу. Овцы наши в полной сохранности. К вечеру будем на базе, и считай, что обязательство своё мы выполнили. А по пути домой заедем в Улан-Батор, с отцом твоим повидаемся. Вот обрадуется он, что сын его с хорошими отметками перешёл в следующий класс, да ещё вдобавок благополучно пригнал отару — подарок советским людям!

Д. Содномдорж

БЫСТРЫЕ НАЕЗДНИКИ

Два мальчика, два приятеля, без памяти любили состязаться на конных скачках. Бате́ было шесть, а Луте́ — годом больше, но по росту они казались одногодками.

Однажды ребята долго и без устали гоняли верхом.

— А ну поскакали ещё разок! — говорил Лута.

— Ладно,— соглашался Бата: он вообще был мальчик покладистый, и соревнования продолжались.

---

[1] Гуту́лы — монгольская национальная обувь, сапоги.

Луте всё время не везло — его конь то и дело приходил к финишу последним. «Почему?» — удивлялся малыш, но догадаться не мог. Долго думал он, как бы обогнать приятеля, и наконец, как показалось ему, додумался.

— Поскакали, что ли, Бата?

— Ладно,— ответил приятель, однако удивился, когда Лута предложил ему скакать вниз с крутого склона горы.

А Лута думал: «Ехать вниз всегда легче, вот тут-то я и обгоню Бату!»

Поднялись приятели в гору и поскакали вниз. Но и на этот раз Бата был первым.

— Передохнём маленько и поскачем в гору! — едва отдышавшись, заявил Лута.

— Ладно,— пробасил Бата, как обычно.

Встали ребята бок о бок. «Раз, два, три — пошёл!» И снова Луту постигла неудача. «Наверно, у меня плохой конь»,— решил он. Кабы ему лошадку Баты, тогда посмотрели бы ещё, кто кого.

— Послушай, Бата, давай конями поменяемся!

— Давай!

И чудо совершилось: впервые Лута опередил приятеля! А тут ещё Бата вдруг разобиделся и стал отставать нарочно. Счастливый вернулся домой в тот день Лута. Вечером он заявил отцу:

— Теперь я знаю, почему я всегда проигрывал Бате на скачках.

— Почему, сынок?

— Конь у него больно резвый! Купи мне его у Баты, папа.

— Наверное, нам его не продадут, — покачал головой отец. — Но ты не печалься — думается мне, что дело тут не в лошади, а в наезднике. И вот что я тебе, сынок, посоветую: старайся больше бегом ходить. Надо тебе куда-то сходить, ты бегом да бегом. Поверь мне, очень быстро скорости у тебя заметно прибавится.

С тех пор, куда бы ни направлялся Лута, он вечно мчался бегом. Прав оказался отец: научился Лута бегать очень быстро и вообще заметно окреп. И на скачках стал часто побеждать — ведь лошадками у малышей были простые ивовые прутья.

ДАРИМА И КАЛЕНДАРЬ

Много интересных историй можно рассказать про девочку Дари́му. Она всегда торопится. Утром едва откроет глаза, а уже спрашивает у мамы о чём-нибудь. Надевает платьице, а свободной рукой тянется за сандалиями. Набьёт полный рот любимыми молочными пенками и тут же пытается говорить.

Однажды утром она спросила у мамы:

— Мама, сколько мне лет?

— Пять, — ответила мама.

Дарима призадумалась.

— Мама, а сегодня сколько мне лет? — спрашивает она на другой день.

— Я же говорила тебе вчера: тебе пять лет, — ответила мама, а сама удивилась: почему же дочь не может запомнить такое простое число — пять?

Наступил праздник — Первое мая. Дарима вместе с папой и мамой ходила на демонстрацию. День получился весёлый, интересный и длинный.

Вечером Дарима подумала: «Ух, как много времени прошло! Мне, наверное, уже семь лет».

— Мама, помнишь, ты давно-о-о говорила, что мне пять лет. А теперь мне семь лет, да? — сказала Дарима.

— Ну что ты, доченька! — рассмеялась мама и объяснила: — Тебе весь этот год будет пять лет. И завтра будет пять, и послезавтра.

— Всегда, что ли? — обиделась девочка.

— Нет, не всегда. Потерпи до будущего года, и тогда сама увидишь,— ответила мама.

— А когда придёт будущий год? — не унимается Дарима.

— Ещё не скоро,— сказала мама.— А узнать это очень просто.— Мама подошла к стене и сняла календарь.— Ты знаешь, это календарь. Видишь, какой он пузатый. Каждое утро отрывают от него один листок. Это значит, прошёл один день. А когда ни одного листка не останется, значит, кончился старый год. И после этого тебе исполнится шесть лет,— объяснила мама.

— Поняла, мама! — обрадовалась Дарима.— Купи мне, пожалуйста, календарь. Я повешу его над своей кроватью. Я сама буду отрывать по листочку.

На другой день мама принесла новый календарь. С тех пор по утрам Дарима осторожно отрывает один листок. Девочка счастлива — теперь она сама увидит, когда ей исполнится шесть лет!

Но календарь никак не хотел худеть. Дарима стала бояться, что с таким медленным календарём она никогда не повзрослеет и не подрастёт. Зачем только такие толстые календари делают! Прямо как папины книги. Вот у неё совсем другие, тоненькие книжки. Значит, для детей нужны особые календари: с хорошими рисунками и чтобы листков было мало. Вот такие горестные мысли приходили в голову Дариме. Вдруг она засияла: ура, придумала! Теперь-то её перестанут называть малышкой.

Дарима едва дождалась, когда мама выйдет из комнаты. Как только закрылась дверь за мамой, девочка сорвала

со стены свой календарь и уселась с ним на полу. Один за другим она стала быстро обрывать листы и подкидывать их кверху. Листки падали на пол, как белый снег, и тогда Дарима вдруг почувствовала себя шестилетней.

— Наконец-то! — обрадовалась она.— Как хорошо быть большой!

Потом Дарима заметила на стене второй календарь. Дарима прямо подпрыгнула на месте! Вот это мысль! Можно же ещё один год подогнать. И, счастливая от своей собственной догадливости, Дарима принялась за «работу». Оборвав все листки у второго календаря, она побежала к маме.

— Мама, мама! Купи мне завтра тетрадки, карандаши и сумку! — выпалила одним духом Дарима.

— Подожди, доченька, зачем?

— Завтра пойду в школу.

— Тебе же ещё рано.

— Ты вот не знаешь, мама, а мне уже семь лет! Смотри,— и Дарима протянула маме корешки от двух календарей.

Вот такая история приключилась с Даримой, которая вечно спешила.

СРАЖЕНИЕ

В нашем дворе живут шесть мальчиков, шесть неразлучных дружков. Они всегда вместе. У них даже папы и мамы работают на одной фабрике. Они такие дружные, что родители покупают им одинаковые игрушки.

Недавно друзья получили от своих пап и мам новые подарки. Подарки лежали в небольших картонных коробочках. Каждый из мальчиков развернул дома коробку и каждый закричал: «Ура!» Ни Аюшу́, ни Баи́ру, ни Дуга́ру, ни Лосо́лу, ни Очи́ру, ни Цыре́ну не приходилось видеть такого чуда! Перед каждым из мальчиков лежал в коробке игрушечный водяной пистолет. Ребята не сразу даже сообразили, что это за диковина. А как догадались, мигом выскочили во двор. Каждому не терпелось испробовать новую игрушку.

— Давайте сыграем в битву,— сказал Баир, пуская из пистолета тоненькую светлую струю воды.

— Давайте! — поддержали его друзья.

— Чур, наша крепость — поленница! — крикнул Аюш.

— Правильно! — закричали друзья и побежали за поленницу.

— А с кем мы будем воевать? — вдруг задумался Лосол.

— А правда, с кем? — удивляется Цырен.

— Давайте между собой,— говорит Очир.

— Трое туда, а трое сюда,— поддержал его Цырен.

Мальчики разделились на две команды. При этом они немного поспорили. Им бы хотелось быть вместе в одной команде, но игра есть игра. Трое — Лосол, Дугар и Очир — защищали крепость, а трое — Цырен, Аюш, Баир — брали её приступом. Ребята увлеклись игрой. Скоро вся поленница влажно блестела на солнце. Солнце садилось, и красные сосновые дрова сверкали, как настоящие крепостные стены. Если крепость снизу доверху была облита водой, что ж тогда говорить о ребятах? Одежда на них так промокла, как будто бы их исхлестал сильный-пресильный ливень. Мамы и папы прямо ахнули, когда увидели своих детей. Папы и мамы отругали друзей и пообещали, если это повторится, отобрать пистолеты. Взрослые сказали, что мальчики не умеют пользоваться игрушкой.

На другой день в школе друзья только и мечтали поскорее попасть домой и вдоволь наиграться новыми пистолетами. Дома они не стали даже пить свой любимый зелёный чай с молоком и быстренько собрались во дворе. Но сегодня они почему-то медлили начать новое сражение за крепость. Они понуро глядели друг на друга. Сегодня уже нельзя было, как вчера, глупо обливать друг друга с головы до ног. Каждый вдруг понял это. Новая игрушка уже не нравилась ребятам. С чириканьем подлетел серый воробей и сел на поленницу.

— Давайте не будем обливаться. Мы же не грязнули, как этот воробей,— сказал Баир.

— Неправда, воробьи — не грязнули,— возразил Лосол.

— Да, они в песке купаются,— поддержал его Очир.

— А почему некоторые ребята не умываются? — спросил Дугар.

— Потому что лентяи,— догадался Цырен.

— Ура! Я знаю! Будем бороться против грязнуль! У нас же есть оружие! — громко закричал Аюш.

— Давайте! — обрадовались друзья.

Они зарядили пистолеты свежей чистой водой и пошли искать грязнуль. За углом им сразу же попался мальчик с чумазым лицом.

— Ты почему не умываешься? — строго спросили у него друзья.

— Тоже мне, чистюли! Как хочу, так и хожу! — огрызнулся тот.

Тогда друзья грянули залпом из своих пистолетов.

— Ой, не надо! — запищал мальчик. Лицо его уже нельзя было назвать чумазым. Оно сначала стало светлым, а потом пунцовым от стыда. Ещё бы, обмыли, как поросёнка, прямо на улице.

Друзья воодушевились первой победой. Они решили разойтись поодиночке, потому что грязнуль на свете, видно, довольно много.

Аюш наткнулся на двух взрослых мальчиков. Они шли и швыряли друг в друга пригоршни песка. Глупое занятие, но они, видно, были другого мнения, потому что хохотали во всю глотку. Аюш смело выступил вперёд и обдал их струёй. Они с воплями закрылись руками и хотели погнаться за Аюшем. Но он убежал, на прощание ещё раз стрельнув в них водой. Он спрятался и стал смотреть за ними. Подростки поплелись к колонке. Правильно делают, пусть теперь хорошенько умоются. А то Аюш ещё раз проучил бы их.

Цырен не любил избалованных девочек. Вечно они хнычут, ноют, не тронь их. А ему как раз встретилась такая. Уже большая девочка, она сидела у отца на руках, ела шоколад, размазывая его вокруг рта, по всему лицу. Руки она вытирала о белую рубашку отца. Цырен сжимал в руках свой водяной пистолет. Хоть бы одну струйку пустить! А если её отец обидится и схватит его? «А девочка, наверное, вредная и не слушается папу»,— думал Цырен, но всё-таки долго не мог набраться духа. Потом он вдруг решился и меткой струйкой попал в замарашку. Девочка завопила. Лицо у неё было в коричневых подтёках.

— Не плачь, ты же стала чистенькой да красивенькой,— успокаивал её отец. Он достал платок и добела вытер ей лицо.

В тот день всем друзьям, а не только Аюшу и Цырену, пришлось воевать с грязнулями. Вечером они собрались у поленницы и рассказали друг другу о своих боевых приключениях. Из донесений выходило, что друзья выиграли сегодняшнее сражение с грязнулями.

— Ура! Мы победили! Ура! — прокричали друзья и потом разошлись по домам.

Да, эти дружные ребята выиграли сегодняшний бой. Наверное, кое-кому из мальчиков и девочек не нравится вода и мыло. Им бы стоило хорошенько подумать. А вдруг они встретятся с шестью приятелями из нашего двора? Уж очень метко стреляют они из своих водяных пистолетов.

НЕ ПЛАЧЬ

Гоби — это не только пустыня. Байр и его сестрёнка Долго́р живут в Гоби, но не в самой пустыне, а там, где сходятся пески и степь. В их краю есть и горы. Долгор — ей четыре года — вечно пристаёт с этими горами. На севере они настоящие, синеют далеко на горизонте, а на юге какие-то странные. Иногда синие, а иногда жёлтые. Однажды Долгор спросила у Баира, что это такое творится с горами.

— Это обман зрения,— ответил ей брат.

— Обман?

— Да, это не горы, а барханы.

— Барханы? Песок? — переспрашивает Долгор, но сама думает: «Странно... Когда горы жёлтые, ясно: это песок. А когда синие?» Но Баиру нельзя не верить, он всё знает, он уже в этом году будет учиться в школе. Придётся согласиться, что это не горы. А после, когда разрешат папа с мамой, сама съездит к синим пескам, решила девочка.

— Знаешь, почему синие? От солнца. И от неба,— говорит Баир.

Он любит объяснять. Конечно, когда свободен. Обычно

он очень занят: то маме помогает пасти овец, то за папу смотрит за верблюдами. Иногда его берут в поездку, или в центр бригады, или в посёлок. А её, Долгор, оставляют дома. Нужно же кому-то смотреть за юртами, за овцами, верблюдами, лошадьми, и потому в доме всегда остаётся кто-нибудь из взрослых. И обязательно Долгор. Вот завтра Баир с папой едет в посёлок. Значит, снова на два дня: день — туда, другой — на обратный путь. Брату нужны книжки, тетради, одежда для школы. Всегда у него предлог найдётся. А она, Долгор, опять останется вместе с бабушкой и мамой в их маленьком аиле из двух юрт.

Брат приехал не на второй, а на третий день. Они с отцом развьючивали верблюдов, и Долгор заметила, что груз у них на этот раз большой. «Неужели так много вещей нужно для школы? — удивилась она. А потом подумала: — Ну и пусть. Пусть всё для него, а мне ничего не надо». И ушла в юрту.

— Долгор! Иди сюда! — вдруг позвал её Баир.— Покажу что-то.

Долгор хотела сделать вид, что не расслышала, а потом всё-таки вышла. Брат стоял с какими-то прутиками в руках.

— Это саженцы,— объяснил он.

До чего же он любит объяснять! Долгор промолчала, хотя ей не терпелось узнать, для чего эти прутики.

— Мы с тобой посадим их, и вырастут деревья,— сказал Баир.

— Деревья?! — поразилась Долгор.— Как возле гор? Зелёные?

Она не была в горах, но слышала, что там растут деревья. Настоящие деревья, не сухие жерди, вроде тех, которыми обнесён хашан. Эти настоящие зелёные деревья Долгор никогда не видела, потому что все четыре года своей жизни провела в Гоби, на границе степи и песков.

Баир и Долгор взяли лопату, выкопали возле хашана пять лунок и посадили пять саженцев. Потом полили их. И на следующий день полили. У хашана сделали другой, маленький хашан — защитили саженцы от верблюдов. А то ведь верблюды не смотрят себе под ноги, вечно у них морда задрана к небу.

Вскоре прутики выпустили бледные зелёные листочки. Долгор не заметила, когда это случилось, но зато потом не спускала глаз со своих питомцев. За лето саженцы вытянулись. Они совсем не боялись жары, потому что Баир и Долгор щедро поливали их водой из колодца.

Баир объяснил, почему в Гоби не растут деревья. Не хватает воды, но зато много солнца. В это лето Долгор впервые заметила, что солнце у них слишком большое и горячее. Папа носил от солнца шляпу, Баир — кепку, а мама, бабушка и сама Долгор защищают голову косынкой. Значит, деревьям тоже нужна защита. И Долгор придумала: их надо закрыть майха́нами — войлочными палатками. Она попросила майханы у папы. Папа ответил, что деревья обойдутся без такой защиты. Тогда Долгор рассердилась и сказала, что пусть папа не жадничает. Папа рассмеялся и сказал, что с деревьями ничего не случится.

Осенью Баир уехал в бригадный центр. Он поселился в интернате и начал ходить в школу. Долго не приезжал домой. Однажды ночью Долгор проснулась от заливистого лая собак. Горела лампа. В углу сидела мама и шила, а папа читал. Папа вышел во двор, начал с кем-то говорить. Потом в юрту зашли двое незнакомых людей и папа с Баиром. Долгор быстренько оделась и соскочила с постели. Ура! Приехал! Хорошо, что он приехал вечером. Он ещё не знает, какими красивыми стали деревья. Разноцветными: некоторые листья зелёные, а некоторые стали жёлтыми. А на некоторых листочках даже краснота появилась. Завтра Баир прямо лопнет от зависти, что сам не видел, как деревья становились разноцветными.

— Здравствуй! Почему ты так долго не приезжал?

Баир мрачно буркнул:

— Занятия,— и опустил голову.

К нему подошла мать.

— У вас разве уже каникулы? — спросила она и поцеловала его в лоб.

— Какие там каникулы! — сердито проворчал отец.— Делать ему нечего... Чуть волкам в пасть не угодил!

— Волкам?! — вздрогнула мать.

— Видишь, люди его спасли.— Отец одной рукой потянул к себе Баира, а другой шлёпнул его по спине.

— Волкам? — снова спросила мама и потянула к себе Баира.

«Вот непонятливая,— думает Долгор,— волков-то в степи много». А мама, как маленького, прижимает к себе Баира.

Гости рассказали, как было. Они верхом направлялись в бригадный центр. На полдороге увидели мальчика на верблюде, окружённого волками.

— Ах! Стаей? — перебила мама.

— Их всего два было,— сказал Баир.

Долгор подумала про него, что он молодец, а она бы соврала — сказала бы, что их было сто волков.

— Ничего, и два волка справятся с верблюдом,— сказали тогда гости.— У него длинная шея, волки всегда хватают верблюда за шею.

Долгор заплакала: ей стало жалко верблюдов, их длинные незащищённые шеи. «Правда,— подумала она в ту секунду,— они же суются, куда им не следует: дотягиваются через хашан и жуют верхушки деревьев».

— Вот видишь, напугал сестрёнку. Да ещё чужого верблюда без спросу взял,— сказал папа.

Потом Баира ругала мама; из другой юрты прибежала бабушка и тоже кричала на него.

— А ты испугался? — спросила его Долгор, когда взрослые устали бранить его.

— Да, пока не услышал песню,— сознался Баир. Оказывается, волки долго бежали за ним, потом один из них забежал вперёд и лёг на дорогу, чтобы с прыжка вцепиться верблюду в горло. Вот тогда-то Баир и услышал песню. Волки тоже услышали её. И сразу отбежали в сторону.

— Хорошо, что мы, монголы, любим песню,— заметил один из гостей — спасителей Баира. И потом кивнул в сторону другого: — Вот он — отличный певец.

— Нет, тут больше твоей заслуги. Ты громче поёшь,— ответил другой.

Все рассмеялись.

Долгор долго не могла заснуть в эту ночь. За стеной дул

сильный ветер; иногда он так расходился, что слегка покачивал юрту.

Утром Долгор проснулась раньше брата. Чтобы разбудить, она пощекотала его за пятку. Он с подушкой в руках погнался за ней. Она выбежала из юрты и побежала к маленькому хашану. Смеясь, Долгор пробежала несколько шагов и вдруг остановилась... За хашаном не было деревьев, там торчали какие-то прутья. Долгор заплакала. Сзади с подушкой налетел Баир, он уже замахнулся ею, но заметил что-то странное с сестрой. По инерции он всё-таки подтолкнул её.

— Смотри, деревья...— сказала сквозь слёзы Долгор.

— А что?

— Они сначала были такие красивые... разноцветные... жёлтые, зелёные листья,— всхлипывает девочка.

— Эге,— говорит Баир,— сейчас же осень. Осенью листья опадают. Не плачь, весной они снова вырастут.

— Не вырастут! — всхлипывала Долгор.

— Не плачь, вырастут, обязательно вырастут!

Г. Сэсмээ

НА БЕРЕГУ БЕСПОКОЙНОГО ОРХОНА

В знойный полдень мы пришли на берег Орхо́на. Дул сильный ветер, бурно пенились воды реки, с шумом плескались высокие волны. То тут, то там выскакивали за мошкарой рыбы, оставляя за собой круги на воде. Мы дошли до нового моста и решили выкупаться. Самый старший из нас, Мунх, предупредил:

— Только не заплывайте далеко — там глубоко, утонете!

— Вот ещё! — обиделся известный задира Олзи́й.— Не утонем! Выплывем как-нибудь!

Молчаливый Бор покосился на Олзия:

— Не болтай понапрасну. Видишь, какие волны? Утром купали лошадей, так даже их сбивало с ног.

Мы подошли к воде, разделись и бросились в прохладную воду. Прямо над нами качался толстый канат: когда-то людей

перевозили с одного берега на другой на пароме. Мунх посмотрел на канат и восхищённо прищёлкнул языком.

— Видите канат? Ну, этот, от парома. Говорят, в старые времена были парни, которые переправлялись через Орхон по канату. И как это у них получалось, ума не приложу!

— Подумаешь! — воскликнул Олзий.— Хотите попробую?

Не успели мы и глазом моргнуть, как Олзий кинулся к канату.

— Погоди! Ты что? Утонешь! — закричали мы, но было уже поздно.

— Смотрите! — крикнул Олзий и стал перебираться по канату на тот берег.

— Вернись, Олзий! — кричали мы, но он нас уже не слышал.

Мы выбрались на берег, схватились за канат и стали тянуть его на себя. Канат немного натянулся, мы подняли Олзия повыше, волны не могли уже достать его. Мы держали канат изо всех сил, но вдруг Мунх, который был впереди всех, плюхнулся в воду. За ним чуть было не упали и остальные. Бор помог Мунху выбраться, а канат снова повис над водой. Самый младший из нас, толстяк Барс, вдруг всхлипнул:

— Он же утонет... Понимаете, утонет! — Он махнул рукой и разревелся, вытирая рукавом слёзы.

У меня от волнения дрожали колени. Я сел на песок. «Что же делать?» — думал я. Вдруг Бор вскочил и бросился бежать. Мы поняли, что он побежал за подмогой в посёлок. И действительно, скоро к нам уже спешили люди. Впереди всех на взмыленном скакуне летел отец Олзия. У самой воды он резко осадил коня, спрыгнул на песок и бросился в воду. Четверо парней схватили отца Олзия.

— Куда вы? Так его не спасти!

— Не отпускай канат, сынок! — кричал отец Олзия срывающимся голосом. По лицу его текли слёзы.

И Олзий услышал отца. Он был уже на середине реки, но силы явно оставляли его.

— Спасите меня...— еле слышно донеслось до замершей от ужаса толпы.— Я не могу...— Он висел, вцепившись в канат, но двигаться уже не мог.

Наш водонос Дарь-гуай спустил на воду лодку и стал торопливо грести к Олзию. Люди затаив дыхание следили за тем, как лодка то исчезала, то появлялась в бурных волнах. Дарь-гуай почти добрался до Олзия, как вдруг его лодка перевернулась и он исчез под водой. Все ахнули. Но Дарь-гуай всплыл рядом с лодкой и, держась за днище, стал выплывать по течению.

Отец Олзия, задыхаясь, кричал:

— Не держите меня, пустите! Мой мальчик утонет, погибнет на моих глазах!..

Но люди крепко держали его: ведь он не умел плавать, чем он мог помочь сыну? А мы сбились в кучку и боялись взглянуть на людей — почему мы не остановили Олзия? «Если бы всё это видела его мать, она бы не выдержала,— подумал я.— Моя бы не выдержала, умерла бы, точно...»

И тут снова бросился куда-то бежать наш молчаливый Бор. Вот он добежал до моста, стремительно пробежал через мост и очутился на другом берегу.

— Куда это он? Зачем? — спрашивали друг друга женщины, а мужчины молча пожимали плечами.

И только когда Бор на том берегу реки подбежал к канату, мы начали понимать.

— Держись, Олзий, держись крепче! — кричали люди.— Сейчас канат упадёт в воду!

Мы видели, как Бор вытащил из-за кушака нож, как принялся обрубать канат. Канат был толстый и поддавался не сразу. Но Бору на помощь прибежали взрослые, и наконец канат рухнул в воду.

Люди изо всех сил тянули канат к себе, да и течение прибивало канат и Олзия к нашему берегу.

— Только бы он не выпустил канат из рук! Только бы не выпустил!.. — шептал я.

Я не знал тогда, что человек, упавший в воду, крепко держится за то, что у него в руках. Так и Олзий. Он не выпустил из рук каната, и скоро его уже вытащили на берег. Выбрался и Дарь-гуай, только течением его отнесло чуть дальше.

Л. Тудэв

ПЕРВЫЙ КОНЬ

— Вот твой конь,— сказал как-то отец, указывая на новорождённого жеребёнка.

— А не лучше ли отдать ему жеребёнка от пятнистой кобылы? — возразила мать.

— Нет. Ты посмотри на этого — едва успел появиться на свет, как сразу же попытался подняться на ноги,— ответил отец.

Я ликовал. Ещё бы! Обзавестись собственным конём было заветной мечтой каждого мальчишки в нашей округе. Замечательное слово «конь» входило в первый десяток слов, которые я научился говорить. Под топот конских копыт проходило моё детство.

— Монгол рождается на коне и умирает на коне,— частенько говаривал отец.

Самой первой лошадкой мне служил хорошо обтёсанный волнами нашей реки камень-голыш. Я нашёл его на берегу и долгое время изображал из себя всадника, зажав камень между пальцами. Позднее я вылепил конька из мыла, а когда пришла очередь пасти ягнят, лошадью мне служило кнутовище до тех пор, пока не додумался кататься верхом на ягнёнке. Высматривал самого сильного и забирался ему на спину. Ездил я и на овцах и на козах. Но что это была за езда, одно только название. Понукаешь, бывало, козла, понукаешь, а он ни с места.

Тут кстати будет вспомнить об одной выдумке моего младшего брата. Мать дала ему имя — Мунага́р-бор, что означает «Смуглый пестик». Странное имя, не правда ли? Оно пришло матери в голову, очевидно, потому, что нос у братишки был шишечкой и очень напоминал кончик пестика.

Сперва мальчика так и звали — Мунагар-бор, потом незаметно имя сократили, и оно превратилось в Мунагар. Это был смышлёный и ловкий парнишка.

Как-то раз он предложил мне:

— Знаешь, что, аха, покатаемся-ка на баране! Он вечно ходит по пятам за нашей рыжей овцой-лысухой. В полдень,

когда стадо пригонят домой, мы этого барана крепко привяжем. А когда овец опять угонят на пастбище, наш баран затоскует. Тут мы его отвяжем, заберёмся ему на спину, тогда увидишь, как он помчится вдогонку за своей рыжухой!

Предложение Мунагара мне очень понравилось. Мы так и сделали. Во время полуденной дойки хорошенько привязали барана и пошли в юрту, чтобы попросить у матери сухого творога. Заполучив несколько кусков этого лакомства, мы вернулись к барану. И что же? Разъярённое животное выделывало выкрутасы, чтобы освободиться от привязи. Ещё бы — ведь отару уже угнали на пастбище, и он остался один.

В мгновение ока мы взобрались ему на спину и выдернули колышек, державший верёвку. Как мы только не свалились! Мы судорожно вцепились в густую жёсткую шерсть. Бежал наш баран ничуть не хуже хорошего жеребца.

А на пастбище возле рыжей овцы уже стоял другой баран. Наш баран при виде его немедленно нагнул голову к земле, намереваясь затеять драку. Но и его соперник был не из пугливых. Удар его крутых крепких рогов пришёлся нам по ногам. С громким воплем мы повалились на землю.

Эту сцену увидел наш сосед Ванчи́к. Вечером он вдоволь посмеялся над нами в присутствии взрослых.

— Посмотрите на них, хороши наездники! Ха-ха-ха, если бы вы видели их верхом на баране!

— Это правда, что вы оседлали барана? — спросил дедушка Мана́.

— Правда!

— И это называется быть мужчиной! — укорил он нас.— Да мы в своё время начинали ездить верхом с трёх лет, да не на каком-нибудь паршивом баране, а на настоящем коне. Нет, теперешних детей родители слишком долго нянчат...

Вскоре после этого разговора отец и подарил мне жеребёнка. Это была кобылка. Я полюбил её сразу. Бегал к ней каждый день, заботился о ней и выбрал ей хорошее имя — Быстроногая. Счастье делает человека щедрым. Свою козу, долго служившую мне лошадкой, я подарил младшему брату. Хорошенькая была коза, с острыми копытцами, с ошейником на стройной шее.

Скоро жеребёнок превратился в маленькую лошадку.

— Не пора ли приучать её к седлу? — спросила мать.

А лошадка и так была совсем ручная и нисколько не дичилась. Люди удивлялись:

— Лошадь-то совсем домашняя!

Однажды мы с братом решили поехать верхом подальше от дома. Наша Быстроногая мчалась стрелой, копыта её даже искры из камней высекали. Разве была у кого-нибудь ещё на свете такая замечательная лошадь, как у нас? Конечно, нет!

Поехал бы я на кобылке,
Но что меня ждёт впереди? —

распевали мы во всё горло песню, услышанную от взрослых.

Стояла весна. Прошлой ночью выпал последний в том году снег и до утра не успел растаять. Все вокруг было белым-бело, так что резало глаза. А вот и горный перевал. У обо́на — небольшой кучки камней, насыпанных в честь духов здешней местности,— мы спешились и, подражая старым людям, добавили к обону несколько камешков. Пусть духи радуются. Пригрело солнце, и снег стал быстро таять, от земли шёл пар и пряный запах.

— Давай с тобой сделаем «растущий ком»,— предложил братишка.

Вы, конечно, знаете, в чём прелесть этой старой детской игры? Забираетесь в горы, из подтаявшего снега делаете снежок и пускаете его по косогору вниз. По пути снежок обрастает новым снегом, и в долину скатывается уже большой ком, нередко достигающий размеров юрты и способный преградить течение ручья или небольшой речушки.

Пока мы играли, прошло немало времени. А тут и голод дал себя знать. Пора было возвращаться. Лошадь наша мчалась как ветер, и домой мы поспели к обеду.

— Если идти пешком, то мы не вернулись бы и до вечера,— сказал братишка.— А так никто из взрослых и не заметил нашей отлучки.

— Верно! — согласился я.— Лошадь — значит скорость.

Так я узнал, что у всадника большие преимущества перед пешеходом.

НАСТОЯЩИЙ ДРУГ

— Я вырву эту страницу из дневника, и никто ничего не узнает,— сказал Мунх.

— Значит, ты — трус!

— Я трус?! Тогда ты мне больше не друг! Прощай! — Мунх повернулся к Бату спиной.

— И мне такой друг не нужен! — сказал Бат и зашагал своей дорогой.

Мунх вытащил из портфеля дневник в синей обложке. До сих пор дневник приносил только радости — и сам Мунх радовался, и его отец. Каждую субботу Эрдэнэ́-гуай с удовольствием расписывался под пятёрками сына.

Сегодня тоже суббота, но сегодня нечем обрадовать отца... Наоборот. Да ещё и день по-осеннему ненастный, и с Батом он поссорился... Мунх даже застонал, словно у него внезапно зуб разболелся.

«Что же делать?» Мунх сунул дневник под мышку и огляделся вокруг. Никого. Только автомашины проносились по мокрому шоссе и тут же исчезали в тумане.

«А может, зашвырнуть куда-нибудь этот проклятый дневник, и всё тут... Или уронить...» Эта мысль понравилась Мунху. И дневник, словно случайно, выскользнул из-под мышки и шлёпнулся на тротуар. Мунх бросился бежать.

— Мальчик! Мальчик! — кто-то вдруг окликнул его.

Мунх побежал ещё быстрее. Вот он завернул за угол и перевёл дух.

— Да постой же ты! — снова услышал он позади себя.

Мунх рванулся вперёд, но споткнулся и упал.

— Ты тетрадку потерял! На, возьми! — склонился над ним молоденький милиционер.

Милиционер смеялся — видно, радовался, что догнал мальчишку и вернул ему тетрадь. Эх, знал бы он...

— Спасибо,— пробормотал Мунх, поднимаясь на ноги.

Милиционер ушёл, а Мунх с неприязнью смотрел ему вслед. «И чего он ко мне привязался? Стоял бы себе на посту! И нечего бегать за каждым прохожим! Мало ли кто что уронит!»

Мунх плёлся по улице, и мрачные мысли одолевали его. Ну что он скажет дома, как оправдается перед отцом? Может, закинуть дневник на какую-нибудь крышу, да повыше? Кто туда полезет? Лишь бы сейчас никто не увидел...

Радостный лай прервал его мысли. Мунх поднял голову — прямо навстречу ему шла его сестра, а рядом бежал Хойлок. «Хойлок-циркач» — так прозвали мальчишки его любимого щенка. И неспроста! Хойлок выделывал такие трюки, что Мунху завидовали даже взрослые ребята. Один из них даже предложил Мунху за щенка новый велосипед. Мунх, конечно, отказался. Разве можно променять друга на велосипед? Ведь любая собака — друг человека, а Хойлок и подавно. Он умный, сообразительный щенок.

— Что это ты такой печальный? Или заболел? — заботливо спросила сестра.

Мунх отрицательно мотнул головой.

— Ну тогда хорошо... Ступай домой, отдохни. Пусть и Хойлок с тобой возвращается, а то увязался со мной.

Теперь они шли вдвоём — Мунх и его верный друг щенок Хойлок. Шли они не торопясь. Да и куда торопиться? Зачем?

Мунх выбрал самую дальнюю дорогу к дому — через парк. Вот и знакомая скамейка. Эх, сколько раз они сиживали здесь с Батом! Читали книжки, весело болтали... А сегодня они поссорились... Навеки...

Мунх вздохнул и снова вынул дневник из портфеля. Хойлок тут же обнюхал его.

— Посмотри, Хойлок, сколько у меня здесь пятёрок... Только вот сегодня...

Хойлок ткнулся мордой в раскрытый дневник и шумно вздохнул.

«Собака и то понимает», — сказал про себя Мунх и задумался.

Вдруг ох схватил дневник и торопливо сунул его под скамейку. Нагнулся, забросал его опавшими листьями. Отошёл немного в сторонку и внимательно посмотрел на скамейку. Нет, ничего не видно... Вот и прекрасно!

— Пошли, Хойлок!

Друзья вернулись домой.

Эрдэнэ-гуай — председатель промысловой артели — был доволен прошедшим днём, и настроение у него было хорошее. Он уже собрался уходить, как зазвонил телефон.

— Слушаю вас.— Эрдэнэ-гуай снял трубку.

— Э...э...э...— заблеяло на другом конце провода.

Эрдэнэ-гуай недовольно поморщился: «Кто это ещё озорничает?»

— Говорите яснее,— сказал Эрдэнэ-гуай.

— Э-это говорит... Бат,— послышался какой-то странный, словно придушенный голос.— Звеньевой четвёртого класса...

— Здравствуй, Бат,— приветливо сказал Эрдэнэ-гуай.— Что у тебя с голосом?

— Ни-че-го...

— Так что же случилось, Бат? Зачем ты звонишь?

— Я просто хотел... хотел сказать, что ваш сын Мунх — прекрасный пионер и примерный ученик, и в дневнике у него одни пятёрки. Только вот сегодня... он потерялся...

— Кто потерялся?!

— Дневник потерялся...

— Как же это случилось? Как же это он потерялся?

— Да... так вот... потерялся,— прохрипели в трубке, и тут же послышались короткие гудки.

«Что такое?» — недоуменно пожал плечами Эрдэнэ-гуай.

Мунх неподвижно сидел на стуле. Он даже кепки с головы не снял. И портфель держал на коленях.

Мальчик то и дело оглядывался на телефон, который стоял на высоком круглом столике в углу комнаты. Телефон молчал. Тихо было и за дверью.

Послышались шаги. Отворилась дверь, и в комнату вошёл Эрдэнэ-гуай. Увидев сына, он спросил у него:

— Говорят, ты дневник потерял? Уж не поэтому ли и сидишь с таким удручённым видом?

— Да... я...— Мунх старался улыбнуться, но сердце его колотилось, и тревога была во взгляде.

— Как же тебя угораздило потерять дневник? — продолжал спрашивать отец.— Жаль терять такой дневник... С одними пятёрками!

— Да... исчез куда-то... Ещё во время уроков... Пропал... И сам не знаю куда...

— Чудеса какие-то! — сказал отец и добавил: — Что же ты, так и будешь сидеть в кепке?

— Не-ет,— проговорил Мунх и сдёрнул кепку с головы.

В дверь постучали. Мунх вздрогнул: «Кого ещё принесло?» Сегодня Мунх ожидал одни неприятности. И не ошибся...

В комнату вошёл... Бат! У Мунха потемнело в глазах. Вот когда чудеса-то начинаются! Ведь они поссорились навеки, насовсем! Бат забыл, что ли, об этом?

— Здравствуйте, Эрдэнэ-гуай! — сказал Бат.

— Да ведь мы с тобой уже здоровались сегодня.

Бат удивлённо взглянул на отца Мунха.

— Да ты проходи, садись! Давайте вместе подумаем, как разыскать дневник.

— Ка-а-кой дневник... разыскать? — ещё больше удивился Бат.

— Да что с тобой? Тот самый дневник, о котором ты мне рассказал по телефону.

— Я?! По телефону?!

Мунх стремительно вскочил с места и уронил стул. Полетел на пол и портфель.

Бат рванулся поднимать стул. Мунх незаметно ткнул Бата в бок. Бат увидел зардевшееся лицо друга, его умоляющий взгляд. Вот теперь Бат, кажется, начал что-то понимать.

— Как, разве не ты мне звонил сегодня хриплым голосом? — на этот раз удивился Эрдэнэ-гуай.

— Да... я... звонил,— еле выдавил из себя Бат.

— Кто там? — вдруг спросил Эрдэнэ-гуай.

В дверь кто-то царапался. И тут послышалось радостное повизгивание.

Эрдэнэ-гуай впустил в комнату Хойлока. Щенок держал в зубах... дневник Мунха! Но в каком виде был этот образцовый дневник! Мокрый, помятый. К синей обложке прилипли жёлтые осенние листья...

Хойлок положил находку под ноги своему юному хозяину и с громким лаем закружил по комнате. Сразу было видно, что щенок очень доволен собой.

Эрдэнэ-гуай поднял с пола злополучный дневник. Отряхнул его. Раскрыл. Раскрыл именно на той самой страничке, на которой красовалась большая длинная единица! Настоящий кол! По арифметике!

Наступила тишина. Даже Хойлок замолчал и перестал носиться по комнате.

— Вот оно что-о! — проговорил наконец Эрдэнэ-гуай и по очереди посмотрел на ребят.

И Мунх и Бат потупились.

Хойлок, видимо, почуял что-то неладное. Подошёл к Мунху и ласково ткнулся мордочкой ему в ноги.

— Пошёл вон! — со злостью пнул щенка Мунх.

— Напрасно ты злишься на него,— сказал сыну Эрдэнэ-гуай.— Если бы не Хойлок, ты так и жил бы с камнем на сердце. И нет на свете камня тяжелее, чем ложь. Хойлок — молодец! Он твой настоящий друг!

Ц. Уламбаяр

ДЕД, КОТОРЫЙ НА ГОД МОЛОЖЕ ВНУЧКИ

Сомонный центр раскинулся в тихом, укромном месте на южном склоне горы. Издалека он едва просматривался. Шёл крупный снег. Но вблизи видно было, как вокруг центральных административных зданий полукругом стояли юрты, из тон шёл дым, пахло горящим аргалом, отчётливо слышалось радио, звенели провода на высоких столбах.

Одна юрта на северо-западной стороне посёлка светилась особенно ярко. В юрте жили дедушка Ганжуу́р и его внучка Гансу́х. И хотя у деда было своё хозяйство в худоне, зиму он последние несколько лет проводил в посёлке. Здесь его внучка училась в школе.

Был четверг, день пионерской работы, поэтому и Ганжуур и Гансух сели ужинать позднее, чем обычно. Поев, внучка собрала и чисто вымыла посуду, а затем разложила на столе учебники и принялась за уроки. Она занималась долго, но наконец подняла голову и посмотрела на деда. Тот попрежнему молча сидел у ярко пылавшего тагана и задумчиво глядел на огонь.

Гансух хотела было что-то сказать, но подумала, что не стоит отрывать дедушку от его дум, и снова принялась за книги. А Ганжуур-гуай между тем действительно думал о многом. Он перебирал в памяти всё, что произошло за три года. Три года назад он поселился с внучкой в центре сомона, а сегодня его пригласили участвовать в пионерском слёте.

Семьдесят лет минуло старику, но сегодняшний вечер казался ему самым светлым, самым радостным за всю его долгую жизнь.

Скот был в надёжных руках: его пасли сын и невестка, а он сам вот уже третью зиму проводит здесь, помогает внучке учиться, готовит ей пищу, варит чай. Внучка в четвёртом классе. Первый, второй и третий классы она закончила на «отлично». В прошлом году её приняли в пионеры. Дел у внучки сразу прибавилось, свободного времени почти

не оставалось. Но она всё-таки не только читала деду вслух рассказы и сказки, но даже заводила с ним разговоры на научные темы. Внучка знала, отчего дзуд[1] случается, какой вред приносит вера в злых духов, почему восходит солнце, почему светит луна, как достичь долголетия, и многое другое. Но, по правде говоря, он, Ганжуур, слабо верил во всю эту науку.

— Внученька моя, почитай дедушке сказки,— бывало, просит он Гансух.

— Хорошо, дедушка. Я вам обязательно почитаю сказки. Но и о других вещах нам тоже надо поговорить.

— Нет, о других не надо. Они мне ни к чему,— пытался возражать дедушка.

— Но вы должны разбираться во всём. Я вам должна всё разъяснить. Такое задание дал мне наш пионерский отряд.

— Ну что ж, раз это так нужно, пожалуйста,— уступал дед.— Но только мне трудно всё это понять. И не верится что-то...

И правда: когда Гансух переходила от сказок к своим объяснениям, Ганжуура неудержимо клонило ко сну и он с трудом сдерживал зевоту.

Гансух видела, что таким путём многого не добьёшься. Чего только она не делала, чтобы пробудить у деда интерес к образованию! Но всё без особого успеха. И тогда хитрая девчонка кое-что придумала. По её инициативе пионерский отряд провёл общее собрание, на которое пригласили и родителей, и дедушек, и бабушек. Гансух выступила на собрании и взяла обязательство пройти с дедушкой за год весь курс за первый и второй классы начальной школы. Её горячо поддержали, а деду, конечно, было неудобно перед людьми, и он согласился.

На следующий день после собрания Гансух приступила к занятиям. Она вела себя строго, во всём подражая учительнице. Дедушка вначале капризничал: то ли лень было заниматься, то ли стыдно — не поймёшь. Он всеми способами увиливал от уроков.

---

[1] Дзуд — гололёд.

— Внученька, не дело это,— говорил он.— Старому жеребцу поздно учиться ходить иноходью.

Гансух пропускала это мимо ушей.

— Ну хорошо, выучусь я грамоте — в мои-то годы! — а дальше что?

Опять Гансух молчала. Тогда он начинал причитать:

— Плохо мне! Кости болят. Работы уйма. Времени нет.

Но ничего не помогало! С удивительной настойчивостью и самообладанием Гансух отвергала все его доводы и заставляла заниматься. Они действительно прошли за год первый и второй классы, а в конце занятий Гансух устроила экзамены, совсем настоящие, как в школе. Дед сдал экзамены, прямо скажем, с грехом пополам, на троечки.

Но на следующий год, когда Гансух стала учить его по программе третьего класса, дело пошло лучше. Дедушка уже получал четвёрки и пятёрки. Он вошёл во вкус, и Гансух стало легче.

Да, внучка оказалась права. Поначалу всё трудно. Особенно в учении. Требуются выдержка и последовательность. Если чего-то не понимаешь, надо повторить, тогда до сути доберёшься.

А сегодня вечером был слёт пионерского отряда. Позвали старого Ганжуура, и он рассказал детям, как жили до революции. А затем староста объявил, что Ганжуур-гуай успешно осваивает программу третьего класса. Ребята радостно захлопали в ладоши и избрали его почётным пионером.

Сейчас, сидя у печки, Ганжуур вспоминал события минувшего дня. Вновь и вновь он вспоминал, как на него смотрят десятки живых глаз, как вожатый повязывает ему на шею галстук, как звучит дробь барабанов и пионеры звонкими голосами клянутся «быть всегда готовыми»...

Очнувшись, Ганжуур ласково разгладил галстук у себя на груди и неожиданно произнёс:

— Да, вот так, значит. Теперь и я стал пионером.

Внучка радостно посмотрела в его сторону.

— Конечно. И теперь вам нельзя учиться не на «отлично».

У старика сильно забилось сердце, он даже поперхнулся от волнения.

— Век живи, век учись. Раньше я считал, что много знаю. Ведь я успел побывать в Их-Хурэ[1], где жил богдо[2]. Но теперь мне ясно, как я заблуждался. Теперь я могу читать книги, журналы и узнавать новое...

Он немного помолчал и продолжал:

— Как велик и многообразен наш мир! Сколько больших народов на нашей планете, как все они стремятся к счастью и миру! Людские океаны!.. Сегодня передо мной открыт целый мир. Я словно прозрел...

Здесь настала очередь Гансух волноваться и радоваться. Она чувствовала, что, несмотря на седые волосы и согбенную

---

[1] Их-Хурэ́ — так до революции 1921 года назывался Улан-Батор, столица Монгольской Народной Республики.

[2] Богдо́, богдо-хан, богдо-гэгэн — глава монгольского государства и ламаистской церкви в дореволюционной Монголии.

спину, дед словно помолодел. А Ганжуур-гуай после непродолжительного молчания снова заговорил:

— Я буду учиться хорошо, а может быть, даже отлично. Ведь я, внученька, хочу догнать тебя. Теперь я моложе тебя на один учебный год. Когда ты поступишь в университет, я очень хочу быть не в девятом, а уже в десятом классе. Ну, внучка, за работу! Хватит болтать. Говорят, когда много болтаешь, отара уйдёт далеко, скот потеряешь. Начинайте урок, бакша!

И он потянулся к этажерке за учебниками, а затем сел за стол. А внучка заняла место учительницы.

ГЭРЭЛТ

Как-то раз шёл Гэрэ́лт по улице. Шёл он, шёл, да вдруг остановился как вкопанный — прямо на него двигался не кто иной, как лекарь Ба́дам, тот самый, что отравил великого полководца Сухэ-Ба́тора[1]. Гэрэлт оторопел, а лекарь шагает себе мимо. Походка у него неторопливая, костюм на нём европейского покроя. Ну и хитрюга же этот Бадам! Нет, не зря отец Гэрэлта частенько поговаривает, что, мол, враг умеет лисой прикидываться, а школьный учитель Бат напоминает о бдительности.

Не теряя времени, мальчик догнал прохожего и заглянул ему в лицо. Конечно, это лекарь Бадам, сомнений больше не оставалось. Гэрэлт решительно загородил Бадаму дорогу.

— Вот что, уважаемый,— сказал он ему строго,— пойдём-ка со мной в милицию, тут недалеко.

Прохожий удивлённо нахмурил брови.

— В чём дело, малыш?

— Идёмте, идёмте, милиция разберётся.

— Мне нечего делать в милиции, малыш, а если тебе туда надо, то ты и ступай,— невозмутимо ответил прохожий и хотел было следовать своей дорогой, но не тут-то было.

---

[1] Сухэ́-Ба́тор — вождь монгольского народа, возглавивший Монгольскую Народную революцию 1921 года. По одной из версий, был отравлен врагами в 1923 году.

— Я не дам вам уйти! — крикнул Гэрэлт и ухватил прохожего за рукав.

Тот, похоже, удивился. Во всяком случае, такое насилие пришлось ему явно не по вкусу, и он попытался освободиться. Гэрэлт увидел милиционера и громко позвал на помощь.

— Послушайте, товарищ милиционер, этот человек — преступник, злодей! Я его задержал и хочу доставить в отделение милиции, а он сопротивляется.— Гэрэлт растёр слёзы по лицу и вздохнул.

— О чём ты говоришь, мальчик? — удивился милиционер.

— Отведите его в милицию, там я всё объясню.

Гэрэлт настаивал. Пришлось милиционеру выполнить его просьбу. Он отвёл прохожего в милицию и сдал дежурному.

— Итак, какое нарушение вы допустили, товарищ? — спросил дежурный у задержанного.

«Какое невинное выражение изобразил на своём лице лекарь. Вот умеет притворяться, негодяй!» — возмущённо подумал Гэрэлт.

— Позвольте, но я не понимаю,— забормотал задержанный.— Иду я себе по улице, как вдруг подскакивает ко мне этот пострелёнок, хватает за рукав и тащит в милицию.

От такого наглого притворства у Гэрэлта даже в глазах потемнело. Он стиснул пальцы и погрозил Бадаму кулачком.

— Ты — вражина! Если ты не сознаешься, тогда я скажу! Этот человек — убийца! Он отравил нашего полководца, великого Сухэ-Батора, и намерен скрыться.

Без тени улыбки дежурный погладил мальчугана по голове и взял его за руку.

— Послушай, сынок, откуда тебе известно, что этот товарищ отравил Сухэ-Батора?

Словом «товарищ» назвал врага? Гэрэлт немного смутился. Дежурный повторил свой вопрос.

— Я его в кино видел! — заявил Гэрэлт с прежней пылкостью, но все, кто находился в комнате дежурного, засмеялись.

— Сколько же тебе лет, мальчик? — спросил дежурный.

— Восемь.

— А зовут как?

— Гэрэлт.

— Так вот, Гэрэлт, этот человек никакой не лекарь Бадам, отравивший товарища Сухэ-Батора, а известный киноактёр, сыгравший Бадама. Понял?

Гэрэлт грустно вздохнул — он был глубоко разочарован и смущён.

П. Хорлоо

ДЕДУШКА

Дедушка До́ндог запряг в телегу верблюда и отправился в Улан-Батор повидать сына. Точного адреса он не знал и потому остановился на подворье у своего знакомого по имени Доржи. Переночевал, а утром пошёл на автобусную остановку, чтобы ехать к сыну. Много лет старику не доводилось бывать в городе, и перемены сразу бросились ему в глаза.

По обеим сторонам дороги высились многоэтажные здания, сверкали чистотой широкие улицы, текла нарядная, говорливая толпа. Дедушка вспомнил, как однажды он приехал по делам своего господина в Да-хурэ. Проезжая на верблюде мимо дворца богдо-гэгэна, он видел, как люди целовали зелёные ворота и, невзирая на трескучий мороз, словно щепки, валялись на земле возле священной обители.

«Теперь всё по-другому. Теперь мы сами хозяева своей судьбы»,— думал Дондог. Он вспомнил, как приезжал в столицу делегатом съезда передовых скотоводов, и на сердце у него стало тепло.

Но вот из-за поворота показался новенький красный автобус. Люди подождали, пока он подойдёт к остановке, и спокойно, не толкаясь, вошли в машину. Дедушка поднялся последним. Все места были уже заняты, и он остановился в проходе. Автобус тронулся.

— Дедушка, садитесь, пожалуйста,— раздался мальчишеский голос, и паренёк лет десяти уступил старику своё место.

«Какой вежливый, какой хороший мальчик!» — подумал Дондог, усаживаясь на мягкое сиденье. Он оглядел мальчугана: широкобровый, с большими чёрными глазами, плотный, румянец во всю щёку. На шее красный галстук, в руках портфель.

«Наверное, школьник,— решил старик.— Но почему он едет так рано?»

— Ты ходишь в школу, сынок?

— Да, я учусь во Второй средней школе имени Сухэ-Батора.

— А в каком классе?

— В четвёртом.

— И куда же ты едешь? Домой?

— Ага, я ночевал у тёти, а теперь возвращаюсь домой. А вы, наверное, приехали из худона?

— Верно,— кивнул Дондог.— Я приехал повидать сына. Он живёт здесь, в городе... Когда начинаются занятия в школе?

— Уроки?

— Ну да.

— У нас уроки с утра до вечера. По сменам. Я, например, учусь в первую.

«Толковый паренёк! — восхищался Дондог ответами мальчика.— Мой сын в детстве тоже был таким смекалистым».

Автобус остановился. Народ стал выходить. Собрался выходить и мальчуган.

— До свидания, дедушка! Счастливого пути! — сказал он и пожал протянутую Дондогом руку.

— До свидания! До следующей встречи! — закивал старик.

Автобус снова тронулся в путь.

«А не пора ли и мне выходить? — думал Дондог, поглядывая в окно.— Кажется, я проехал свою остановку. Эх, голова, постеснялся спросить у этого паренька про сына, а надо бы. Парень небось помог бы мне. У него такое славное лицо, такие внимательные, серьёзные глаза, а я даже не спросил, как его зовут! Ну ладно, авось ещё встретимся, тогда и узнаю».

Он действительно проехал одну остановку. Пришлось дожидаться обратного рейса и возвращаться. Его сын Са́мбу, как выяснилось, жил совсем рядом с остановкой. Но дома никого не было. Соседи сказали, что отец и мать на работе, а их сын только что ушёл в школу и раньше двух не вернётся. И тогда дедушка Дондог решил снова отправиться к знакомым, а к сыну приехать вечером или завтра.

Назавтра был выходной день. С утра ярко сияло солнце, дул ветерок. Старший сын Самбу, Ганзóриг, встал пораньше, быстро позавтракал и принялся собираться на каток.

— Сынок, ты не задерживайся там долго, хорошо? — сказал ему отец.— А когда будешь возвращаться, зайди к Доржи-гуайю и спроси, не приехал ли кто из худона.

Ганзориг просиял:

— А что, должен кто-то приехать?

— Да, твой дедушка собирался.

— А ему много лет, моему дедушке?

— Порядком. Борода вся седая. Ты его давно не видел, потому и спрашиваешь. Ему скоро семьдесят.

— Вчера в автобусе я встретил одного старика из худона. Он тоже говорил, что приехал повидаться с сыном. Я ему уступил место.

— Молодец! — похвалил Самбу, поправляя на мальчике пальто.— Старшим всегда надо оказывать уважение.— И отец поцеловал сына в лоб.

Захватив коньки, Ганзориг вышел на улицу. Там его уже поджидал закадычный друг и ровесник Гóнчиг. Они побежали на каток, оставляя чёткие следы на белом снегу.

— Смотри, Ганзориг! — закричал вдруг Гончиг.— Идёт верблюд без хозяина! И с грузом! Давай поймаем его, покатаемся!

— Как же так — без хозяина, да ещё с грузом? — удивился Ганзориг.— Наверное, его хозяин приехал из худона и потерял своего верблюда. Надо помочь...

Ребята подбежали к верблюду. Это было красивое спокойное животное, с длинной шерстью и красным ошейником. По бокам его огромных горбов свешивались два перевязанных верёвкой вьюка.

— Как хочешь, а я прокачусь,— не удержался от соблазна Гончиг.— Подсади меня.

— И откуда ты такой прыткий выискался? — рассердился Ганзориг.— Разве ты не знаешь, что на стоящего верблюда не взбираются?

— А как же заставить его лечь? — растерялся Гончиг.

— И не стыдно? До сих пор не знает, как уложить

верблюда! Смотри. Надо взять повод и спокойно сказать: «Сог, сог». Он сам ляжет.

К удивлению Гончига, верблюд действительно лёг.

— Ну, теперь уж я прокачусь! — обрадовался Гончиг.

— Брось! На груженном верблюде ездить нельзя!

— Ребята, что же это получается! — раздался рядом взволнованный голос. — Я бегаю по всему городу, ищу верблюда, а вы тут забавляетесь?

Незнакомый мужчина подошёл к Ганзоригу, взял из его рук повод, поднял верблюда на ноги и повёл его за собой.

Ганзориг и Гончиг ошалело смотрели ему вслед.

— Вот грубиян! — оскорбился Гончиг.— Ну ладно, хорошо, что хоть он не стал браниться. Давай-ка уйдём отсюда.

Ганзориг задумался.

— Нет, он не хозяин верблюда. Смотри, он одет, как горожанин. Когда это худонцы надевали в дальнюю дорогу ботинки и кепку? Ведь они ходят в лисьих малахаях[1] с ушами да в войлочных гутулах! Пошли за ним, понаблюдаем...

— Да брось ты! Выдумал тоже! — взволновался Гончиг.— А вдруг он заметит, позовёт милиционера?

— Ну и пусть зовёт! Ничего мы такого не сделали, чтобы бояться. А мы скажем милиции, куда он отвёл верблюда.

— Лучше не надо. Давай уйдём! А вдруг это его верблюд?

— И что ты за трусишка такой! Пойдём скорее! Смотри, он обернулся, увидел нас и пошёл быстрее. Будем медлить, так стоять — упустим.

И, схватив Гончига за руку, Ганзориг потащил его за собой. Крадучись, они миновали несколько улиц, потом очутились в грязном переулке. Незнакомец завёл верблюда в один из дворов. Подбежав к белым воротам, ребята припали к щели и увидели в дальнем углу двора длинный деревянный амбар, а перед ним одну-единственную серую юрту...

Незнакомец уложил верблюда и принялся стаскивать с него вьюки.

Ганзориг внимательно посмотрел на маленький номерок на воротах.

---

[1] Малаха́й — меховая шапка.

— Оставайся здесь и не спускай глаз с этих ворот, понял? — шепнул он Гончигу.— Если тот человек выйдет, проследи, куда он направится. А я побегу за милиционером.

— Нет, я не останусь,— испугался Гончиг.— А вдруг он схватит меня?

— Да как он это сделает? Надень коньки и катайся по переулку. Только смотри в оба. Если он выгонит верблюда и поведёт его опять за собой, беги за ним. Главное — запомнить место, куда он придёт. А я пойду по следам твоих коньков на снегу. Если он вор и мы упустим его, нам будет стыдно перед всеми пионерами, понял?

— Не упустим! — расхрабрился Гончиг.

— Ну хорошо!

И Ганзориг стремглав побежал по улице. Вскоре он скрылся из виду.

Оставшись один, Гончиг поначалу немного побаивался, но потом освоился. «Пионер должен выполнить поручение звеньевого»,— сказал он себе, надел коньки и стал кататься по переулку. Через некоторое время в переулок зашёл чернявый молодой человек в дэле, подпоясанном широким поясом, в надвинутой на лоб лисьей шапке. Выглядел он молодцевато, даже щегольски. Он вошёл в тот самый двор, и, когда за чернявым закрылись ворота, Гончиг снова припал к щели. Вновь пришедший и незнакомец стали кидать вьюки в чулан. Только Гончиг успел отъехать за угол, как ворота раскрылись и чернявый вывел за собой верблюда. Он направился вниз по переулку. Гончиг как стрела помчался за ним и проскочил совсем рядом с ним. Верблюд испугался, шарахнулся в сторону и толкнул чернявого. Тот не удержался на скользкой от снега и льда мостовой и упал. Его лисья шапка откатилась далеко в сторону. А Гончиг успел увидеть на шее верблюда знакомый ошейник и, изо всех сил работая ногами и руками, промчался дальше и спрятался за угол забора. Вдогонку ему неслась брань:

— Ах ты паршивец! Попадись только мне в руки — я тебе покажу!

Чернявый и в самом деле попытался догнать паренька,

но верблюд явно не торопился: ему было тяжело бежать по льду.

Гончиг с трудом перевёл дыхание, огляделся, не видно ли Ганзорига, и снова заглянул в переулок.

Чернявый с верблюдом исчезли. «Что я скажу Ганзоригу?» — перепугался Гончиг. Он так растерялся, что не мог сдвинуться с места. Вдруг скрипнули ворота, и на улице показался знакомый парень. На этот раз на нём была потрёпанная каракулевая шапка и старый короткий дэл. В нём он походил на подростка. Повесив на ворота огромный замок, парень направился к узкой улочке, ведущей на южную окраину города.

Гончиг двинулся следом, чертя по снегу узоры. Так он проехал несколько улиц и оказался на далёкой окраине, где стояло в ряд несколько юрт. Чернявый зашёл в одну из них. Гончиг встал неподалёку. Небо затянули тяжёлые облака, дул резкий ветер, похолодало.

«Папа и мама сказали, чтобы я возвращался до двенадцати,— вспомнил он.— Придётся объяснить им, в чём дело. Ганзорига дождаться надо, иначе нельзя».

Он не спускал глаз с юрты, а Ганзорига всё не было. Вдруг дверь отворилась, из юрты выбежали двое ребят: один тощий верзила, другой поменьше. Рослому было на вид лет пятнадцать. Свою барашковую шапку он носил задом наперёд и выглядел большим задирой. Ребята подошли к Гончигу.

— Какие у тебя коньки! Продашь?

— Нет.

— Интересно, подойдут они мне? Ну-ка снимай! — распорядился рослый парень.

— Зачем снимать? Я их не продаю,— решительно заявил Гончиг.

— Да ладно, я их верну,— скривился рослый парень.— Посмотрю и отдам. А не даёшь — возьму силой.

— Ты, кажется, грабителем хочешь стать? — рассердился Гончиг.— Уж не бакша ли тебя научил отнимать у людей вещи?

— Да, бакша,— ответил задира, что-то прошептал на ухо своему товарищу и вдруг, толкнув Гончига плечом, потянул его за нос.

Парень высокий и сильный, но Гончиг не испугался. Он сумел дать сдачи! Тогда зазнайка изловчился и изо всех сил дёрнул Гончига за ногу. На одном коньке устоять на льду было трудно, и Гончиг растянулся на спине. Парень сел на него верхом, стиснул руку.

— Снимай коньки, да поживее! — приказал он маленькому.

Тот принялся отвинчивать коньки. Это было так обидно, так унизительно, что Гончиг не выдержал и заплакал. Но тут кто-то резким движением дёрнул наглого парня за шиворот и поставил на ноги. Гончиг облегчённо вздохнул и увидел, что его мучителя держит высокий милиционер. А за ним стоит Ганзориг и держит другого парня. Гончиг вскочил, отёр слёзы, подбежал к Ганзоригу.

— Тот человек вон в крайней справа юрте! — радостно сообщил он милиционеру.

Тот кивнул и улыбнулся:

— Надеюсь, тебе не слишком попало?

— Чепуха! — небрежно отмахнулся Гончиг.

— Ну смотри у меня! — пригрозил милиционер верзиле.— Ещё раз попадёшься, пеняй на себя!..

Он отправился к юрте и скоро вывел оттуда чернявого. А ребятам сказал:

— Ну, всё в порядке. Вы оказались правы: эти люди украли верблюда.— Он покосился на вора: — А его мы давно ищем! Наконец-то поймали!

Милиционер посадил ребят к себе в машину, и они двинулись в путь.

— Отец, вы, наверное, устали в дороге? — заботливо спросил Самбу Дондо́га.

— Ничего, сынок. Не особенно.

— Много в этом году снега в худоне?

— У нас-то немного, а вот у вас, я смотрю, полно.

— Ночевали у Доржи-гуайя?

— Да, у него.

— А верблюд с подводой у него во дворе остались?

— Подвода-то там. А вот верблюд с грузом куда-то пропал. Сегодня утром собрался к тебе, погрузил на него

кое-что, а потом зашёл в дом. Вышел, гляжу — его и след простыл.

— Наверно, ворота не были заперты?

— Наверно. Я, правда, поискал его немного, да не нашёл. Небось где-то бродит. Ну ничего, задержит кто-нибудь, сообщит в милицию. Всё будет в порядке!

— Нет, так не годится! — встревожился Самбу.— Прошло много времени. Надо самим заявить.— Самбу встал и надел пальто.

— А твой Ганзориг уже совсем большой! Я его видел грудным, сейчас, поди, не узнаю,— задумчиво сказал Дондог.

Вмешалась в разговор Жавма́, мать Ганзорига:

— Что-то он задержался сегодня, на него не похоже. Всегда приходит точно, как обещает.— В голосе её слышалась тревога.

Самбу надел шапку и совсем уже собрался идти, но тут заскрипела дверь и в дом вошли Ганзориг с милиционером.

Самбу и Жавма замерли от удивления, а дедушка Дондог спросил:

— Это Ганзориг?

— Конечно.

— Ну-ка, внучек, иди сюда, поцелуй дедушку!

Ганзориг тотчас узнал старика, который ехал вчера в автобусе, и смутился: как же он не признал родного деда? Но виду не подал, подбежал к дедушке и расцеловался с ним. Самбу и Жавма с некоторым беспокойством смотрели на милиционера.

— Садитесь, пожалуйста,— наконец предложили они.

Милиционер сел на стул.

— Поздно уже, вот я и решил проводить вашего сына домой,— сказал он.— Он помог нам задержать опасного преступника. Так что вы его, пожалуйста, не ругайте за опоздание.

Милиционер козырнул и вышел.

Самбу, Жавма, Дондог во все глаза смотрели на Ганзорига.

— Что произошло, сынок?

И Ганзориг рассказал им, как они с Гончигом передали милиции людей, которые пытались завладеть чужим верблюдом.

— Послушай, а у верблюда было тавро? — спросил Дондог.

— На нём был красный ошейник.

— Ну так, значит, это мой верблюд! — радостно вскрикнул дедушка и вдруг снова внимательно посмотрел на Ганзорига.— Сынок, кажется, мы с тобой вчера встретились в автобусе?

— Да. Только я не знал, что вы мой дедушка,— ответил Ганзориг.

Д. Цэвэгмид

БОЛОД И САМБУ

ВЯЗ НА ХОЛМЕ

Эта небольшая долина, должно быть, уже не один год служила летним стойбищем. Трава здесь была низкая, тусклая, потоптанная. С запада долину замыкал невысокий холм, на гребне которого рос одинокий вяз, раскачивавшийся во все стороны под ветром.

По дну долины извивалось пересохшее русло ручья; воды в нём не было и признаков, только куча жёлтого песка у его начала говорила о том, что тут вырыт колодец. Влево от песчаной кучи, по склону островерхого холма, поднималась узкая тропинка, которая вела к небольшому буддийскому монастырю. В центре монастырских строений стояли два храма, большой и маленький. Крыши храмов были украшены позолоченными фигурками, но от дождя и ветра позолота давно сошла и только кое-где ещё тускло поблёскивала. От храмов во все стороны расходились хаша́ны — дворы, окружённые глиняной или сложенной из камней стеной. Дворы были неправильной формы — где маленькие, где большие,— а ограды чаще всего полуразрушенные. Повыше монастыря, на холме, стоял облупленный, весь в трещинах субурган[1]; на острой его вершине развевался лоскут полинялой, выгоревшей на солнце материи. На улочках между дворами,

[1] Субурга́н — каменный, полый внутри обелиск, в котором хранятся священные предметы.

на площадке возле храмов — везде царила унылая тишина, ни один звук не нарушал её; казалось, всё вымерло. Только изредка где-нибудь по улочке проходил лама с непокрытой головой и развевающейся красной накидкой через плечо. К северо-востоку от монастыря грудами был свален мусор: кости, ветошь, отбросы, очёсы шерсти. Тут было собачье царство. Несколько огромных лохматых псов лежали на мусорных кучах и глодали кости, другие расхаживали вокруг, помахивая хвостами. Это были хозяева мусорных богатств. Собачья же мелкота — тощие, полуживые от голода, облезлые, чесоточные шавки прятались в тени, не смея подойти близко, и жадными глазами следили за трапезой больших псов. Эта трапеза не всегда бывала мирной: случалось, кто-нибудь выкидывал отбросы через ограду хашана, и тогда среди больших собак затевалась драка; визг и лай оглашали окрестность и эхом разносились по долине. Только и было в этой долине звуков, что отголоски собачьей ссоры. Не на чем было здесь отдохнуть глазу: ни воды, ни травы — одни лишь развалившиеся ограды, да пересохшее русло ручья, да пустынная дорога. Изредка появлялся на ней человек с мешком за плечами, но тотчас исчезал, и нельзя было уследить, в котором из хашанов он скрылся.

Полдень минул, солнце начало медленно склоняться к западу, и когда тень от одинокого вяза на западном гребне дотянулась до монастыря, тишину, царившую в долине, вдруг разорвали звуки большого медного гонга. Но и они глохли, не улетая за тесные пределы долины, не вспугивая диких степных зверей по ту сторону холма, на котором рос одинокий вяз. Снова ударили в гонг, и пока его звуки ещё дрожали в прозрачном воздухе, повсюду из хашанов стали выходить ламы с красными накидками через плечо. Одни сразу направлялись в большой храм, другие, дойдя до площадки, присаживались перед входом. Но вот гребень холма, где рос одинокий вяз, осветили алые лучи заходящего солнца. Крыша храма тускло заблестела. Раздались звуки труб. Только минуту назад кругом было пусто и немо, а теперь вся долина была полна звона и гула. Звуки труб то усиливались, сливаясь со звоном гонга, то ослабевали, то прерывались.

С наступлением темноты перед храмом зажглись две лампады. Их слабый огонёк колебался на ветру, то затухая, то разгораясь, и звуки труб продолжали греметь в ночи.

ГАБЖИ-ЛАМА

Угас вечер, и наступила чёрная, безлунная ночь. На улочках монастыря было темно, как в яме. На одной из них что-то двигалось, в темноте не разберёшь что, слышно было только прерывистое дыхание. Потом калитка одного из хашанов растворилась — маленький мальчик с полным до краёв ведром воды в руках вошёл во двор и захлопнул за собой калитку. Он тяжело дышал — может быть, оттого, что ведро было тяжёлое и путь от колодца не близкий, а может быть, оттого, что ему страшно было идти одному в темноте и он очень спешил. Мальчик прошёл по выложенной мелкими камнями дорожке, которая вела к юрте, и откинул прикрывавший дверь полог. Эта юрта принадлежала габжи-ламе[1] Лувсандандáру. В передней части юрты на столике стоял стеклянный шкафчик. В нём виднелся бурхан[2]; перед бурханом — серебряная чашка с чаем и медные блюдечки с разными сластями; правее на салфетке из красной чесучи стопкой были сложены книги. Налево от очага на закопчённом и заросшем грязью посудном шкафу стояли три медных кувшина; тут же, на полу,— котёл, уполовник, топор и другие предметы домашнего обихода. Справа от очага стояла койка, покрытая войлоком и старыми ламскими дэлами. Прямо перед очагом лежала кошма и на ней олбог[3] с нашитым сверху ковриком; на коврике, поджав ноги, сидел габжи Лувсандандар. Ему, наверно, было уже далеко за сорок. Лампада освещала его морщинистое лицо и коричневый поношенный шёлковый дэл. Мальчик, поставив ведро и бросив боязливый взгляд на ламу, опять вышел. По проворству его движений можно было понять, что вся эта домашняя работа давно стала для него привычной.

---

[1] Габжи́-ла́ма — учёное звание лам.
[2] Бурха́н — изображение буддийского божества.
[3] Олбо́г — квадратный тюфяк из войлока.

— Эй, Са́мбу! — прогудел лама.— Ну-ка живей разводи огонь и готовь еду!

— Сейчас! — ответил тонкий голос, и мальчик снова вошёл, неся в подоле аргал.

Одет он был в коричневый ламский дэл. На вид ему можно было дать лет двенадцать, худое личико казалось усталым.

— А ворота запер? — спросил лама. — Пойди запри. И скорей готовь ужин.

Мальчик вышел. Через минуту со двора донёсся звон колокольчика на воротах. Колокольчик звякнул ещё раза два, и всё стихло.

Мальчик вернулся и принялся крошить мясо. Лувсандандар взял со столика, где находился бурхан, книжку в жёлтом шёлковом переплёте и стал читать. Но чтение шло плохо при тусклом свете жировой коптилки. Лама, тихо шепча, складывал в молитве ладони, а уголком слезящихся старческих глаз всё поглядывал в сторону очага, где Самбу возился над кипящим котлом. Иногда лама закрывал глаза и сидел минуту молча. Может быть, мысли его витали в мире бурханов, но больше было похоже на то, что его думы занимает котёл на очаге. Наконец похлёбка была готова. Самбу снял её с огня и налил в большую серебряную чашку, стоявшую перед ламой. Тот с готовностью отложил молитвенник.

— Посолил? — осведомился он.

— Посолил,— ответил Самбу.

Некоторое время в юрте царило молчание. Слышно было только, как лама хлебает горячую похлёбку. Наконец он отодвинул чашку.

— Это тебе,— сказал лама, указывая на остатки.— И собаку свою накорми. А мне подай чаю.— Он вытер губы и на несколько секунд обратил взор к бурхану, выглядывавшему из шкафика.

А Самбу, взяв чашку, отошёл в сторонку, сел на кошму и с жадностью стал доедать остатки похлёбки. Маленькая пёстрая собачонка сидела тут же перед ним, следя за каждым его движением и пуская слюни.

— Самбу, читать! — послышался голос Лувсандандара.

— Эй, Са́мбу! — прогудел лама. — Ну-ка живей разводи огонь и готовь еду!

— Сейчас! — ответил тонкий голос, и мальчик снова вошёл, неся в подоле аргал.

Одет он был в коричневый ламский дэл. На вид ему можно было дать лет двенадцать, худое личико казалось усталым.

— А ворота запер? — спросил лама. — Пойди запри. И скорей готовь ужин.

Мальчик вышел. Через минуту со двора донёсся звон колокольчика на воротах. Колокольчик звякнул ещё раза два, и всё стихло.

Мальчик вернулся и принялся крошить мясо. Лувсандандар взял со столика, где находился бурхан, книжку в жёлтом шёлковом переплёте и стал читать. Но чтение шло плохо при тусклом свете жировой коптилки. Лама, тихо шепча, складывал в молитве ладони, а уголком слезящихся старческих глаз всё поглядывал в сторону очага, где Самбу возился над кипящим котлом. Иногда лама закрывал глаза и сидел минуту молча. Может быть, мысли его витали в мире бурханов, но больше было похоже на то, что его думы занимает котёл на очаге. Наконец похлёбка была готова. Самбу снял её с огня и налил в большую серебряную чашку, стоявшую перед ламой. Тот с готовностью отложил молитвенник.

— Посолил? — осведомился он.

— Посолил, — ответил Самбу.

Некоторое время в юрте царило молчание. Слышно было только, как лама хлебает горячую похлёбку. Наконец он отодвинул чашку.

— Это тебе, — сказал лама, указывая на остатки. — И собаку свою накорми. А мне подай чаю. — Он вытер губы и на несколько секунд обратил взор к бурхану, выглядывавшему из шкафика.

А Самбу, взяв чашку, отошёл в сторонку, сел на кошму и с жадностью стал доедать остатки похлёбки. Маленькая пёстрая собачонка сидела тут же перед ним, следя за каждым его движением и пуская слюни.

— Самбу, читать! — послышался голос Лувсандандара.

Самбу взял деревянный ящичек с книгой, сел слева от ламы и начал:

— Разорванная «га», перевёрнутая «га»...

— «Ха», а не «га»! — прикрикнул на него Лувсандандар.— Перевёрнутая «ха». Вечно забываешь!.. А ворота запер на крюк?

— Запер.

— Ну, дальше.

— Разорванная «га», перевёрнутая «ха», закрытая «га», голая «а»...

— Какая ещё голая «а»? Малая «а»! — поправил Лувсандандар.— Что ты путаешь! Не видно тебе, что ли? Сядь ближе.

Самбу начал снова:

— Разорванная «га», перевёрнутая «ха», закрытая «га», малая «а»...

— Вот и затверди это наизусть,— сказал Лувсандандар, вставая с кошмы.— Да открой дымоход.— И, повернувшись, он вышел из юрты.

После ухода ламы Самбу поставил книгу на место, потом выбрал из валявшихся на койке дэлов один поновее, из жёлтого шёлка, подбитый овчиной, и застлал им койку. Квадратный олбог с нашитым ковриком он положил возле койки. Вернувшийся со двора лама шёпотом прочитал короткую молитву и, глубоко вздохнув, улёгся. Самбу тоже стал устраиваться на ночь, поближе к очагу.

— Самбу,— сонно проговорил Лувсандандар,— завтра встанешь пораньше. Пойдём на утреннюю службу. Ложись здесь и спи,— он указал на место на полу рядом со своей койкой.

Вскоре в юрте Лувсандандара наступила глубокая тишина. Тускло горел огонёк маленькой лампады, вздрагивая и мигая, когда в щели пробирался ветер.

И всюду в монастыре стало темно и тихо. Мигали две лампады перед храмом, да в небе мерцали бесконечные звёзды; иногда лаяли и завывали голодные собаки и что-то шуршало во тьме. А на западе по краю неба лежала светлая полоска, и на ней, над гребнем холма, чётко вырисовывался силуэт одинокого вяза.

Фитиль стоявшей перед бурханом лампады нагорел, скри-

вился и начал коптить. Габжи-лама крепко спал, изредка вздрагивая во сне. Ему снилось, будто его позвали в один аил. Он приехал туда и отслужил молебен. Ему поднесли в подарок рыжего коня и шёлковый дэл. И будто бы, когда он вернулся в монастырь, гэбги-лама[1] стал торговать у него этого коня за пятьсот тугриков. Лувсандандар согласился и подал ему поводья, чтобы тот сел на коня. Но тут конь превратился в безобразную старуху с растрёпанными волосами, одетую в белый меховой дэл, на котором было семьдесят семь заплаток. Она обняла ламу за шею и, плача, воскликнула: «Ты хочешь продать меня за пятьсот тугриков? Нет, нет, я никуда от тебя не уйду!» Содрогаясь от отвращения, лама проснулся.

Самбу, измученный тяжёлой работой, крепко спал. И ему тоже снился сон. Будто бы он вернулся домой и играет со своей младшей сестрой. «Сын мой,— говорит ему мать,— поешь простокваши, а потом иди пасти овец». Взяв сестру за руку, он идёт к стаду и вдруг видит — в траве лежит красивый блестящий камень.

— Вставай, Самбу! Вставай! — раздалось у него над ухом.

«Какой красивый камень!» — думал Самбу, стараясь заснуть опять.

— Растапливай печку! — кричал лама.

Самбу встал. Счастливый сон развеялся. Мальчик разжёг огонь, стал кипятить чай. Лама, лёжа в постели, смотрел, как закипает котёл, и вспоминал, остались ли с вечера жареные лепёшки. На миг ему припомнился отвратительный сон — цеплявшаяся за него косматая старуха. Лама вытер со лба холодный пот и обратился к своему бурхану с молитвой, чтобы тот избавил его от этой страшной женщины. Внезапно послышался стук в ворота.

— Самбу, пойди посмотри, кто там,— распорядился лама.

Мальчик вышел.

Через минуту в юрту вошла женщина лет тридцати, с чёрной косой до пояса, в новеньком дэле из светло-синей далембы[2], подпоясанном коричневым шёлковым поясом. На

[1] Гэбги-лама — лама-распорядитель, поддерживающий порядок во время богослужения.

[2] Дале́мба — разновидность хлопчатобумажной ткани.

голове у неё была зелёная повязка, на ногах — пёстрые расшитые гутулы. Она поклонилась ламе и спросила, как его здоровье.

— Хорошо, очень хорошо,— ответил лама, поудобнее усаживаясь на койке.— Ты-то как поживаешь? Садись к огню, пей чай,— он указал на кувшин.— А ты ступай вон! — крикнул лама Самбу.

Самбу только это и было нужно; как спущенный с привязи жеребёнок, он выскочил из юрты и побежал по улочке, засыпанной песком и щебнем.

А лама потянулся к бурдюку с кумысом и взял со стола чашку.

— Давненько мы с тобой не виделись, Дулма́ханда́,— сказал он, ухмыляясь.— Ну, как ты живёшь? Рассказывай.

Дулмаханда усмехнулась.

— Мне нужен синий шёлк,— проговорила она.— Хочу сшить новый дэл к празднику.

— Синий шёлк,— повторил лама.— Новый дэл тебе нужен, ишь ты! Синий шёлк,— повторил он.— Ну что ж, пожалуй, и можно будет достать тебе синий шёлк. Посмотрим...

ИЗ-ЗА ЛЕПЁШКИ

Солнце только взошло, и его ярко-красные лучи, врываясь в распахнутые двери большого храма, словно стрелы прорезали царивший там полумрак. В северо-восточной части храма стоял большой, выкрашенный золотой краской глиняный бурхан, который, казалось, искоса поглядывал на молящихся. Четыре ярко раскрашенные колонны, расписанные изображениями львов и тигров, поддерживали высокий потолок. Под потолком висел круглый стеклянный шар; солнечные лучи ударяли в него, и он играл и переливался, как прозрачная вода, роняя отблески на бурханы и молящихся лам. Ламы сидели рядами вдоль левой и правой стен храма — старшие впереди, младшие сзади. Каждый держал в руке молитвенник. Двое из них, сидевшие впереди, самые старые и важные, начали нараспев выкрикивать слова молитвы, остальные хором

подхватили. Самбу, сидевший в самом конце одного из рядов, тоже держал на коленях молитвенник. Но он ничего не знал, кроме разорванной «га», и просто повторял вслух за другими. Напротив него, у другой стены, сидел такой же, как он, маленький ученик и бил в барабан. Самбу не сводил с него глаз: бить в барабан казалось ему завидным занятием. Голоса лам, высокие и низкие, глухие и звонкие, переплетались со звуками труб и гулко отдавались под сводами храма. Самбу всё смотрел на маленького барабанщика. Он уже встал, чтобы подойти к нему, но в эту минуту внесли полуденный чай, и Самбу поспешно сел на место. Молитвенные возгласы и звуки труб прекратились, ламы занялись чаем, переговариваясь и пересмеиваясь. Вдруг в том конце, где сидели ученики, сквозь общий гомон послышались крики:

— Ай, ай, послушник Лувсандандара украл лепёшку! Ай, ай, он спрятал её за пазуху! Вор, вор!..

Сидевший у левой стены толстый лама грозно прикрикнул на мальчиков и велел им замолчать.

Самбу тихонько вышел из храма. Ему было очень обидно, что его назвали вором. Лепёшку он стянул, это верно, но ведь он был так голоден, он ничего не ел с утра. Разве это значит, что он вор? Глотая слёзы, он побрёл к своему хашану. На повороте он остановился. Отсюда видна была окутанная голубой дымкой гора Будла́н-хан; там, за рекой Бургасту́, жила семья Самбу. Перед мысленным взором Самбу встали ласковые лица родителей и круглое смеющееся личико сестры. Когда-то доведётся ему их увидеть? Ах, улететь бы туда!..

Вдруг за его спиной снова раздалось:

— Вор! Вор!

На щеках Самбу вспыхнули багровые пятна, он быстро повернулся. За угол хашана убегал мальчик. Самбу пустился вдогонку. Гнев удесятерил его силы — через миг он уже держал мальчишку за шиворот. Тот отбивался ногами, кусался, плевался. Самбу получил сокрушительный удар в нос, но и сам не остался в долгу. Когда они разошлись, у обоих по лицу текла кровь. Самбу нагнулся, оторвал кусок от валявшегося у хашана войлока и вытер кровь, лившуюся из разбитого носа.

Когда Самбу пришёл в юрту, Лувсандандар был уже там. Он, как видно, собирался куда-то ехать и очень спешил. Пряча от взглядов ламы прорехи на изорванном в драке дэле, Самбу прижался к стене.

— Не смей без меня выходить на улицу,— сказал лама.— Не оставляй юрту без присмотра, слышишь? Я приеду завтра,— добавил он и торопливо вышел.

Самбу остался один. Куда и зачем уехал лама, его не интересовало — он был рад тому, что удалось избежать наказания за изорванный дэл. Он уселся на коврик, на котором обычно сидел лама, взял его звонок и маленький барабанчик и стал тихонько играть. Иногда он вынимал из-за пазухи лепёшку и откусывал от неё кусочек. Так прошёл день, и он даже не заметил, как наступил вечер. Внезапно снаружи послышались шаги, кто-то подходил к юрте по усыпанной щебнем дорожке. Самбу поспешно вскочил и отошёл к очагу. Дверь растворилась, вошёл молодой гэбши[1], живший рядом с мальчиком.

— Где учитель? — спросил гэбши, присаживаясь на кошму рядом с мальчиком.

— Уехал.

— А когда приедет? Есть важное дело.

— Сказал, что завтра. А что случилось?

— А то случилось, что у нас завелись черти. В соседнем аиле недавно умерла женщина, и её душа превратилась в чёрта. А теперь, говорят, она каждую ночь бродит по вашему хашану и заглядывает в юрту.

Самбу побледнел от страха. Прерывающимся голосом он спросил:

— Как же я буду один ночевать?

— Плохо твоё дело,— сказал гэбши.— Учителя нет — так уж чёрт непременно сюда заявится. Нельзя тебе тут ночевать, иди лучше к нам.

— Хорошо! — обрадовался Самбу.— Хорошо, пойду.

---

[1] Гэбши́ — низшее звание ламы.

Они вышли. На улице было темно, хоть глаз выколи. Самбу старался ни на шаг не отстать от гэбши и вздрагивал, когда в темноте с лёгким шорохом отваливался от ограды хашана кусок глины или расшатавшийся камень. Мальчику чудилось, что его вот-вот схватит чёрт. Наконец они добрались до юрты гэбши. Тот угостил Самбу остывшим чёрным чаем, налив его из медного кувшина, стоявшего на очаге. Затем, усевшись на войлок и поглядывая на Самбу, как кошка на мышонка, гэбши принялся рассказывать мальчику разные страшные истории о чертях и злых духах. От этих рассказов у Самбу душа ушла в пятки. Наконец, поздней ночью, вдоволь натешившись страхом мальчика, гэбши растянулся на войлоке и захрапел. Но Самбу не мог заснуть. Он вздрагивал от каждого шороха, сердце у него замирало, лунный свет, проникавший через отверстие вверху юрты, резал его утомлённые глаза. Измученный, он только на рассвете забылся тяжёлым сном. Пробудил его звук колокола — звонили к утренней службе. Он торопливо вскочил и побежал в свою юрту. Лувсандандар уже был там и умывался в медном тазу.

— Ты куда ушёл? Как смел бросить юрту? — закричал он на мальчика.

— Я ночевал у гэбши... У того, что живёт рядом...

— А зачем ты туда пошёл, а? Зачем оставил двор без присмотра? Отвечай!

— Гэбши вчера пришёл...— начал Самбу.

— Ах, он вчера пришёл? Вот я тебе сейчас покажу этого гэбши! — И обозлённый лама несколько раз изо всех сил ударил Самбу по голове тяжёлыми чётками.— Будешь знать, как меня не слушаться! Марш за аргалом! Готовь завтрак!

Мальчик испуганно молчал; держась за голову, он вышел из юрты и, всхлипывая, стал собирать аргал. Его охватило отчаяние. Как терпеть такую жизнь? Ночью над ним издевался гэбши, пугая чертями, утром учитель его избил и обругал. Всё тело у Самбу болело и ныло от усталости. Что он здесь видел, что он здесь слышал хорошего? Перед ним была грязная, полуразрушенная стена хашана, до ушей доносился заунывный вой и визг голодных собак. Самбу бросил аргал, выпрямился и вытер глаза. И тогда поверх глиняной

ограды он увидел то, что было поистине прекрасно и пролило бальзам на его измученное маленькое сердце: озарённый утренним солнцем одинокий вяз на гребне холма и пасущиеся на склонах отары овец, а за холмом — синюю даль степи и встающие в светлой дымке горы, у подножия которых лежало его родное кочевье.

ОТЕЦ ПРИЕХАЛ

В юрте лама Лувсандандар сидел на коврике, раскрыв перед собой молитвенник, но мысли его были далеко — он думал о том, где достать синий шёлк. В аиле, куда он ездил, поиски его не увенчались успехом. Надо было придумать что-нибудь другое. Он так устал от этих бесплодных размышлений, что тут же сидя задремал, и во сне перед ним сейчас же всплыло круглое румяное лицо Дулмаханды и лукавый взгляд её чёрных блестящих глаз. Вздрогнув, он проснулся.

— Самбу! Иди сюда! — сердито позвал лама.

Самбу робко переступил порог и прижался к дверному косяку: он боялся, что учитель опять станет его бить. Но в эту минуту зазвенел колокольчик на воротах, заскрипел щебень на дорожке, и в юрту вошёл пожилой человек. Он был одет в простой дэл из коричневой далембы, подпоясанный зелёным поясом; на голове была меховая шапка русского покроя, на ногах высокие сапоги. Держался он прямо, поступь у него была твёрдая, глаза смотрели смело и открыто. При виде его Самбу изменился в лице. Глаза мальчика заблестели, он сделал шаг, словно хотел броситься к старику, потом сдержался, тихо подошёл и стал возле. Старик поклонился ламе.

— Как поживает мой сын? — спросил он, ласково глядя на мальчика.

Но лама не ответил. Он смотрел в раскрытую книгу, делая вид, что поглощён чтением, и только изредка косился выцветшими глазами на старика. Тот почтительно ждал; потом сел у двери, поджал под себя ноги. Долгое время в юрте царило молчание. Старик ожидал, чтобы заговорил лама,

Самбу же не смел ничего сказать, пока не заговорит отец. Наконец лама закрыл книгу и с важностью поздоровался со стариком. И тотчас же разговор зашёл о синем шёлке.

— Если ты мне достанешь шёлку, то это будет благочестивый поступок,— внушал лама.— Ну и я, конечно, в долгу не останусь. Только помни, что надо достать быстро.

— Какого цвета? — спросил старик.— Жёлтый? Для ламского облачения?

— Н-нет, синий. Жёлтый тут есть в одном аиле, и они согласны обменять его на синий. Ты только найди, где есть синий шёлк.

— Ладно, постараюсь.

О чём ни заговаривал отец Самбу, лама всё сворачивал на синий шёлк, и старику, не любившему многословия, это наконец надоело. Время проходило зря, а отец Самбу торопился вернуться домой до захода солнца. Он встал, отдал сыну привезённые гостинцы — вяленое мясо и сушёный творог — и стал прощаться. Самбу так хотелось крикнуть отцу:

«Возьми, возьми же меня с собой!»

Он готов был умолять и плакать, но так и не осмелился ничего сказать и только дрожащим голосом спросил, как живут мать и сестра. Попрощавшись с сыном, старик уехал.

После отъезда отца Самбу ещё сильнее затосковал по дому. А лама с каждым днём всё больше волновался из-за синего шёлка. От отца Самбу не было никаких известий. И когда прошла неделя, лама, не в силах более ждать, велел Самбу поехать домой и узнать, в чём дело.

СТРАННАЯ ИГРУШКА

К юго-западу от холма, где рос одинокий вяз, примерно на расстоянии уртона, протекала большая, чистая река. Она начиналась в горах, в диком лесу, среди огромных серых валунов, где всё дышало суровой и величественной красотой. Потом река вливалась в долину, широкую, светлую, радостную. Среди свежей зелёной травы повсюду пестрело множество ярких цветов, а берега реки окаймляла весёлая ивовая

роща. В долине стояли две юрты. В одной из них жили родители Самбу со своей маленькой дочерью; у семьи, жившей в соседней юрте, тоже был сын, немного постарше Самбу, и дочка, сверстница Самбу и подруга его детских игр — певунья Боло́д. Она распевала, как жаворонок, когда стерегла овец. На склонах окутанной голубой дымкой горы Будла́н-хан пасся скот — быки и коровы, овцы и козы, кони и верблюды. Подъезжая к своему кочевью, Самбу издалека увидел всё это — юрты и ивы над водой, и склоны Будлан-хана, и пасущиеся на них стада. Сердце его наполнилось радостью. Как он тосковал по всему этому в монастыре, в тесной юрте габжи-ламы, на унылых, кривых улочках! Синий шёлк, за которым его послали, разом вылетел у него из головы, словно он никогда о нём и не слыхал. Счастливо улыбаясь, Самбу оглядывался по сторонам, и глаза его не могли насытиться. Конь Самбу шёл крупной рысью. Навстречу дул мягкий ветерок. Юрты быстро приближались.

Вдалеке за юртами, по склону, возвращаясь с пастбища, бежали овцы, а за стадом на высоком гнедом коне не спеша ехала девочка-подросток. Возле одной из юрт стояла маленькая сестрёнка Самбу и, заслонясь ладонью от солнца, вглядывалась в приближающегося всадника, словно не узнавая его. Возле другой юрты сидел старый отец Болод и с ним какой-то мальчик. «Кто бы это мог быть? — думал Самбу.— Сын богача Ойдо́ба? Навряд ли! Старший брат Болод? Да нет, он сейчас уехал куда-то далеко. Может быть, у них гостит племянник?»

Самбу ударил коня и подскакал к своей юрте. Отец сидел у входа, чиня аркан. Из юрты выбежала мать Самбу и с радостными возгласами обняла сына. Её кроткие глаза с тревогой вглядывались в его бледное, исхудавшее лицо. Как он изменился! Когда уезжал в монастырь, был крепким, упитанным, румяным, а теперь такой худенький, словно после тяжёлой болезни. Даже голос у него стал глухой и слабый.

«Что с ним там сделали! — горестно думала мать.— Нет, не пущу, ни за что не пущу его обратно!» Но в то же время ей почудилось, будто кто-то предостерегающе шепчет ей на ухо: «Разве ты забыла, что сама отдала сына

на служение богу?» В ушах у неё зазвучала музыка монастырских труб, перед глазами возник позолоченный бурхан, грозно глядевший из полутьмы большого храма. Со вздохом мать выпустила Самбу из своих объятий.

Они вошли в юрту и сели друг против друга. Грусть покинула сердце матери, столько дней тосковавшей по сыну, грусть ушла из сердца сына, так давно жаждавшего свидеться с матерью. Обоих охватила неудержимая радость. И Самбу втайне дал себе слово, что не вернётся больше в монастырь.

В это время в юрту вошла девочка и, увидев Самбу, радостно воскликнула:

— Ой! Самбу! Когда же ты приехал?

Это была Болод, подружка Самбу, с которой он вместе вырос и к которой привык, как к сестре. Она только что вернулась из степи, где пасла овец богатого Ойдоб-До́ржи. И, глядя на её сияющее личико, Самбу ещё твёрже решил не возвращаться в монастырь.

Следом за Болод в юрту вошёл мальчик, тот самый, которого Самбу видел, подъезжая к стойбищу. Это был брат Болод. На шее у мальчика был повязан красный галстук, а в руках он держал какую-то красивую блестящую игрушку, вроде маленькой повозки.

— Брат,— весело закричала Болод,— покажи Самбу, как она бегает!

Мальчик в красном галстуке стал что-то крутить с одной стороны игрушки, пока она не задребезжала. Тогда он поставил её на землю — и повозочка вдруг забегала по юрте, вертясь и жужжа. Это было так непонятно и удивительно, что не только Самбу, но и его мать долгое время не отрываясь следили за повозочкой. Потом мать встала и вышла, а Самбу продолжал молча разглядывать необыкновенную игрушку.

— Это твоя? — спросил он наконец у мальчика.

— Я привёз её из города,— ответил тот.

Что такое город и где он находится, Самбу не знал. Он знал только, что непременно хочет иметь такую игрушку. За это он, кажется, всё бы отдал. С деланным равнодушием он спросил:

— А ещё такую там можно достать?

Мальчик в красном галстуке засмеялся:

— Можно-то можно, только ехать до города нужно трое суток. А уж если приедешь, так можно достать не только такую, а ещё во сто раз лучшую... Но ты вот что скажи мне, Самбу: ты хочешь поступить в школу или нет?

Этого Самбу уж вовсе не понял: город, школа были для него пустые звуки. Но это было связано с возможностью добыть себе такую чудесную игрушку.

— А где эта школа? — принялся он расспрашивать.— Далеко? Что ты там делаешь?

— Слушай, Самбу,— сказал мальчик в красном галстуке,— ты вот живёшь в монастыре у ламы, ну а какой тебе от этого толк? Поступай лучше в школу. Осенью и поедем втроём — ты, я и Болод.

Самбу призадумался. Куда его зовут и зачем, он не понимал. Но он твёрдо знал одно: к Лувсандандару он никогда не вернётся. И, не сводя глаз с чудесной игрушки, Самбу кивнул головой и сказал, что он обязательно поедет в школу. Так лама и остался без синего шёлка. Самбу и не вспомнил о нём.

В ДАЛЁКИЙ ПУТЬ

В долине реки Бургасту́ качаются под ветром увядшие осенние цветы. Степной вихрь срывает их сухие головки и кружит в воздухе. Иные падают в реку и отправляются в далёкий путь. Другие застревают среди кустов и становятся забавой для зайчат.

Семена высыпаются из сухих коробочек и ложатся на отдых в плодородную землю. Они странствуют по степи, и нельзя проследить их путь, ибо никто не знает, куда их унесёт кочевник ветер. Только будущим летом сможем мы об этом судить.

По склонам холма, где растёт одинокий вяз, катятся круглые перекати-поле. Иногда они кочуют по степи, иногда сплошь усеивают берега реки Бургасту; разбрасывая семена, катятся сухие коробочки степных цветов.

Придёт весна, и тысячи новых растений вырастут из этих

семян и мягким ковром покроют родные степи. Придёт весна, и первый летний месяц наполнит душу тишиной и покоем.

А сейчас иссохшие жёлтые травы горбятся под ветром, словно от обиды. Всё говорит о том, что наступила осень. В долине реки Бургасту дует осенний ветер. И чудесная игрушка, которую Самбу так хотелось иметь, сама пришла к нему и ждёт его за ивовой рощей. Он мечтал об игрушечной повозочке, а теперь сидит в похожей на неё большой машине, и она, поднимая тучи пыли, мчит его по бесконечной дороге. И когда машина взобралась на перевал, перед глазами Самбу и Болод предстал город — тот самый загадочный город Улан-Батор, о котором они раньше столько слышали, а теперь наконец увидели его своими глазами.

Мальчик в красном галстуке рассказывал им обо всём, что есть в городе, а Самбу и Болод слушали и смотрели по сторонам. И как игрушечная повозка, пробежав немного, останавливается, так и большая машина, доехав до высокого дома со множеством окон, остановилась.

Мальчик в красном галстуке выскочил из машины первым и вошёл в дом, Самбу и Болод — за ним. Он молча, стараясь ступать бесшумно, поднимался по лестнице; Самбу и Болод тоже молча, стараясь не отставать от него, шли позади.

На верхнем этаже было тихо и очень-очень светло — через большие окна потоками лился свет. Мальчик в красном галстуке ввёл Самбу и Болод в просторную комнату и, велев им тут подождать, сам куда-то исчез. И Самбу и Болод так и продолжали стоять там, где он их оставил, не смея сдвинуться с места. Только глаза у них, сверкая любопытством, бегали по сторонам, словно мышата. Потом послышался тонкий, протяжный звук — это напомнило Самбу трубы в монастыре, только мелодия была другая и звук гораздо приятнее, вроде свирели. Звук оборвался. И вдруг со всех сторон распахнулись двери и выбежало множество людей: все одинаково одетые и все в красных галстуках. Самбу растерялся: как же теперь среди них найти брата Болод? Но тут раздался знакомый голос:

— Идите сюда!

И брат Болод, взяв их за руки, ввёл в одну из комнат.

В этой комнате было четыре больших, выходивших на юг окна, и за столиками сидело много детей, но никто не шумел и не разговаривал. На стене перед сидящими детьми была блестящая чёрная доска, и на ней, словно молнии на ночном небе, белели какие-то причудливые знаки. На других стенах висели портреты и картины. Сквозь прозрачные стёкла проникали солнечные лучи, ярко освещая всю комнату. Всё это было очень странно и удивительно интересно. Когда Самбу и Болод усадили за столик, они прямо не знали, на что смотреть. Всё их удивляло: и карандаш — для чего он? — и знаки на чёрной доске — что это такое? — и красивая одежда детей.

Немало прошло времени, прежде чем всё это стало для них привычным. Им было нетрудно учиться — всё новое пленяло их воображение, а нового тут было хоть отбавляй. Они и не замечали, как проходили месяцы. И однажды осуществилась былая мечта Самбу — он получил в подарок игрушку, которую ему когда-то так хотелось иметь; её купила верная подружка Болод. Запуская чудесную повозочку, Самбу думал о том, что три месяца назад эта игрушка казалась ему лучше всего на свете, а теперь он знает, что есть много вещей куда более интересных. Игрушка уже не казалась ему чудом. Чудес было много, и с каждым днём открывались всё новые.

С Болод они жили дружно, как родные брат и сестра: вместе учились, вместе ходили повсюду, пополам делили сласти. Все игрушки у них были общими. С Болод никто бы не смог соскучиться — такая она была живая и весёлая. Теперь Самбу и Болод тоже носили на шее красные галстуки. У них было много товарищей.

Так незаметно прошло три года. Самбу и Болод сдали экзамены и окончили школу. В один из солнечных дней по той же дороге, по которой они ехали три года назад, но в обратном направлении, на перевале, откуда им впервые открылся город, они ещё раз оглянулись назад и послали свой прощальный привет Улан-Батору.

Им даже странно было вспомнить, как три года назад на этом самом месте они вскакивали и высовывались из окна машины, торопясь увидеть таинственный город, и строили наивные догадки о том, что их ожидает... Теперь они сами могли бы многое порассказать другим. Они возвращались домой, обогащённые опытом и знаниями. И все помыслы их устремлялись теперь вперёд, туда, где их ждало родное кочевье — цветущая долина реки Бургасту.

Занятые весёлым разговором, воспоминаниями и мечтами о будущем, они не замечали, как бежит под колёсами пыльная дорога. И только когда вдалеке показалась ивовая роща — сначала лишь как мутное пятно, как будто на берегу реки стоял многотысячный табун,— Самбу и Болод приумолкли. На душе у них было светло и радостно. Три года не видали они этой цветущей долины и этих степных просторов; они уже начинали их забывать, и теперь красота родных мест поразила их как чудо. Сияющими глазами озирались они вокруг все трое: Самбу, Болод и её старший брат. Лишь когда вдали промелькнул холм с одиноким вязом на вершине, сердце Самбу на миг омрачилось: он вспомнил о своей тяжёлой и страшной жизни в монастыре у ламы. Но сейчас он не хотел даже думать об этом, он предвкушал радость встречи с отцом, матерью и маленькой сестрой, он представлял себе их озарённые счастливой улыбкой лица...

На зелёном пологом склоне высокий старик пас отару овец. И когда мимо него по ровной пустынной дороге, идущей с запада на восток вдоль реки Бургасту, поднимая облако пыли, пронеслась на большой скорости и тотчас скрылась почтовая машина, старик не обратил на неё никакого внимания. Он ведь не знал, кто едет в этой машине...

Родители Самбу со своей маленькой дочкой и родители Болод жили теперь в солончаковой степи, к северо-востоку от прежнего стойбища, у подножия тех гор, где берёт начало река Бургасту.

Приблизившаяся в вихре белой пыли машина их ничуть не заинтересовала. Но когда машина вдруг остановилась, когда

они увидели сияющие лица своих детей, сердца стариков затрепетали от радости. Осуществилась мечта, которую они лелеяли три года!

НЕРУШИМАЯ ДРУЖБА

Свежий утренний ветер ласкал землю, колыхал цветы и травы. Щебетали птицы. Всё приветствовало приехавших издалека гостей — Самбу и Болод. Утренние лучи солнца, как в зеркале, отражались в прозрачной воде озера; их отблески падали на деревья, росшие по склонам ближней горы. Золотые лучи озаряли и овечье стойбище и холм, на котором рос вяз.

Самбу пас овец, наслаждаясь этим уже немного забытым занятием. Шагая вслед за стадом, он добрёл до холма. Здесь он остановился и долго смотрел на одинокий вяз, вспоминая, как часто в монастыре любовался его золотящейся в вечерних лучах лёгкой, прозрачной кроной. Теперь листвы на нём было уже не так много: старый вяз подсох и оголился.

Вдруг у себя за спиной Самбу услышал нежный, высокий голос:

— Самбу, ты тоже сегодня пасёшь овец? — Это была Болод.

— Я пасу овец и любуюсь красотой наших родных кочевий,— ответил, обернувшись, Самбу.— А ты куда собралась на таком резвом коне и шёлковый дэл надела? Далеко едешь?

— Да нет, недалеко,— ответила Болод.— К брату хочу съездить.— Она ловко соскочила с коня и присела возле Самбу на кочку.

— Посмотри,— сказал Самбу.— Видишь вон там монастырь? Я жил в этом монастыре. А видишь вон, на западной стороне, сломанная изгородь? В этом хашане я жил. Теперь он уже совсем развалился.

И Самбу, показав на облупившуюся серую крышу большого храма, рассказал Болод, как однажды во время службы в храме он утащил и спрятал за пазуху лепёшку.

— А ты помнишь,— смеясь, сказала Болод,— как вон в той долине я пасла овец богача Ойдоба и как я однажды уснула и растеряла овец? Мне тогда здорово досталось, я весь день плакала...

Так они вспоминали прошлые огорчения. Кругом пестрели цветы; ещё влажные от утренней росы, они ярко блестели в лучах солнца. Старый вяз напомнил Самбу всё пережитое. Но счастливое сегодня смягчало вчерашнюю печаль. Беседа Самбу и Болод текла, как широкая и спокойная река.

— Болод, ты осенью поедешь в школу? — спросил Самбу.

— Да, я хочу учиться дальше. Непременно поеду в какую-нибудь школу,— ответила она.— А ты?

— Если ты поедешь, и я от тебя не отстану.

— Вот и хорошо! Поедем вместе.

Так говорили они, и их юные лица светились радостью, как будто какое-то новое счастье озарило их счастливые дни.

— Где бы ты ни был, близко или далеко, не забывай меня.

— Где ты ни будешь, близко или далеко, я не забуду тебя.

Этими словами они закрепляли свою многолетнюю дружбу.

КАК ДОЛГО ТЯНЕТСЯ ВРЕМЯ!

Каждую осень ветер кружит в воздухе семена степных трав; каждую осень гонит он сухое перекати-поле по опушке ивовой рощи; каждую осень её пожелтевшие, сухие листья отправляются в далёкий путь вниз по реке. Из года в год дует осенью ветер далёких странствий — это закон природы.

Для Болод и Самбу настало время проститься со своим старым знакомцем — одиноким вязом на холме. Снова сидели они в быстро мчащейся машине и снова вели между собой бесконечные разговоры.

Радостно въехали они в город Улан-Батор, который за эти годы стал для них родным, и вышли из машины у прекрасного высокого здания своей школы. Но на этот раз им недолго пришлось быть вместе: Болод посылали учиться в Советский Союз. В день отъезда Самбу проводил её до автомобильной станции. Немного слов было сказано ими на прощанье: только «до свидания» и «счастливый путь». Они крепко пожали друг другу руки. Самбу на миг задержал руку девушки в своей, и нежное лицо Болод вспыхнуло румянцем, но она ничего не сказала, только посмотрела на него долгим взглядом. И ещё раз она оглянулась, перед тем как машина завернула за угол. А Самбу молча стоял и смотрел ей вслед. Потом он увидел, как на длинной ровной дороге, ведущей в Улан-Удэ, поднялась белая пыль.

— Вот и уехала моя Болод,— сказал он и побрёл домой.

Самбу очень скучал после отъезда Болод. Что бы он ни делал — садился ли работать, шёл ли гулять,— на сердце у него лежала тоска. Только одна у него была радость — получать письма от Болод, и одно утешение — самому писать ей. Вот одно из писем Самбу к Болод:

> «С каждым днём всё ярче блестят на солнце окна прекрасных высоких домов нашего города. Вот опять пришла весна, и каждый месяц приносит новое. Все наши по-прежнему живы и здоровы. И старый вяз всё стоит на своём месте. Много раз наступала осень, и много раз снова зеленели молодые травы, и ветер гнал сухое пере-

кати-поле, и год проходил за годом; но высоки те горы, что разделяют нас, и широки те степи, что лежат между нами. Я не вижу твоего светлого лица. По-прежнему качается на ветру ивовая роща на берегах реки Бургасту, где мы с тобой родились и выросли. Наши родители, братья и сёстры живы и здоровы. Уже два года я живу без тебя в Улан-Баторе, и вот наступил третий; снова будет лето, и осень, и зима, и за ними весна. Если бы ты знала, как я жду этой третьей весны! Какой это длинный год! На нашей реке Бургасту крякают прилетевшие из тёплых стран турпаны. Помнишь, как они обучали птенцов летать, когда мы с тобой пасли овец, и как они осенью устремлялись в далёкий путь? Их тогда было двое, а теперь уже четверо. А помнишь двух журавлей, что сидели на яйцах возле нашего холма, где растёт вяз? Старые журавли одряхлели, но выросли их птенцы, их сейчас двое, а будущей весной станет четверо. Милый мой друг, дорогая Болод, и я жду будущей весны, и по щекам у меня катятся слёзы. Ведь ещё долго ждать!

Но я верю, что эта весна придёт и принесёт нам радость встречи.

С приветом
Самбу».

КТО ЭТО?

От Болод, уехавшей так далеко, чтобы изучать науки, письма приходили всё реже, а за последний год не пришло ни одного. Самбу так скучал, что глаза его утратили свой живой блеск. Но время шло своим чередом, солнце пригревало всё жарче. Наступала весна — та самая весна третьего года, которого так ждал Самбу. В этом году ему исполнилось восемнадцать лет. После окончания учёбы он поступил на работу в Учёный комитет[1] и недавно удостоился похвалы — его отметили как отличного работника. Это было для него большой радостью, но она была бы ещё больше, если бы он мог

[1] Будущая Академия наук МНР.

разделить её со своей любимой Болод! Самбу грустил и, когда оставался один, напевал потихоньку те песенки, которые когда-то слыхал от Болод. Уныние его было так заметно, что все кругом удивлялись и спрашивали, что с ним. Но как могли знать люди истинную причину его печали?

Однажды Самбу пошёл на рынок. Там повсюду, на домах и заборах, были расклеены пёстрые афиши. В них сообщалось, что сегодня вечером в городском театре состоится новый спектакль. Самбу решил пойти. С наступлением вечера он вышел из дому и направился к театру. Перед подъездом стояла большая толпа — всем хотелось попасть в театр. У всех были весёлые, возбуждённые лица. Но Самбу думал о том, почему от Болод нет писем, и ему было грустно.

Он купил билет и занял своё место. Зал был полон народу. Все сидели тихо и внимательно смотрели и слушали. А Самбу, оглядываясь по сторонам и видя повсюду оживлённые лица, спрашивал себя: «Есть ли здесь ещё кто-нибудь, кто, как я, дружит с тоской?»

В одиннадцать часов спектакль кончился. Самбу вышел и, обогнув угол театра, зашагал по переулку.

Здесь было темно. Навстречу дул мягкий ветер, в небе мерцали тысячи звёзд. Он прошёл мимо одного двора и остановился: ему послышались чьи-то лёгкие шаги. И тогда сзади, из темноты, его окликнул нежный, высокий голос:

— Самбу! Самбу! Что же ты? Разве ты меня не узнал?

Что-то толкнуло его в сердце. Он круто повернулся, и словно кто-то невидимый, стоявший рядом, тихо сказал ему на ухо: «Да ведь это же она, твоя Болод!»

М. Чимид

ДЕТИ МОРЯ

Девочка в белой кофточке, короткой юбке и лёгких сандалиях сидит на берегу озера Хубсугу́л на изъеденном ветрами валуне. Неподалёку валяется выброшенная на берег волной старая коряга, она ещё влажная и блестит на солнце. Озеро

и сейчас неспокойно: догоняют друг друга бурные волны и, разбрызгивая белую пену, с шумом накрывают жёлтое кружево берегового песка. Девочка не замечает красоты озера — она привыкла к ней с раннего детства.

Позади раздались шаги, и звонкий мальчишеский голос громко объявил:

— Вот и я! Пошли, Алима́, как раз успеем попасть на почтовую машину.

— Наконец-то. Явился,— недовольно пробурчала девочка, оглядываясь на босоногого мальчишку с ведром в руках.— Я уж думала, что ты забыл об уговоре и не придёшь.

Ребята взялись за руки и побежали к пристани, подле которой швартовался пароход «Сухэ-Батор». Пассажиры уже покинули его и заполнили готовый к отправке пофыркивающий почтовый грузовик.

Быстро стлалась под колёса дорога. Вскоре позади остались брод мелководной речушки Турт и перевал с грозным названием Ха́вчик, что означает «Клещи». Дальше пошла ухабистая дорога по берегу Хубсугула.

Когда машина подъехала к устью реки Баянго́л, впадающей в озеро. Боло́р попросил водителя остановиться. Ребята спрыгнули и тут же увязли по колено в густом иле. Алима чуть не заревела.

— Давай-давай, живее! — прикрикнул на Алиму её спутник.— Выбирайся на твёрдую почву.— Он протянул ей руку, помог снять грязные сандалии, и через несколько минут они весело шагали по песчаному мысу, любуясь дальней горой Бурха́н, чья вершина, увенчанная шапкой из вечного снега, ярко сияла в лучах солнца.

Здесь была масса речушек. Большинство из них брало начало в ближних горах Дорво́н Манда́р. К одной из речек и подошли путешественники.

— Это речка Жаргала́нт,— сказал Болор.— Будь внимательна. Может, тебе повезёт, и ты увидишь детей моря.

Алима вздохнула и стала упорно, до рези в глазах всматриваться в зеленоватую воду, но, сколько ни напрягала зрение ничего особенного заметить не могла. Из-за камышей

бесшумно вынырнула целая ватага чёрных уток со своими выводками. На миг Алима забыла о детях моря.

— Смотри, Болор, смотри! Красота какая! — закричала она.

Утки испуганно засуетились и повернули назад.

* * *

— Не увидела детей моря? — весело спросил Болор.— Ну, не беда, сейчас мы отправимся их искать.— И он повёл Алиму к озеру Лебедей.

На севере от озера Хубсугул высятся хребты Саянских гор, ощетинившиеся густой тайгой. Между хребтом и Хубсугулом торчит странная, абсолютно голая гора Буянт, а чуть южнее

от неё опять множество рек: Буянт, Хонгоро́ш, Хоро́... Между ними разбросано шестнадцать небольших озёр, одно из них называется Лебединое.

Болор и Алима долго брели вдоль него, следя за купанием лебедей, а устав, сели рядышком, не отрывая глаз от этого изумительного зрелища. Красавцы лебеди, горделиво выгибая длинные, стройные шеи, ныряли в густую синь озера, а вернувшись на поверхность, с силой ударяли по воде мощными белоснежными крыльями. Искрились на солнце перья в мириадах мельчайших брызг.

Дети так долго сидели на берегу, что их стала одолевать дремота. Болор первый протёр глаза и лукаво сказал:

— Не проспи детей моря, Алима!

Девочка очнулась, открыла глаза, но никого, кроме белых птиц, продолжающих самозабвенно купаться в озере, не увидела.

— Нет, вряд ли мне повезёт,— разочарованно сказала она,— никаких детей моря мне не увидеть.

— Погоди, ещё успеешь посмотреть на них,— утешал её Болор.— Давай-ка побежим с тобой к речке Хонгорош! В ней водится очень интересная рыба.

Река Хонгорош оказалась удивительно красивой — вода в ней была прозрачная, она так и кипела в бурном течении. И вся река, лёгкая и игривая, выписывала собой замысловатые извилины на зелёной глади долины.

Алима наклонилась над речкой, смочила ладони, чтобы пригладить растрепавшиеся волосы.

— Ух и вода! Чистая, как кристалл! — в восторге закричала она.

— То ли ты ещё скажешь, когда рыбу увидишь! — засмеялась Болор.— Тут водятся лещи и линьки.

Алима только головой покачала — она сроду таких рыб не видела, даже названия эти были ей незнакомы.

— Ты погоди маленько, я войду в реку, а потом подам тебе знак.

Болор высоко закатал штанины и крадучись, словно охотился за стрекозой, побрёл по воде. Достигнув середины мелководной речки, он остановился и помахал девочке.

— Ты поближе подойди,— громко шепнул он ей, когда Алима сделала несколько нерешительных шагов.— А теперь гляди... Видишь, сколько лещей!

Алима наклонилась над водой и вдруг увидела на дне красновато-коричневых рыбок. По окраске их нелегко было отличить от камешков, покрывавших речное дно. Рыбка, а вот ещё. Да их тут целая пропасть! На миг у девочки закружилась голова.

— Я боюсь, — проговорила она,— мне лучше на берег вернуться.

— Чего ты испугалась, глупышка! — покровительственно спросил Болор. — Смотри, они меня прямо по ногам задевают. Гляди, я сейчас тебе рыбы наловлю!

Болор опустил своё ведро в воду и резким рывком поднял.

— Гляди, попались, бедняги!

Алима увидела, как две рыбки, одна крупненькая, вторая — малёк, метались в ведре.

— Линьки куда подвижнее,— сообщил Болор.

— Отпусти их,— попросила Алима.

— Погоди, я хочу ещё линьков тебе показать! — Болор отнёс ведро на берег и снова вошёл в воду.

Он долго выжидал, но вот наконец ему удалось рукой схватить линька. Он бросил его в прибрежный песок. Рыба тяжело хватала воздух широко раскрытым ртом. Потом дёрнулась несколько раз и затихла.

— Хватит рыбной ловли! — крикнула Алима.— Не хочу больше видеть, как рыба гибнет!

Болор выплеснул воду вместе с лещами в реку.

— Плывите себе, ваше счастье.

Алима обиженно спросила:

— Когда же ты покажешь мне то, что обещал?

— Разве я не рассказывал тебе, что дети моря в действительности обитают не в морях и океанах, а в реках или озёрах? Значит, они могут быть в одном из наших озёр или рек. Надо только хорошенько наблюдать.

Ребята пошли вдоль берега. Вдруг они увидели крупную сероватую птицу. У неё была удивительно длинная шея, плоский длинный клюв и длинные тонкие ноги. Она стала на берегу, словно вросла в землю, и смотрела в воду.

— Узнаёшь? — спросил мальчик свою спутницу.— Это цапля.

Звук ребячьих голосов не вывел птицу из оцепенения.

— Она как ручная,— обрадовалась Алима.— Давай подойдём к ней ещё ближе.

— Тише! Мы можем её спугнуть. Лучше посмотрим, как она охотится. Цапля — отличный рыболов. Сейчас она, видишь, как раз подкарауливает добычу,— сказал Болор.

Вот цапля едва заметно шевельнула сложенными крыльями, потом вся напряглась и вдруг — рраз! — торпедой нырнула в воду и тотчас же появилась вновь, держа поперёк клюва большую рыбину. Несколько взмахов крыльями —

и цапля улетела, испуганная невольным вскриком ребят. Её добыча упала на песок. Это был крупный линёк длиной не менее сорока сантиметров. Алима хотела было дотронуться до рыбы, но тут же отдёрнула руку и попросила Болора отнести линька в реку.

— Ну уж нет! — отказался на этот раз мальчик.— Мы виноваты, что спугнули птицу, она не должна оставаться из-за нас голодной. Чтобы поймать одну-единственную рыбину, ей надо иногда весь день простоять неподвижно. Так что оставим здесь рыбу, я уверен, когда мы уйдём, цапля за ней вернётся.

Путешественники пошли дальше. Немного не доходя до реки Хоро, они заметили небольшое озеро и повернули к нему. Оно оказалось чрезвычайно живописным: его гладь едва различалась — так много там было разной водоплавающей птицы. Среди всех выделялись белые утки и гуси с серым оперением. Алима ухватила Болора за руку:

— Смотри во-он туда! Видишь, утка учит летать утят. Какие они смешные! Вон те птенцы хотят укрыться под крыло к матери. А одного утка подняла клювом.

— Нашла чему удивляться! Живёт в таких краях, как наше приозёрье, и впервые видит, как учат летать птенцов! — довольно резко отозвался Болор, но тут же спохватился и добавил гораздо мягче: — Гляди, как другая утка обучает малышей плавать. Она сажает себе птенцов на спину и ныряет в воду вместе с ними. Птенцы с перепугу крепко держатся, чтобы не сорваться, а она всё ныряет и ныряет, и так до тех пор, пока малыши не преодолеют страх и не научатся плавать... А теперь пойдём, скоро должно показаться и озеро Хубсугул. Ты никогда не видела его с этого берега? Нет? Ну вот и отлично, давай поторопимся.

Алиме очень не хотелось уходить с этого озера, и за Болором она последовала с большой неохотой. Подумаешь, Хубсугул, что она там не видела? Ещё сегодня она дожидалась Болора на его берегу. Правда, теперь они выходили к озеру с другой стороны, может, тут их что-нибудь новенькое ждёт?

Хубсугул — озеро огромное, не зря его любовно называют в народе морем.

Воды озера беспокойно бурлили, тяжёлые волны приносили с собой густую белую пену. Вдали синели складчатые горы, и синь эта постепенно и незаметно сливалась с небом. На берегу важно вышагивала пара турпанов. Два их птенца, видимо, боялись воды и старались держаться от неё на почтительном расстоянии.

— Почему турпаны такие пёстрые, с жёлтыми пятнами? — подняла глаза Алима.

— А почему лебеди белые? — отпарировал Болор.

Ответ показался девочке убедительным, она тут же отвлеклась, заметив, как из какой-то расщелины в горе, неподалёку от озера, вылетел журавль. С длинной, вытянутой вперёд шеей и распластанными крыльями он здорово походил на самолёт. Постепенно снижаясь, как это делает самолёт, он медленно приземлился неподалёку от ребят.

— Какая красивая птица!

— Ты знаешь присказку про журавля, Алима? Если будешь твердить:

Журавль, журавль, ты красавец!
Краше дрофы степной,
Краше цапли речной.
Подойди же сюда, мой любимец! —

он непременно подойдёт к тебе.

Алима тотчас же воспользовалась советом и принялась твердить: «Журавль, журавль, ты красавец...» Но птица явно не собиралась клюнуть на эту удочку.

— Журавли откладывают яйца в песок, а коршуны за ними охотятся,— заметил Болор.

— А вот и неправда! — сердито возразила Алима.

Журавль не подошёл к ней,— значит, Болор обманывает.

— Да ты послушай! — не унимался Болор.— Водоплавающие могут укрыть своё потомство в камышах, в крайнем случае увести его под воду. А у журавлей всё по-другому. Когда коршун нападает на их птенцов, журавлиха закрывает их своими крыльями. Коршун же боится взрослого журавля и улетает. Тогда журавлиха выпускает птенцов и гонит перед собой в безопасное место.

Этот рассказ мало заинтересовал Алиму. Почему дети моря до сих пор не появляются?

— Для этого нужно терпение,— поясняет Болор уже в который раз.— Надо сесть на берегу и долго смотреть на воду.

Алима уселась поудобнее и уставилась на воду. Глаза у неё вскоре начали слипаться; на миг она закрыла их, и ей показалось, что сама она плывёт по волнам. Алима заморгала. Нельзя спать! Дети моря могут появиться с минуты на минуту. Вот что-то белое взметнулось над водой. Алима тихо ахнула. Увы, это оказалась просто чайка. Их было тут великое множество, они беспокойно сновали в разные стороны, часто снижаясь над озером и касаясь крылами воды.

— Где много чаек, там много рыбы,— начал было мальчик, но Алима досадливо замахала на него руками: не мешай, мол, мне наблюдать за озером.

Вскоре её снова стало клонить ко сну. Она вздрогнула от крика Болора:

— Алима! Машина показалась!

Ребята выбежали на дорогу. Вскоре грузовик затормозил. В нём оказалось несколько рабочих, которые ездили утром на работу. Теперь они возвращались домой и узнали ребят.

— Где вы были, что делали? — спросили они у детей.

— Мы хотели увидеть...— Заметив осуждающий взгляд Болора, Алима осеклась.

Болор показал на рыбёшку в ведре.

— Ну и улов! — удивился кто-то.— За весь день!

— Зато без невода, без удочки! — заступился другой.

— А кто поймал-то? — спросил молодой рабочий.

— Она! — показал Болор на Алиму.

«Вот и неправда!» — хотела было закричать девочка, но Болор взглядом приказал ей молчать, и она повиновалась.

Грузовик всё катился вперёд и вперёд, время летело незаметно. В кузове было весело; рабочие, ездившие помогать аратам строить ферму для крупного рогатого скота и красный уголок, возвращались довольные сегодняшним днём — они на славу потрудились, теперь можно хорошо отдохнуть. И, затянув весёлую песню, они кончили её, только когда машина

остановилась у сомонного посёлка. Болор спрыгнул и помог Алиме спрыгнуть на землю, потом крепко пожал её узкую ладошку.

— До свиданья, Алима!

Размахивая ведёрком, он побежал домой.

— Ты бессовестный обманщик! — крикнула она ему вслед.

Болор сразу остановился.

— Это я-то обманщик? — с негодованием спросил он.— Да мы целый день только то и делали, что смотрели на детей моря.

Алима призадумалась. Выходит, ловко провёл её этот Болор. Ну да ладно, она его ещё не так проведёт!

По дороге домой она думала о проведённом долгом летнем дне и решила наконец, что под детьми моря Болор подразумевал рыб и птиц. Ей вдруг стало весело, и в юрту она ворвалась весёлая, улыбающаяся.

Болора дома встретили два младших братишки. Он отдал им рыбу и вдруг засмеялся.

— Ты чего? — удивились малыши.

— Это я так,— смутился Болор.— Просто сегодня я заставил совершить увлекательное путешествие одну девчонку из нашего класса. Она никак не хотела раньше ходить с нами в туристические походы по родному краю. Теперь-то я уверен: в следующий раз пойдёт непременно.

КУЛАНЫ

Это было в последние дни июня 1966 года. Едва занялся серый рассвет, как в Гобийской пустыне неподалёку от горы Хата́н-Хайрха́н можно было заметить двух всадников. Один из них скакал на пегом, другой — на рыжем коне. Это были девочка и мальчик: Энхту́я и Энхмо́р, ехавшие посмотреть, как выглядит пыль, поднятая копытами куланов[1]. Семья девочки недавно переехала в здешние края, и Энхтуе очень хотелось взглянуть хоть одним глазком на этих диких животных.

[1] Кула́ны — дикие животные, непарнокопытные из семейства лошадиных, хвост у них похож на ослиный.

И вообще всё ей здесь было незнакомо, и она засыпáла вопросами своего спутника.

— Почему гору Хатан-Хайрхан так называют: Гора-Мать?

Энхмор снисходительно улыбнулся — подумать только, она не знает таких пустяков!

— Совсем недавно об этом писалось в журнале «Современная Монголия». Тебе следовало бы прочесть эту статью.

— Я не читала, а ты — старожил и мог бы рассказать приезжему человеку о своём родном крае, а не ссылаться на журнал,— возразила девочка.

Энхмор устыдился.

— Когда-то давным-давно горный хребет Аж-Богдо был красивым и сильным богатырём,— начал он.— Но вот достиг богатырь зрелости и решил обзавестись женой. Но подходящей красавицы в жёны ему долго не удавалось сыскать, пока не дошла очередь до далёкой красавицы с востока Хатан-Хайрхан. Она сама пустилась в путь — ей не терпелось посмотреть на жениха. Когда она поднялась на Алтайские горы, увидела Аж-Богдо, она разочаровалась — говорили, что жених молод и красив, а у него совершенно седая голова. Свой путь она продолжала нехотя, а когда прибыла на место, то и вовсе упала духом — жених был ростом маловат. Решила тогда Хатан-Хайрхан вернуться домой. Не нужен ей старый низкорослый жених!

На обратном пути красавица присела отдохнуть посреди пустыни Гоби. Тем временем Аж-Богдо, узнав о её бегстве, швырнул вслед ей горсть песку. Упал песок на полы дэла Хатан-Хайрхан, и недостало у неё сил, чтобы стряхнуть его и подняться с земли. Так и осталась она сидеть здесь навечно, до сих пор сидит. Ты присмотрись к горе повнимательнее.

Энхтуя прищурилась.

— И впрямь, гору словно нарочно с севера песком присыпали,— сказала она немного погодя.

— С тех пор местные жители стали называть Хатан-Хайрхан Горой-Матерью.

Солнце взошло, и сразу стало жарко. Энхтуе хочется о многом расспросить своего спутника, но ей до смерти хочется поскорее добраться до куланов, и она предложила:

— Давай пустим коней вскачь.

— Им и так трудно. Песок, жара, а нам предстоит проделать не менее тридцати километров, и то ещё неизвестно, не зря ли,— резонно возразил мальчик.

Они ехали уже долго. Над головами их заколыхался знаменитый гобийский мираж. Казалось, словно по безбрежному океану бегут лёгкие волны. Ближе к горизонту кусты саксаула казались лодочками, плывущими по этим волнам. А ещё дальше, где полоска горизонта оставалась чистой, не захваченной маревом, маячил какой-то тёмный силуэт. Ребята не могли рассмотреть, что это — тучи или горы.

— Где же куланы? — нетерпеливо спрашивает Энхтуя.

Энхмору пока нечего сказать, и такое нетерпение удивляет его, уроженца Гоби, и следовательно, человека сдержанного и неторопливого. Притомившиеся кони на ходу успевают ущипнуть редкие побеги молодой травы. Каким чудом она растёт в пустыне? Юркие ящерицы нежатся на солнышке, высоко подняв змеиные головки. Маленькие чёрные глазки их вращаются, словно пресмыкающиеся к чему-то приглядываются или прислушиваются. Чёрные неуклюжие пауки неподвижно засели в своих домиках из паутин. Энхтуя, наблюдая за пустыней, немного отвлеклась, но зато забеспокоился Энхмор — никаких признаков куланов! А ведь их можно встретить чаще всего. Как завидишь вдали клубы пыли, так, считай, дикий табун!

— Знаешь, Энхтуя, куланы ходят табуном. У каждого табуна есть свой вожак. Когда встречаются два табуна, вожаки всегда дерутся. В это время остальные лошади скачут вокруг них, отчего густая белая пыль прямо стеной стоит. Совсем нет ветра — пыль высоко не подымется, а от чересчур сильного ветра быстро рассеивается.

Девочка, с большим вниманием слушавшая Энхмора, вдруг перебила его изумлённым возгласом:

— Погоди! Посмотри-ка вон в ту сторону! Что бы это могло быть?

Вдали виднелись странные предметы, более всего напоминающие туго набитые, перевязанные вверху мешки, поставленные стоймя.

— Странно! — удивился Энхмор.— Откуда тут взялись мешки? Давай подъедем поближе и посмотрим. Нет, пожалуй, нам следует остеречься. Сделаем вот что: оставим лошадей, а сами пойдём к мешкам со стороны песчаного холма. Видишь его?

— Это могут быть мешки с аргалом,— заметила Энхтуя.

— Скорее, тут проходили геологи и оставили баки из-под воды. В любом случае мы должны соблюдать осторожность. В нашей Гоби всякое бывает.

— Ты всё время твердишь об опасности, Энхмор. Неужто и впрямь с нами может что-нибудь случиться?

— Слушайся меня, и всё будет в порядке,— гордо заявил мальчик.

Ребята спешились у холма, надели на коней путы и вдобавок, чтобы они далеко не ушли, привязали друг к другу.

Подниматься на холм оказалось невероятно трудно. Золотисто-жёлтый песок, покрывший его склоны, пришёл в движение и тёк вниз, словно настоящая вода.

— Что же это всё-таки? — снова спросила Энхтуя. Она не испугалась, несмотря на предостережения, просто её разбирало любопытство.

— Не знаю, не знаю,— с суровым видом ответил Энхмор.— В нашей Гоби...

— ...всё может быть! — засмеялась Энхтуя. Она первой достигла вершины холма.— Гляди, я же говорила, что это мешки!

— А ну ложись! — мальчик дёрнул её за руку.

Энхтуя воспротивилась — не может она выполнить его команду — под ногами снуют ящерицы! Но Энхмор настойчиво пригнул её к земле, и оба они вместе с песком сползли вниз. Теперь они очутились совсем близко от «мешков». Но что это? Над ними торчали головки каких-то живых существ.

— Наверное, удавы,— прошептала Энхтуя.— Если нас заметят, нам несдобровать. Они такие огромные, что заглотают нас.

— Фу! Не водятся в наших краях никакие удавы! Скорее всего, это медвежата гобийского медведя-мазалая.

— Надо подползти поближе и самим убедиться,— настаивала девочка.

— Ладно, пошли!

Ребята ползли по зыбкому песку.

— Верблюжата! Это верблюжата! — тихо воскликнул мальчик.

— Как они здесь очутились одни?

Ребята хотели было подняться, но тут внезапно налетел песчаный вихрь. Стало темно. Они лежали ничком и ждали, когда буря утихнет. Песок набивался в рот, в уши, в нос. Не было от него спасения. А тут ещё жажда стала мучить. Казалось, никогда не наступит тишина. Но ветер улёгся так же внезапно, как и возник.

Энхтуя и Энхмор поднялись на ноги, отряхнулись. Пора было возвращаться к коням. Но что делать с верблюжатами? Может, помочь надо? Песком их занесло чуть не до самых глаз. Пока ребята размышляли, откуда ни возьмись появились вдалеке три верблюдицы.

— Ложись! — приказал Энхмор, на этот раз девочка сразу повиновалась.

Они присыпали себя песком и стали наблюдать. Верблюдицы приближались к верблюжатам размеренным бегом. Вскоре на их призывный рёв малыши издали ответный писк. Потом каждая мать подошла к своему детёнышу и стала откапывать. Верблюжата вскочили и жадно припали к соскам.

Удивлению ребят не было предела. Энхтуе показалось, что верблюдицы эти — особенные. У них длинные крепкие ноги, тонкая красивая шерсть и невысокие горбы. Нет, они явно отличались от тех, которых она встречала прежде, обыкновенных домашних верблюдов. Она сказала об этом Энхмору. Тот с лёгким презрением наморщил лоб.

— Глупышка! Для Гоби эти верблюдицы самые обычные. Разве ты не заметила, что у нас в Гоби верблюды красивее, чем в других краях?

— Что мы будем делать? — спросила девочка, словно не заметив очередной намёк приятеля на то, что Гоби — самое замечательное место в мире и уж во всяком случае она должна ценить, что её семья переехала сюда!

— Надо пригнать верблюдов домой. Хозяин наверняка с ног сбился, их разыскивая. Пусть побудут у нас, а уж отец

найдёт способ дать знать соседям, что мы пасём приблудное верблюжье стадо.

С этими словами Энхмор вскочил на ноги, и в тот же миг верблюдицы помчались прочь, прикрывая собой верблюжат. Ребята в недоумении переглянулись — домашние верблюды не бывают такими пугливыми.

— Смотри-ка, Энхтуя, белая тарелочка! — воскликнул мальчик, показывая на белые полупрозрачные кружочки, застывшие на песке.

— Да это застывшее молоко верблюдицы! — смекнула Энхтуя.

Они взяли по два кружочка, завернули в платок и сунули за пазуху. Пора было возвращаться домой. Наверное, родители уже беспокоятся. Разыскав коней, они вскочили верхом и отправились в обратный путь, оживлённо обсуждая недавнее происшествие. Энхтуя, похоже, не жалела, что ей не пришлось увидеть, как поднимают пыль копытами куланы. Она непременно увидит это в следующий раз.

Дома, выслушав взволнованный рассказ ребят, отец Энхмора сказал:

— Сегодня вы видели любопытное зрелище, это удаётся не всякому. Дикие верблюды — хавтга́й — пугливы, и человека близко к себе не подпускают. Молоко верблюдицы отливают специально, чтобы не кормить малышей перестоявшимся молоком. Вы хорошо сделали, что захватили с собой несколько кружков — оно очень полезно. Его употребляют, например, от укуса ядовитой змеи. А засыпают верблюжат их мамы сами, когда уходят на водопой, — чтобы малыши не устали и не потерялись. Понятно?

С. Эрдэнэ

МАЛЬЧИК-ПТИЦЕЛЮБ

Нэрэ́н очень любил птиц. Каждый раз, когда наступала пора возвращения перелётных птиц в тёплые края, его охватывало волнение. Прохладными осенними днями уходил он в степь,

ложился на жухлый ковёр увядших цветов и трав и долго, до рези в глазах, смотрел в небо, провожая взглядом стаи лебедей и гусей, растянувшихся в небесной синеве. «Ох как далеко весна, как долго придётся ждать!» — с грустью думал он. И крики птиц печальной песней звучали у него в ушах.

Весной Цэрэн с нетерпением ожидал появления синиц и сельских ласточек. Когда на ветках караганы распускались жёлтые шапочки цветов, когда раздавалось первое щебетанье птичек и какая-нибудь из них со свистом камнем падала с вышины и у самой земли снова взмывала вверх, заливаясь весёлым смехом, Цэрэн приходил в восторг.

Не пропускал он и первой кукушки. Пася овец, мальчик добирался до самого подножия поросших лесом холмов, чтобы, закрыв глаза и затаив дыхание, послушать мелодичное «ку-ку».

А летом, когда кругом суетится столько птиц, для Цэрэна самое радостное, самое счастливое время.

Богата природа родного края, берега прохладных рек и прозрачных озёр Монголии дают приют тысячам пернатых. Тут и величавая цапля, важно вышагивающая по болоту, и крикливый кулик, мелькающий в воздухе, словно оторвавшийся от ветки лист, и журавль, и тетерев. Птицы кладут яйца, высиживают птенцов, учат их летать.

Мальчик хорошо изучил жизнь и повадки своих друзей-птиц. Он знал, что весёлая тетёрка откладывает яйца ранней весной, когда тает снег,— чтобы успеть воспитать из боязливых птенчиков грозных врагов всякой болотной нечисти, что ласточка, если потеряет первых птенцов, снова кладёт яйца и успевает к осени вырастить своих поздно появившихся на свет птенчиков.

У него был секрет: ещё совсем маленьким он приметил орлиное гнездо в ветвях старой осины, что стояла на берегу реки, неподалёку от которой зимовала семья Цэрэна. Орлов было два — самец и самка. Когда Цэрэну исполнилось десять лет, он стал часто ходить к осине и каждый раз предусмотрительно брал с собой подаренный отцом лук. Но ни разу он не заметил никаких признаков того, что в гнезде есть орлята, и мало-помалу потерял к нему интерес.

Между тем как-то в начале весны в орлином гнезде появились наконец птенцы. Там началась какая-то возня, иногда из гнезда высовывались круглые головы и жёлтые шеи. А незадолго до того, как Цэрэн увидел орлят, на небольшом озерке поблизости от реки поселились лебеди. Цэрэн как раз сидел в камышах у берега и наблюдал, как лебедь с лебёдкой плавно скользят по ровной глади воды, изящно выгнув свои длинные красивые шеи. Цэрэну показалось, что лебеди о чём-то шептались.

Через несколько дней мальчик увидел на озере не только двух взрослых лебедей, но и стайку маленьких белых лебедят. От радости ему захотелось смеяться, но, боясь спугнуть птиц, он зажал себе рот руками. Птенцы плыли вслед за родителями, неловко подёргивая лапками и время от времени почёсывая клювами пёрышки на груди. Вдруг какая-то чёрная тень пронеслась над водой, и в следующее мгновенье огромная, зловещая птица схватила одного из лебедят.

Цэрэн вскочил на ноги — орёл уносил в когтях несчастного лебедёнка с переломленной шеей.

Размахивая руками, Цэрэн бросился в ту сторону, куда полетел хищник. Над озером, жалобно крича, кружили лебеди. Но злодей, вонзив стальные когти в добычу, удалялся с ней. Горю Цэрэна не было предела. Всю ночь он не мог уснуть. И решил, что бы ни случилось, отомстить убийце за лебедей.

Назавтра, когда мать ушла выгонять скот, Цэрэн взял отцовское ружьё и отправился к орлиному гнезду.

Большого чёрного орла там не оказалось — видно, улетел на охоту. Орлята шумели в гнезде, тянули кверху свои круглые головы. На ветках осины Цэрэн заметил белые лебединые пёрышки. Он не стал колебаться — прицелился и выстрелил. Гнездо распалось, из него, задевая за ветки, на землю повалились птенцы. Истекая кровью, они беспомощно вращали глазами-пуговками, жадно ловили клювами воздух. Цэрэну стало нестерпимо жалко орлят. «Ведь они ни в чём не виноваты», — подумал он. Тут только он понял, что совершил непоправимую ошибку. Завернув ещё живого маленького орлёнка в полы своего дэла, он помчался домой. «Может быть,

если промыть рану и остановить кровь, он выживет»,— мелькнуло в голове мальчика.

Но птенец очень скоро подох.

С той поры Цэрэн ещё больше полюбил птиц. Думается, от ненависти до любви не так уж далеко.

ТРАВА ПОД СНЕГОМ

На берегу реки Цох раскинулся большой посёлок Муручи. Из шести десятков дворов одну половину составляли монголы и буряты, вторую — русские, украинцы, евреи. Был даже цыган.

Избранное общество Муручи представляли: владелец кожевенного завода Фёдор Коквинский, богач средней руки Холхо́р, ремесленники, изготовлявшие на продажу телеги да сани, и несколько кулаков. Прочее население посёлка — бедняки крестьяне, рабочие с завода Коквинского.

Подворье владельца завода привольно раскинулось на высокой речной террасе. Это ему, Фёдору Коквинскому, принадлежит самый добротный рубленый дом с причудливой резьбой и даже с колоннами. На почтительном отдалении от дома — конюшня, курная изба для слуг хозяина, а за ней — склад кож.

Усадьба Коквинского господствует над широкой улицей, застроенной домами наиболее состоятельных жителей посёлка. Влево и вправо от неё прилепились развалюхи бедняков. Почерневшие хаты наводят на мысль об обуглившихся, но ещё курящихся головешках: круглый год стоят над хатами синие дымки топящихся печей.

Жизнь в посёлке текла монотонно и беззвучно, словно ручей подо льдом. Даже крестины и свадьбы, цаган-сар — монгольский Новый год, русская пасха, пьянки и драки — всё это проходило замкнуто, в отрыве от большого мира, вяло и бесследно. Посёлок выглядел угрюмо в любое время года: зимой — до труб занесённый снегом, летом — погружённый в зной и дремоту, и даже весной — продуваемый пронзительными ветрами. Однако не так уж он был изолирован от мира, этот посёлок Муручи, о чём красноречиво свидетельствовали дороги, разбегающиеся от него в разных направлениях. Правда, движение по ним было редкое и какое-то сонное.

Однако летом 1920 года одно событие надолго лишило покоя жителей Муручи.

Посёлок просто млел от жары, от разогретого воздуха, напоённого терпким запахом свежескошенной травы. Внезапно привычную тишину взорвали беспорядочные винтовочные выстрелы да дробный стук конских копыт. Отряд вооружённых всадников на рысях ворвался на главную улицу посёлка. Потом люди с красными звёздочками на шлемах соскочили с лошадей и врассыпную бросились за сараи и заборы. Следом в посёлок примчался другой отряд — замелькали фуражки

с кокардами — и начал выбивать красноармейцев из Муручи. Однако у тех было своё преимущество — они сидели в засаде. От их метких выстрелов несколько всадников рухнуло прямо в густую пыль. С перепугу жители Муручи наглухо закрыли окна ставнями, заперли ворота. Пальба стихла только с наступлением темноты.

Летним жарким днём монгольский парнишка Го́мбо лежал на берегу реки Цох. Загорелое до черноты тело напоминало борцог. Мальчишка лежал на влажном после купания животе, подперев руками острые скулы. Зажмурившись от яркого света, он прислушивался к речным звукам. От частого купания и долгого лежания под солнцем кожа Гомбо обветрилась и приобрела синеватый оттенок. Волосы давно не стрижены. Валявшаяся рядом одежда — драные бойтоки[1], штаны да рубаха, давно превратившиеся в лохмотья, — говорила о том, что Гомбо либо сирота, либо заброшенный ребёнок в многодетной семье.

В ушах у Гомбо раздавался птичий гомон, но он привык к нему и просто не замечал его. Гомбо знал: стоит открыть глаза, как увидишь вдалеке зубчатую полоску гор Хумэнхан. Знакомая картина. Ничего интересного! Трудно определить, кому больше случается видеть что-нибудь новое — Гомбо или дремлющему в речной заводи окуню.

Парнишку мучил голод. С утра он обшарил все углы в своей избе, опустевшей после смерти матери, и, не обнаружив даже признаков съестного, пустился на другую окраину посёлка — к своей единственной тётке Пэлхэ́. У той был полон двор своих голодранцев, и ничем, кроме сухой корки, поживиться мальчику не удалось. Итак, все известные способы раздобыть еду не помогли. А тут ещё на голодный желудок начинает мерещиться разное. На ум так и лезет то хлеб, густо намазанный душистым жёлтым маслом, то кусок жирной баранины. Гомбо явственно ощущал аромат варёного мяса и мысленно облизывал жирные пальцы. Но тут он вспомнил вдруг такое, что забыл про еду. Недавно, после боя в посёлке, Гомбо подобрал в одной подворотне винтовку и спрятал

[1] Бо́йтоки — войлочные сапоги, опорки.

её в дупле старой осины. Эх, достать бы винтовку из дупла да махнуть в горы Хумэн-хан, подстрелить дикого козла или кабана! Конечно, дотащить добычу домой ему будет не под силу, но он отрежет у неё одни уши и покажет тётушке Пэлхэ. Она поверит и даст лошадь. Запряжёт Гомбо старую Рыжуху, что ходит в упряжке вечно с полузакрытыми глазами, съездит в горы и привезёт добычу в посёлок. А русские ребятишки будут бежать за ним с криком: «Смотрите, смотрите! Гошка-то свинью убил! А он им в ответ строго: «Не трогайте руками, в крови туша-то!»

Тётушка Пэлхэ наварит грудинки, на которой сало толщиной в три пальца, и поставит перед Гомбо деревянную миску с дымящимся мясом: «Твоя добыча, сынок, тебе и делить».

Он всех щедро оделит мясом, а ребятишки досыта наедятся кабанятины, заев её присоленным луком.

От такой картины у Гомбо — Гошки даже слюнки потекли. Горько стало во рту, словно он в самом деле жевал лук.

Вздохнув, он спустился с откоса к реке, чтобы напиться. В воде отразилось его лицо, искажённое волной: нос стал кривым и длинным. Гомбо шлёпнул ладошкой по своему отражению и вернулся на берег, уже позабыв о дымящейся отварной свинине — живот отяжелел от выпитой воды. Конечно, винтовка ему пригодится, думал он, сам хорошенько не понимая, зачем он спрятал оружие. Тогда в бою красные потерпели поражение. Белыми командовал брат владельца завода Елизар Коквинский. После боя Елизар специально собрал всех жителей посёлка и собственноручно на глазах у них расстрелял двух красных, взятых в плен. Давненько не бывал в Муручи Елизар Коквинский, да старики его сразу узнали. Окончил Елизар военное училище в Петербурге и, как говорили, стал блестящим офицером. Возвращение его в родной посёлок было неожиданным. Люди в его отряде были в новеньком обмундировании, с винтовками и шашками. И кони у них были добрые, выхоленные. Надвинув на глаза фуражку и часто одёргивая на себе шинель, увешанную на груди блестящими медалями, среди которых выделялся большой крест, Елизар Коквинский произнёс перед односельчанами суровую речь:

«Призрак государя императора витает над Россией и взывает к отмщению. Наступит время, и мы с красными ещё не так посчитаемся. Войска атамана Семёнова овладели всем Забайкальем. Спешат нам на помощь японцы. От Байкала до самого океана утвердим мы свободное государство Российское!»

Молча слушали Елизара люди, а когда пригнали на расстрел двух пленных, босых, в разорванных рубахах, и убили их, заголосили, запричитали в толпе женщины. Впервые Муручи стали свидетелями столь дикой расправы.

Красноармейцы приняли смерть достойно: пощады не просили, просто рухнули на землю головами друг к другу и затихли.

С того страшного дня кончилась в посёлке дремотная жизнь: с ужасом ожидал посёлок, когда нахлынет сюда белогвардейская армия, о которой говорил Елизар. Однако она всё не появлялась, хотя кое-где в соседних деревнях и пограничных караулах видели вооружённых солдат, неизвестно только, белых или красных. «Пальба была, потом деревенских наших ограбили — знать, белые приходили...» — примерно так рассказывали о наездах. Старая тётка Пэлхэ своё твердила: «Вот увидите, скоро конец света, в святых книгах давно об этом сказано». Её предсказания были похожи на старую диковинную сказку. Примчатся кровавые всадники, и потекут, мол, кровавые реки, обрушатся высокие горы. Слова тётки вселяли в Гомбо страх.

Задумался Гомбо и про голод забыл. Внезапно скрип колёс прервал беспорядочное течение его мыслей. Он открыл глаза и увидел телегу, запряжённую тощей белой лошадью, а на ней — русского. Гомбо заметил рыжеватую бороду, тёмную фуражку. А поверх чистой белой рубахи чёрный жилет. Русский остановил коня рядом с Гомбо и приветливо спросил:

— Что, сынок, знаешь по-русски-то?

Гомбо кивнул.

— Как называется эта деревня?

— Посёлок-то? Муручи, а иногда — посёлок Коквинского.

— Вот как! Значит, мы на месте.

Из-за спины русского показалась девочка, сверстница Гомбо и очень хорошенькая, это сразу бросалось в глаза: пуши-

стые каштановые волосы, чёрные глаза, прямой носик. Она посмотрела на Гомбо:

— У вас тут есть постоялый двор?

— Чего? — не понял Гомбо.

— Ну, дом такой, где приезжие останавливаются.

— Нету такого,— нахмурился Гомбо.

— А не знаешь ли хаты, где можно остановиться?

«Наверное, торговцы»,— подумал Гомбо; к ним в Муручи иногда наезжали продавцы разного товара.

— Вам лучше поехать прямо к Фёдору.

— Какому Фёдору?

— Коквинскому, хозяину кожевенного завода.

— Смеёшься? Да он нас и на порог не пустит! Ха-ха-ха! — весело засмеялась девочка.

Всё в ней — и манера говорить, и живой взгляд, и звонкий смех изобличали жизнерадостный нрав. Однако девочка вдруг погрустнела, глаза у неё стали серьёзными.

— Нам бы только крышу над головой...— вздохнула она.

— Тогда пошли ко мне! — отважился Гомбо.

— А с кем ты живёшь, мальчик?

— Один я, сирота,— пробормотал он. Гомбо не любил, когда его жалели.

— А, ладно, поехали к тебе. Садись, сынок, на телегу, дорогу покажешь.

Гомбо не надо было просить дважды.

Он мигом очутился в телеге, но от девочки отодвинулся подальше, чтобы не заметила его дырявых штанов. Но она потянулась к нему, подёргала за рукав:

— Мальчик, а мальчик, звать-то тебя как?

— Гомбо.

— Гомбо? — Она немного подумала.— Знаешь что, я буду называть тебя Гошкой! Согласен?

— Чего там! Русские ребята у нас в посёлке меня всегда так кличут.

— Меня зови Оксаной,— заявила девочка.— Я шить умею, сошью тебе новые штаны.

— Ну уж... штаны,— краснея, пробормотал Гомбо.

Отец и дочь от души рассмеялись, но смех у них был добрый, и Гошка не обиделся.

Развалюха, где жил Гомбо, стояла на самом краю посёлка. После смерти матери он заглядывал сюда редко, предпочитая ночевать у тётки. Дом не запирался, да и беречь-то было нечего — пусто в избе, хоть шаром покати. Заходить в пустую хату Гомбо всегда было страшновато, и обычно он звал с собой мальчишек.

Сиротливо скрипнула дверь, и пахнуло нежилым — мышами, пылью. Только сейчас Гомбо спохватился: а вдруг эти люди испугаются бедности и не захотят остановиться у него? Однако они и виду не подали. Отодрали доски, которыми были заколочены окна, подмели пол. Вскоре в печке весело потрескивали поленья, подпрыгивала крышка на кипящем чайнике, а запах мышей и пыли исчез совсем.

Оксана с отцом принялись разгружать телегу. Гомбо помогал им. Внесли в избу узлы, стулья, стол, несколько связок книг и набор каких-то инструментов. «Видать, владельцы этих вещей кочуют со всем своим скарбом»,— подумал Гомбо.

Из большой корзины Оксана выложила на стол чудесную еду; при виде её Гомбо лишился дара речи. Свиное сало и хлеб с поджаристой корочкой! Потом кружок колбасы и сушёная рыба!.. Такой снеди мальчишка и в глаза не видал! Он украдкой сглотнул вязкую слюну и отвернулся, но не выдержал и снова уставился на стол. Оксана понимающе усмехнулась и положила перед ним толстый ломоть хлеба с салом.

— Ешь, Гошка, досыта ешь! И не стесняйся.

От счастья он едва не разревелся. Рвал зубами хлеб и сало, глотал не прожёвывая, а потом вместе со всеми уже неторопливо и степенно пил чай, да не пустой, а с сахаром, и пот покрыл его лицо, как у старика.

После еды Оксана засыпала Гомбо вопросами. Почём здесь яйца? Где можно купить соль и табак? Откуда достают дрова?

— Скажи мне, Гошка...— спросил его Оксанин отец,— слышал я по дороге, что в вашем посёлке недавно белые двух красноармейцев расстреляли, верно?

— Верно,— насупился парнишка,— белые приезжали. А командовал брат хозяина, Елизар.

— Елизар?

— Он самый! У него крестов — полная грудь!

В глазах русского вспыхнули гневные огоньки.

— Чёрт побери, вот времени у нас маловато! — произнёс он непонятную фразу.— Послушай, сынок, когда ваши деревенские станут обо мне спрашивать, отвечай про меня: ветеринар, мол, он.

— Ладно! — кивнул Гомбо.— А ещё Елизар сказывал: скоро сюда придёт войско какого-то атамана. Уж не наврал ли?

— Нет,— усмехнулся Оксанин отец.— Скоро придёт войско, только не атамана Семёнова, а другое, которое Советскую власть защищает и зовётся Красной Армией. Придёт с победой.

Толстосумы посёлка Муручи собрались в доме у Коквинского. Они сидели за двухсаженным столом и пили чай. Посредине застолья красовался огромный пузатый самовар. Сам Коквинский, человек с холеным лицом, на котором поблёскивали узкие зелёные глазки, с бородкой клинышком, как у заправского интеллигента, восседал во главе стола на стуле с высокой спинкой. Ворот его красиво вышитой косоворотки был распахнут. Фёдор поглядывал на гостей, положив перед собой крупные жилистые руки. После долгого молчания он заговорил тонким, как у зайца, голосом:

— Всю жизнь я вам помогал. Настал теперь ваш черёд. Не для того я добро наживал, чтобы ни за что ни про что голытьбе отдавать. Не люблю я просить да кланяться, сами знаете. Нужда заставляет. Она, как говорится, и медведя зимой из берлоги выгонит. Так вот что: в течение ближайших десяти дней мне понадобится сотня лошадей с санями. Те кожи, что я купил в Монголии и не успел вывезти из Монгольской Кяхты, да те, что тут на складе лежат, надо доставить на железнодорожную станцию... Холхо́р,— обратился он к своему помощнику,— ты один можешь дать мне два-три десятка лошадей. Хочу весь товар в Маньчжурию переправить. Да и не даром прошу упряжки — заплачу, в накладе не останетесь.

С этими словами Коквинский поднялся с места, большим ключом отпер кованый сундук, вынесенный по этому случаю из кладовой в горницу, достал оттуда меховой мешочек. Золотые монеты со звоном покатились по столу. Гости притихли. Только Холхор, местный богач, подержал на ладони тяжёлый жёлтый кружочек, и глаза его сверкнули.

— За несколько монет, пожалуй, жену тебе свою отдам, Фёдор! — и громко захохотал, довольный шуткой. Но тут же лицо его приняло сосредоточенное выражение.— О какой плате идёт речь? — Он окинул взглядом собравшихся.— Если мы не поможем Фёдору, то кто поможет ему? Мы, муручинские буряты, поднатужимся и выручим тебя, Фёдор. У меня найдётся двадцать — тридцать коней с полной упряжью.

Холхор бросил взгляд на Цыплина — человека, сидевшего на другом краю застолья. Похож был Цыплин на сытого,

откормленного пса: короткая шея, густо напомаженные редкие волосы, глазки жиром заплыли.

— Ты, Цыплин, завтра пошли кого-нибудь в Кяхту, пусть готовит кожи к отправке.

Отдав это приказание, Коквинский позвал прислугу:

— Марфа, эй, Марфа, принеси-ка вина, германского, что покрепче! В подвал сходи!

Девушка быстро сбегала за вином, расставила рюмки, подала закуску. Вино в большой квадратной бутыли, обёрнутой белой салфеткой, оказалось на редкость вкусным. Пили его не спеша. Закусывали капустой, ветчиной, солёными грибочками.

Внезапно дворовые псы взорвались лаем. Раздался визг — видно, кто-то вытянул собак кнутом.

Гостей словно ветром сдунуло. Остались в горнице только Фёдор с Цыплиным. Едва успел Фёдор запереть мешочек с золотом в сундуке, как дверь распахнулась и на пороге появился брат его, Елизар. За спиной его маячили ещё двое.

— Что, Фёдор, капиталы подсчитываешь? — хрипло спросил Елизар, не поздоровавшись; подойдя прямо к столу, залпом выпил стакан водки, яростно впился зубами в кусок ветчины.— Вы тут в тиши отсиживаетесь, а мы — воюй! Японцы бегут из-под Читы, поджавши хвост. Одна у нас надежда — на атамана Семёнова. Вскорости барон Унгерн ударит в тыл красным,— объявил он, тяжело опускаясь на стул.— Меня Семёнов послал, сам атаман, порядки на Селенге установить. Уж я постараюсь. Имя Елизара Коквинского будет греметь на всю округу. Берегись всякий, кто вздумает помогать красным!

Вид у Елизара грозный и решительный, но плясавшее в руках кнутовище выдавало его с головой — сильно обеспокоен был Елизар: видно, дела атамана Семёнова были не так уж хороши, как он старался убедить в том Фёдора да и себя самого.

— Ну, Фёдор, а твои дела как? — спросил он.

Тот незаметно мигнул ему; кликнув Марфу, велел ей устроить на ночлег спутников брата, а когда они вышли, сообщил о своём намерении вывезти кожи в Маньчжурию: Хайла́р, Харби́н и Мукде́н.

Изрядно опьянев, братья завели песню:

Славное море,
Священный Байкал!

Они не слышали, как кто-то осторожно спустился с чердака на крышу примыкающего к дому сарая, бесшумно, не побеспокоив лошадей, скользнул мимо коновязи и исчез в темноте. Никто ничего не заметил, только кони запрядали ушами.

Этим невидимкой был Гомбо.

В этом году, вопреки прежним традициям, администрация кожевенного завода по требованию его владельца объявила цаган-сар обычным рабочим днём. Однако, вопреки приказу и это тоже впервые, рабочие — монголы и буряты — на работу не вышли. Срочно вызванные на завод Коквинский и Цыплин застали там нерастопленные печи. В деревянных корытах и чанах застыла вода.

— Эй! — крикнул Коквинский.— Есть здесь живая душа?

Никакого ответа.

— Сволочи! — выругался Коквинский.— Цыплин, ты что-нибудь понимаешь?

Птичьи глаза заводчика стали и вовсе круглыми.

— Сегодня монгольский Новый год по лунному календарю, начало весны. Хотя прежде из-за этого работа не останавливалась. Вероятно, тут не обошлось без подначки красных.

Когда они покинули пустой завод, увидели: по замёрзшей речке Муручи мчались сани, поднимая тучи снежной пыли. Сроду не было, чтобы цаган-сар отмечали так весело и широко. На улице с шумом и гиканьем носились деревенские ребятишки, играли в прятки, таясь за плетнями и сараями.

Сегодня первый обоз с кожами должен был уйти в Кяхту, но все жители посёлка, у которых были сани, самым непостижимым образом исчезли — видно, разъехались по соседним деревням на этот цаган-сар. Коквинский и Цыплин бросились к Холхору. Тот встретил их одетый по-праздничному — в дэле с собольей оторочкой. Стол ломился от снеди. Стены увешаны изображениями божеств.

Коквинский закричал ещё в дверях:

— Холхор, приятель, объясни, почему нет лошадей? Ты же обещал мне набрать двадцать — тридцать саней!

— Ох, друг, я и сам не мыслил, что так случится. Разве знал, что не только монголы, но и русские станут отмечать цаган-сар? Нет ни одной лошади. Все уехали за реку Цох, будут несколько дней гулять.

Едва притронувшись к угощению, Коквинский удалился. Цыплин семенил рядом. И во сне не снилось заводчику, что рабочие могут ослушаться и не выйти на работу. Да ещё в тот день, когда предстояло грузить кожи! Ни рабочих, ни лошадей — ничего! Бешеная злоба захлестнула Коквинского. И брата нет. Знай Фёдор, что так сложатся обстоятельства, задержал бы Елизара на несколько дней. Уж тот непременно нашёл бы какой-нибудь выход!

Щуря прозрачные зеленоватые глаза, Коквинский с ненавистью смотрел на посёлок. Ярко блестел снег, ослепительно светило солнце, и в лучах его даже самые старые, покосившиеся хаты смотрели весело. Вились над крышами сизые дымки. Мирное утро, а сколько неожиданных неприятностей принесло оно Коквинскому!

Пока он ломал голову над тем, как теперь раздобыть лошадей, по дороге, ведущей к горам Хумэн-хан, весело мчалась санная упряжка. В ней сидели дядя Микола, Оксана и Гомбо. Настроение у Миколы было приподнятое, под стать погоде, мягкой и тёплой, несмотря на то что зима ещё только-только собралась уступить место весне. Может, это горячие ветры из монгольской пустыни Гоби донесли до Муручи своё жаркое дыхание? Радовался дядя Микола, что в маленьком посёлке на краю земли, куда его направили на работу, повстречал он рабочих, настроенных революционно. Конечно, их организованность ещё не шла в сравнение с питерскими или иваново-вознесенскими рабочими, но рабочий человек в основе своей везде одинаков. За три года после победы Октября идеи его нашли отклик повсюду, где есть трудовой люд.

После того как Гомбо по заданию дяди Миколы разведал планы Коквинского, Микола собрал несколько рабочих, которым особенно доверял, и сказал: «Нельзя допустить, чтобы Коквинский народное добро за границу сплавил. Подумайте только, сколько красноармейцев можно обуть в сапоги из коквинской кожи!» Рабочие горячо поддержали Миколу. Вот

и исчезли в назначенный день и лошади, и сани, и люди!

Снежная пыль из-под конских копыт отлетала Миколе в лицо, но он словно и не замечал этого.

Дети сидели рядом, бок о бок, закутанные в одну собачью доху. Никогда ещё не был так счастлив Гомбо, как в тот день. Поблёскивающие лукавые глаза Оксаны, широкие плечи дяди Миколы, за которыми так хорошо, так надёжно, скрип полозьев, конское ржание, искристый снег — всё это заслоняло горькое прошлое...

Вскоре, обогнув горы, сани въехали в тайгу. Лес выглядел сказочно: серебрился снег на лапчатых елях, косые тени ложились на дорогу. Ехали долго, пока не подъехали к опушке, где был расположен зимник. Вот уж никак не ожидал Гомбо, что здесь увидит столько народу. Он слышал, как ещё по дороге Оксана спросила отца:

— Куда мы направляемся?

— К Михаилу Ивановичу в гости,— с усмешкой ответил Микола.

— К какому Михаилу Ивановичу?

— А ты, дочка, недогадливая! К тому самому, кто по осени мёду наелся, лежит теперь в берлоге да лапу сосёт! — засмеялся Микола.

Двери избы, стоявшей на зимнике, отворились, выпуская клубы пара, а с ним и людей — монголов и русских. Похоже, что Миколу тут давно ждали — встретили его с большой радостью.

После ужина Оксану и Гомбо уложили спать на деревянных лавках, застеленных сеном.

— Это и есть партизаны. Я сразу догадалась, как только мы сюда приехали, о них я давно от папы слышала, да только помалкивала,— шептала Оксана, обдавая ухо Гошке горячим дыханием.

— А Елизар сказывал, скоро атаман придёт со своим войском. У него небось солдат и винтовок — тьма-тьмущая. И пулемёты есть, и пушки. Разве партизанам с ним справиться? — возразил Гошка, высовывая голову из-под дохи.

— Если белые придут, так и Красная Армия появится и выбьет белых отовсюду!

Они долго ещё перешёптывались, пока сон не сморил их. А когда ребята проснулись, солнце стояло уже высоко. Дядя Микола объявил, что они едут дальше — прямиком в город Троицкосавск, и пусть они поскорее пьют свой чай, сони. Гомбо удивился: он не знал города с таким названием; и удивился ещё больше, когда ему объяснили, что Троицкосавск — это название русской части пограничного города Кяхты. По правде сказать, он был разочарован, в первую минуту он вообразил, что Троицкосавск на краю света и приятное путешествие продлится долго-долго.

Пара лошадей, которая была запряжена в их сани, отдохнув за ночь, домчала их в город за полдня. Когда въехали на вершину холма, Гомбо так и ахнул: перед ним открылась невиданная картина! Масса домов, окутанных дымкой, а среди них — трёхглавый дворец. В Муручи была церквушка, но маленькая, жалкая, а таких, как эта, он сроду не видывал.

— Какой огромный город! — воскликнул он с восхищением. — А это что — дворец?

— Церковь, Гошка, церковь! Троицкая называется,— объяснил Микола.

— Гошка, да ты, видать, в городе не бывал! — сказала Оксана.— А знаешь, Казань или Иркутск куда больше Троицкосавска. Там каменных домов больше и выше они.

Гомбо недоверчиво покачал головой: по сравнению с Муручи и этот город казался ему великолепным.

Миновав широкую улицу, где было полно народу, сани остановились у ворот добротного рубленого дома с резными наличниками. Хозяин — бурят с окладистой седой бородой, с низким голосом — показался Гомбо стариком из сказки. Доро́гой дядя Микола всё толковал, что едет в город за лекарствами: скот, мол, надо лечить,— а со стариком об этом даже не заговаривал. Что он задумал?

«Наверное, дядя Микола познакомился с этим стариком ещё летом, во время своих частых отлучек из посёлка»,— думал Гомбо, лёжа на мягкой кровати под ватным одеялом. Хорошо бы поделиться этим открытием с Оксаной, да её положили в другой комнате. «Коквинскому надо непременно помешать скрыться с кожами,— доносились до Гомбо отрывки

разговора дяди Миколы с хозяином.— Времени у нас мало — того и гляди, барон Унгерн в Монголию вступит... Наступление красных ожидается весной... Скоро весь Дальний Восток от всякой нечисти очистится...»

Домой возвращались на другой день. Навстречу им попался Цыплин — мчался в Кяхту доставать лошадей, но мимо не проехал, поинтересовался:

— Что у вас в санях лежит? Какой груз?

— А вы посмотрите, господин Цыплин,— ответил Микола.— И сами убедитесь, что за груз может быть у ветеринара!

Недобро покосился Цыплин на Миколу, чувствуя в нём своего врага, но встретился с суровым ответным взглядом и поехал дальше.

Через несколько дней из Муручи в Кяхту вышел первый обоз с кожами. Его сопровождал Цыплин. Он нетерпеливо понукал лошадей. Едва ли удастся вывезти все кожи — упустили санный путь: кончился цаган-сар, наступила оттепель. Дела у Коквинского на заводе тоже шли из рук вон плохо: половина рабочих не вернулась, а те, что вышли на работу, заявили, что заставила их нужда и при первой же возможности они с завода уйдут. Сани и лошадей Коквинский собрал еле-еле: уговорами да угрозами. «Успеть бы сделать хоть две ездки на станцию, а там пропади всё пропадом!» — думал хозяин завода. Сгрести золото, деньги — и прощай Муручи! Жаль, конечно, что не всё сырьё удастся вывезти, да тут уж ничего не поделаешь, замешкалось всё дело из-за цаган-сара, к тому же тепло наступило, оправдывая примету, что после цаган-сара сразу приходит весна. На горных вершинах снег оседать начал, вот и лёд крошится под конскими копытами, скоро путь по реке закроется.

Цыплин думал: «Жадность хозяина одолевает; у самого золота, деньжищ хватает до самой смерти жить не тужить, ан нет, цепляется за сырые кожи!»

Обоз ещё только трогался от ворот склада, а Гомбо — Гошка верхом во весь опор мчался к горам Хумэн-хан. Дядя Микола дал ему записочку к партизанам: она была тщательно спрятана в подмётку бойтока. Сперва Микола сам хотел ехать, да Гомбо упросил: найду, мол, дорогу, не беспокойтесь, при-

метил и огромное воронье гнездо на дереве при нужном повороте в тайгу, и расщеплённую молнией сосну на подъёме.

Ни разу не сбившись с пути, Гомбо достиг зимника, и партизаны проводили его к своему командиру. Тот распорядился накормить парнишку и, пока тот ел, написал ответ, а после проводил Гомбо. Почти одновременно с ним десяток вооружённых всадников поскакали в противоположную сторону прямо по бездорожью — готовить обозу засаду...

Цыплин ехал и думал: как только сплавит он эти проклятые кожи, так сразу даст тягу. Правда, временами его брало сомнение: а вдруг хозяин не надует и впрямь отвалит ему солидную мзду за услуги? И всё-таки страх брал своё — Цыплин был готов удрать.

Время от времени он зорко осматривал окрестности. Всё было спокойно. Однако приближались сумерки. Кони заметно выбились из сил. Ночевать под открытым небом не стоит, решил Цыплин, но остановиться и дать лошадям отдых можно, пока не появится в небе месяц. И только он дал знак обозу остановиться, как из соседнего леса прямо навстречу ему выскочил вооружённый отряд. Сердце у Цыплина упало.

— Что это за люди? — крикнул он растерянно.

Сопровождавшие вместе с ним обоз возчики бросились бежать.

— Куда?! Назад, сукины дети! — закричал Цыплин в отчаянии. — Ложись за возы, отстреливаться будем!

Но его не слушали — кому охота из-за чужих кож свою голову под пули подставлять? Люди устремились в лес. Поняв, что остался в одиночестве, Цыплин стегнул коня. «Сейчас схвачу пулю в спину»,— лихорадочно думал он. Но выстрелов не последовало — партизаны захватили обоз без боя.

По ночам в Муручи бодрствовали разве только сторожевые псы. Они залаяли было, но тут же смолкли, узнав своего. Цыплин бесшумно вошёл в дом Коквинского. Там зажгли лампу, но тут же погасили. Цыплин снова появился во дворе. Вынес из сарая упряжь и запряг двух коней в лёгкий возок. Потом вместе с Коквинским они вынесли из дома тяжёлый ящик с ценностями и спрятали под сиденье. Коквинский, обряженный в путь в доху, подбитую соболями, и высокую

выдровую шапку, несколько минут молча посидел в пустой комнате, потом, залпом проглотив стакан водки, махнул рукой и вышел во двор.

— Ну, Цыплин, принимайся за дело, да не мешкай!

Цыплин ещё раз сбегал в дом, потом вскочил верхом на коня и поехал рядом с возком. Сытые застоявшиеся кони бежали резво и были уже далеко от посёлка, когда над ним вспыхнули оранжевые языки пожара. Заревела скотина, залаяли собаки. Тревожно зазвонил пожарный колокол. Слуги в доме Коквинского повыскакивали — на главной постройке подворья пламя бушевало неистово. «Сгорели хозяин с хозяйкой»,— решили люди.

— Гошка, а ну садись ближе, я озябла! — звонко закричала Оксана, хватая парнишку за плечо.

Гомбо, не выпуская вожжи из рук, покосился на девочку. Каштановая чёлка разметалась по высокому белому лбу. Гомбо втянул в себя воздух — похоже, волосы пахнут ветром и цветами. Одной рукой Гомбо обхватил девочку за плечи.

— Возьми мой дэл! Скоро солнце взойдёт, не замёрзну, чай.

— Нет-нет! Тебе будет холодно,— отказалась Оксана.

— С чего ты взяла? Я же мужчина!

— Подумаешь! — весело засмеялась девочка.— Ещё неизвестно, кто из нас двоих выносливей!

В просвете ивняка показалась застывшая река. Гомбо остановил сани — надо было дать отдых старому белому мерину.

— Чу, чу, чу! — крикнул он, натягивая вожжи.

— Чу, чу, чу! — весело передразнила его Оксана. Её беззаботному смеху вторило щебетанье ранних птах.

Немного погодя ребята снова тронулись в путь. Пересекли реку Цох и свернули с дороги влево, наезженная колея осталась вправо. Заметив это, Оксана спросила:

— Гошка, а Гошка! Чего это мы с дороги свернули?

— На-ко вожжи, я отдохну маленько, да правь левее! Нам теперь осторожнее ехать надо: попадутся белые, несдобровать нам.— Гошка растянулся на санях во весь рост.

— А коли груз наш увидят, тогда что?

— Расстреляют на месте!

Оксана на минуту задумалась.

— Что ты, Оксана?

— Ничего. Хватит болтать, спи, Гошка!

Гомбо клонило ко сну, и он охотно закрыл глаза, но тут же спохватился, дёрнул девочку за платок:

— А ты разве спать не хочешь? Ложись лучше ты!

— Ни за что! Уже рассвет. Чувствуешь, как потеплело? — Она стянула с головы тёплую шаль.

— Оксана!

— Чего тебе, неугомонный?

— Шея у тебя красивая.

Притворившись, что не расслышала, Оксана быстро проговорила:

— Глянь-ка, Гошка! Молодая трава народилась! Прямо из-под снега.

В голове её прозвучало такое искреннее удивление, что Гошка приподнялся. Сперва он не поверил своим глазам — среди снега на речном берегу зеленела лужайка. Трава проросла сквозь снег.

— Не слыхала, чтобы так рано трава появлялась, — удивлённо сказала Оксана.

— Дядя Микола не зря говорит, что вскоре всё переменится. Зима в лето превратится, а лето — в зиму! — засмеялся собственной шутке Гомбо.— А ну ложись на моё место и спи!

Немного погодя оглянулся, а Оксана спит, и на губах у неё едва заметная улыбка блуждает.

Не далее как прошлым летом жил себе Гомбо один-одинёшенек. Мир ему представлялся стогом сена, где жадные пауки раскинули паутину для таких жалких мошек, как он. Но появился в посёлке дядя Микола с дочкой Оксаной, и в жизни Гошки наступил крутой перелом. Если не небо, то сама судьба послала в Муручи телегу, запряжённую старым белым мерином. Дядя Микола сказал тогда: «Как же ты один-то живёшь, малец? Давайте жить вместе. Моя Оксана тебе будет товарищем». Он погладил Гошку по голове, а Оксана смотрела на него задорно и лукаво. Дядя Микола обещал: кончится война на земле, отвезёт он их с Оксаной в большой город, в школу отдаст...

За деревьями показался горный склон. Гомбо придержал лошадь. Девочка всё ещё мирно спала. Во сне губы и щёки её порозовели. Взгляд Гомбо скользнул дальше и вдруг схватил фигурки четырёх всадников, движущихся по старой дороге. Мелькнули они и исчезли.

«Что за люди? — встревожился Гошка.— Хорошо, если просто путники и едут своим путём. В таком случае они должны вскоре показаться на другом берегу, так ведёт дорога. А вдруг нас заметили в Муручи и это — погоня?» Последняя мысль ошеломила мальчика. Немного поколебавшись, он разбудил свою спутницу.

— Оксана! Проснись! — Гомбо потрепал девочку по щеке.

— Ох и долго же я спала! — сказала Оксана, садясь в санях.

Гомбо коротко рассказал ей о всадниках, и она мгновенно приняла решение:

— Слезь с воза, Гошка! Надо винтовки попрятать. Переждём, а потом вернёмся за ними.

Они выгрузили два десятка винтовок, завёрнутых в мешковину, тщательно спрятали под поваленным деревом в небольшой выемке и поехали дальше.

— Запомни, Гошка: мы едем в горы за берёзовым сушняком. Ничего не бойся, слышишь?

Когда телега спустилась с горы, к ней подскакали четверо. У Гошки упало сердце, словно чуяло недоброе. Он туго натянул поводья и сказал отчаянным шёпотом:

— Приехали, Оксаночка!

Елизара ребята узнали сразу. У него на ремне болталась кожаная кобура, а рядом с ней — шашка. Его спутники почтительно держались несколько поодаль от Елизара. На лице его играла улыбка, обнажавшая белые зубы. Остальные смотрели равнодушно, вполголоса переговариваясь о чём-то.

— Куда едете? — ласково спросил Елизар, и от звука этого голоса Гошке стало страшно.

— А вы куда? — против воли вырвалось у Гошки. Его слова словно послужили сигналом — один из спутников Елизара стал медленно стаскивать с плеча винтовку.

— Оксана-а-а-а! — закричал Гомбо, спрыгивая с воза и таща за собой девочку.

Каким громким показался ему выстрел. Гошка зажмурился, а когда стихло в тайге гулкое эхо и он открыл глаза, на груди у Оксаны медленно расплывалось красное пятно.

— Оксана-а-а-а! Оксана-а-а-а! — кричал Гомбо в отчаянии.

«А-а-а!» — вторила ему тайга.

Белые увезли Гомбо с собой.

Солнечные лучи пробились сквозь щели сарая, разбудили Гомбо; а вернее, не солнце, а саднящая боль в исхлёстанной спине да острый голод в пустом желудке вернули его к действительности из полусонного забытья. Елизар сам допрашивал Гомбо — хотел дознаться, где в лесу скрываются партизаны. Связанного верёвкой, привезли Гомбо в логово белых — насилу оторвали от убитой Оксаны. Деревня была ему незнакома — всего с десяток изб и ни жителей, ни собак. Когда Гомбо допрашивали, он молчал, только слёзы по щекам катились градом. «Говори, кому вёз оружие с ветеринаровой дочкой? Смотри: не скажешь — тебя тоже расстреляем». Но он молчал. Его пороли ивовыми прутьями, да так, что кожа на спине у него превратилась в лохмотья, а когда он потерял сознание, бросили в сарай и заперли. Но самой страшной мукой была мысль о гибели Оксаны. Казалось, умри Гомбо, и тогда не позабудет он красного пятна на груди Оксаны и окаменевшего её лица.

Гомбо изловчился и разглядел в щель, что дверь снаружи припёрта здоровым поленом, а рядом сидит караульный.

— Дядя,— простонал мальчик,— дайте напиться, ну хоть глоток!

— Замолчи, щенок! — прикрикнул караульный, но воды, талой, снеговой, всё-таки принёс в берестяном туеске.— Пей! — и ушёл.

Гомбо напился и снова припал к щели. Сторожа не было видно, зато посредине улицы собрались белые и о чём-то толкуют. У ворот неподалёку от сарая стояли осёдланные кони. Чуть поодаль несколько белых солдат проворно освежёвывали коровью тушу. Хорошо было бы ненадолго превратиться в мышь и выбраться на волю. Да разве превратишься! Гомбо вздохнул и принялся ощупывать земляной пол

возле стен. Почва была мягкая, податливая — раскисла от талых вод. Гомбо не знал, куда бежать и можно ли бежать, но возможность вырыть подкоп так воодушевила его, что он немедленно принялся за дело, не обращая внимания на боль, сопровождавшую каждое его движение. Скорее проделать под стеной отверстие, даже небольшое, чтобы только голова проходила, а там уж выберется! Сколько раз приходилось Гомбо ловко протискиваться в узкие щели заборов в Муручи.

Наконец подкоп был готов. Затаив дыхание мальчик высунул сперва голову и потихоньку выполз наружу. Хотелось бежать сломя голову, но он заставил себя ещё раз хорошенько осмотреться. Всего в сотне метров от него высился холм, покрытый лесом. Добраться бы до него, а там поминай как звали! Гомбо пополз. Как назло, ни кочки, ни кустика. Он прижался к сырой земле, замер. Белые ведь тоже не слепые, сразу пустят пулю вдогонку. Гомбо приподнял голову. Вот бы завладеть лошадью! Эта мысль показалась ему невероятной, и всё-таки он решил рискнуть.

Гомбо повезло: его не заметили. Гомбо выбрал себе коня, к седлу которого была приторочена винтовка. В один миг он очутился в седле, прижался к конской гриве. Сердце, казалось, готово было выскочить у него из груди: «Не торопись, Гошка! — сказал он себе.— И ничего не бойся. Сначала пусти коня шагом». Он так и сделал, но долго не выдержал и пустил его галопом. И тут ему опять повезло: белые сперва не обратили на него никакого внимания — видно, решили, что поскакал кто-то свой, а когда хватились и открыли пальбу, было уже поздно — лошадь достигла леса и углубилась в чащу. Попробуй догони!

В тот же день партизаны внезапным ударом разгромили белый отряд во главе с Елизаром: Гомбо указал к нему дорогу. В партизанском отряде он увидел дядю Миколу, соскочил с коня, упал на землю, забился в плаче. Всё без слов понял отец Оксаны, а вскоре партизаны окружили деревеньку, где оказались белые. Караульные открыли пальбу. Проснулись белые, бросились по коням, да куда там! Настигли их партизанские пули. Тем, кто в домах остался, партизаны сда-

ться предложили. «Иначе избы подпалим!» — заявили они.

Гомбо был оставлен у леса коней стеречь.

— Хочу за Оксану отомстить, возьмите с собой...— просил он дядю Миколу, но тот отказал.

— Не могу, и не проси: ты у меня теперь один остался, сынок.

Пришлось мальчику весь бой издалека наблюдать. Там рвались гранаты, гремели винтовочные выстрелы. Когда перестрелка немного поутихла, из-за сарая, в котором сидел Гомбо, внезапно выскочил всадник и помчался прямо на мальчика. Конь шёл галопом, и белая рубаха на наезднике вставала пузырём. Вдогонку раздались выстрелы. Не доскакав до леса, где сидел Гомбо, лошадь рухнула. Человек же вскочил на ноги и прытко побежал. Гомбо прижал свою винтовку к стволу дерева и, почти не целясь, нажал курок. Человек вскинул руки над головой, вскрикнул и упал ничком как подкошенный.

Остатки белогвардейцев сдались в плен, и бой закончился. Теперь Гомбо мог посмотреть, кого сразила его пуля. Он склонился над убитым и перевернул его на спину. Страшное, искажённое предсмертной судорогой, на Гомбо смотрело лицо Елизара Коквинского.

Хрупкое тело девочки партизаны похоронили на поляне под молодой берёзкой. Тишина стояла, покой, словно и не было неподалёку жестокого боя, не было на земле никаких войн и пожарищ. На могиле Оксаны молоденькая, ярко-зелёная травка пробивалась возле свежей земли. Дядя Микола погладил по голове плачущего мальчика.

— Посмотри-ка, Гошка, — сказал он изумлённо, — посмотри-ка, сынок,— травка выросла прямо из-под снега!..

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Ваши отзывы об этой книге
присылайте по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

БЫСТРЫЕ НАЕЗДНИКИ

Сборник рассказов монгольских писателей

ИБ № 4014

Ответственный редактор *С. К. Беркман.*
Художественный редактор *М. Д. Суховцева.*
Технические редакторы *Г. Г. Седова* и *Л. С. Стёпина*
Корректоры *В. А. Иванова* и *М. Ю. Мерперт.*

Сдано в набор 23.06.80. Подписано к печати 25.02.81. Формат 70×90/16. Бум. офс. № 1. Шрифт академический. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,21. Усл. кр.-отт. 16,74. Уч.-изд. л. 11,23. Тираж 100 000 экз. Заказ № 628. Цена 60 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

60 коп.